

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

The book cover features a dramatic illustration of three characters on a dark, rocky outcrop. In the foreground, a man with a bow is in a dynamic pose, ready to shoot. Behind him, a woman with long hair and a glowing blue aura is visible. To the right, another man is seen from the side, also with a bow. The background is a vast, hazy landscape with jagged rock formations under a warm, golden sky with a crescent moon. The overall style is reminiscent of classic fantasy art.

ВЕТЕР ПОЛЫНИ

Ветер и искры

Annotation

Ветер гуляет по миру Хары, заноса прошлое песком лжи. Никто уже не помнит то, что когда-то считалось правдой – она давно предана забвению, и, чтобы узнать о ней, следует поймать ветер за хвост. Вот только что делать, если он обернется горькой полынью? Будет ли тебе нужна истина, к которой ты так стремился?

Нэсс, Лаэн и Шен бегут от летящего по их следам урагана войны, но впереди ждет грозовая буря, и нет от нее спасения ни людям, ни Проклятым.

Потому что дует над равнинами Руде, гася багровые степные искры, жестокий ветер полыни.

Алексей Пехов

Ветер полыни

Лук не слишком обращал внимание на то, что Га-нор мрачен, словно грозовая туча.

Что взять с привыкшего к горам и ледяным просторам следопыта? Тот с трудом терпел давку, грязь и вонь узких, постоянно запруженных народом улиц чуждого ему города. Рыжего выводило из себя то, что окрестные зеваки тычут в него пальцами. А Лук не находил в этом ничего удивительного. Северяне – редкие гости в этой части Империи. На высокого, облаченного в килт и кожаную безрукавку сына Ирбиса не смотрел только слепой.

– Долго мы будем здесь торчать? – пробурчал Га-нор, но Лук счел ниже своего достоинства ответить. Ему было не до того.

– Да что с тобой такое? – нахмурился сын Ирбиса, и сидящий на мраморной скамейке товарищ на этот раз соизволил открыть рот:

– Ничего. Со мной все хорошо, лопни твоя жаба.

В ответ северянин недоверчиво хмыкнул в усы и бросил на солдата быстрый взгляд исподлобья.

– Ты сам сейчас похож на жабу. Того и гляди лопнешь. Со страху, что ли, надулся?

– Отстань! – отмахнулся Лук. – Не до тебя сейчас.

Приятель громко фыркнул, показывая этим всю степень своего раздражения. Затем встал, неспешно прошелся, уселся на широкий подоконник и угрюмо уставился сквозь высокое стрельчатое окно на город и далекое море.

Зал, где они ждали уже второй нар, казался неправдоподобно большим. Высокий куполообразный потолок, огромные хрустальные люстры, которые искрились и сияли в солнечных лучах, врывающихся сюда через сотни окон. Чудилось, будто помещение тонет в этом свете. Отполированные до блеска мраморные плиты отражали все возможные оттенки золотого и оранжевого, передавая их стенам, колоннам и статуям.

Но Луку на всю эту красоту было начхать. Бывший стражник Врат Шести Башен слишком нервничал перед встречей с Ходящими, и от волнения внутренности его скрутило в такой узел, что хоть стой, хоть падай.

Однако деваться было некуда. Оставалось терпеть и ждать, потому что второй такой шанс мог представиться лишь лет через двести или триста. Уйди Лук сейчас, и потраченное в Альсгаре время пропадет зря. Следопыт тогда точно взбесится, кого-нибудь пристукнет, и после этого их наверняка сунут в тюремную яму.

Лук не знал, как Гису удалось устроить встречу с одной из волшебниц. Солдат до последнего момента не верил, что дело выгорит, несмотря на то что за них просил сам магистр заклинателей. Общеизвестно, что Ходящие хоть и терпят, однако не слишком жалуют тех, кто носит алые мантии.

Но судьба улыбнулась, и Гис притащил ошалевшего Лука и мрачного Га-нора в логово имперских магов.

Северянин, преисполненный самых дурных ожиданий, тихонько выругался. Ему, в отличие от друга, было все равно, состоится встреча или нет. Он бы не заплакал, не увидев Ходящих. Га-нор не пылал особой любовью к магам и не испытывал к ним доверия. Когда он был еще ребенком, в Льдистые земли приходила одна из носительниц Дара. Она ничего не смогла сделать с хелбларом, уничтожившим родную деревню следопыта, – тварь сожрала Ходящую вместе с ее магией и даже не подавилась.

С тех пор к могуществу тех, кто кичился «искрой», сын Ирбиса относился со скрытым скептицизмом, и эта встреча была нужна ему гораздо меньше, чем блазгам обувь. Если бы не Лук, с которым он успел сдружиться за время путешествия от Врат, Га-нор послал бы все в Бездну и отправился восвояси: потому что во время войны настоящему мужчине стыдно протирать килт в приемных магов.

Дверь распахнулась. В зал вбежал запыхавшийся мальчишка. Паренек с худым лицом, острым подбородком и оттопыренными ушами, которые придавали ему ужасно нелепый вид, был одет в шелковый колет алого цвета и черные штаны.

Га-нор узнал Ашана – единственного ученика Гиса.

– Мастер Лук. Мастер Га-нор. Вас готовы принять. Мастер Гис просит пройти к нему, – звонким голосом произнес мальчик. И не проверяя, идут ли за ним, поспешил прочь.

Друзья прошли чередой пустых коридоров с мозаичным полом и огромными окнами, поднялись по широкой, закрученной спиралью лестнице, покрытой сдисским ковром.

– Послушай, – удивленно прошептал Лук. – Это... До меня только теперь дошло, что башенка-то внутри гораздо больше, чем снаружи. Не находишь?

Га-нор лишь пожал плечами, но Ашан, услышав вопрос, счел своим долгом ответить гостю:

– Ходящие называют это игрой с пространством – то, что снаружи кажется маленьким, внутри может стать огромным. Волшебники прошлого были настоящими мастерами.

– А сейчас могут так строить?

Мальчишка нехотя шмыгнул носом, а затем отрицательно покачал головой:

– Нет, мастер Лук. Это знание забыто.

Преодолев девять витков, спутники оказались в синем зале. Здесь весело журчал фонтан с перламутровыми рыбками, в больших позолоченных клетках под потолком порхали, заливаясь трелями, птицы с южных островов. В фарфоровых кадках у стен цвели красные тюльпаны и невысокие мандариновые деревья. Гис стоял у распахнутого окна, заложив руки за спину. Цепкий взгляд его темных глаз задержался на Луке, и тот поежился.

– Вас ждут. Ничего не бойтесь, я буду с вами.

– Чего нам бояться? – хмыкнул Лук.

Гис улыбнулся:

– Вот и славно. В следующем зале сдадите оружие гвардейцам.

Га-нор нахмурился. Он не испытывал желания отдавать клинок в чужие руки.

– Таковы правила, – ответил на невысказанное недовольство северянина заклинатель. – Мне тоже придется расстаться с жезлом.

– Они не доверяют даже таким, как ты?

– У Башни есть свои законы, – вновь улыбнулся Гис, хотя было видно, что слова рыжего ему не понравились.

– Они терпят вас. Но не любят.

– Заклинателям не нужна любовь Ходящих. Мы миримся друг с другом и делаем общее дело. Когда идет война, приходится забыть о разделяющих нас принципах и закрыть глаза на старые раздоры. Сейчас во всей стране у людей только одна главная задача – остановить Набатор.

– И Прóклятых.

– И Прóклятых, – ничуть не смутившись, подтвердил Гис. – Добиться этого можно только совместными усилиями. Именно потому вас выслушают. Мало кто видел Шестерых.

Ваш рассказ может оказаться полезен.

– Лук видел только одну – Корь. Я же не видел никого.

– Да, Га-нор. Я помню.

Заклинатель толкнул высокие створки. Те бесшумно отворились, и Лук, посмотрев вверх, изумленно охнул. Потолок в зале был прозрачным, а наверху раскинулось черное небо с рассыпанными, словно просо для кур, мириадами звезд. Стражник помнил, что всего лишь десять минок назад за окнами властвовал день. Га-нор удивления не выказал и хмуро проворчал что-то про магию.

– Это Ночной зал, созданный Скульптором, друзья. – Гис даже не думал задираТЬ голову, чтобы посмотреть на чудо из чудес. – Здесь живет бесконечная ночь, звезды...

– И комета.

Действительно, затмевая яркостью даже луну, по небу, распушив багровый огненный хвост, беззвучно неслась красавица комета.

– Да. Предвестник несчастья. Она появилась здесь за день до падения Врат Шести Башен. Но, к сожалению, никто не придавал этому значения. Слишком давно не было ничего подобного. В последний раз комета появлялась в Войну Некромантов. Пять веков – слишком долгий срок, чтобы кто-нибудь вспомнил об этом и заподозрил неладное. А жаль. Возможно, если бы Ходящие поняли, что она означает, мы бы не оказались в таком бедственном положении, как сейчас.

– Ходящие так редко смотрят наверх, или просто слепы, точно плотоядные ледяные черви? – недоверчиво произнес Га-нор. – В моем клане каждый ребенок знает – когда появляется хвостатая вестница^[1], жди беды.

– На настоящем небе кометы нет. Она только в этом зале. Многих подобное обстоятельство, как я слышал, смутило. Но давай поговорим о поступках магов после того, как уйдем отсюда, – мягко произнес Гис. – Сейчас не время заниматься подобными беседами.

Следопыт согласно хмыкнул. Заклинатель говорил разумные вещи, не ровен нар – не слишком уважительные речи услышат и, не церемонясь, выставят нахалов за дверь. Лук этого точно не переживет. Будет ныть с утра до вечера и своими жалобами сведет с ума. Уж лучше немного помолчать, благо это не трудно.

Спутники шли под безразлично подмигивающими с высоты небосвода звездами, и звуки их шагов, точно испуганные летучие мыши, взлетали к потолку. Было видно, что заклинатель спешит, но не позволяет себе сорваться на бег. Несущийся по Башне демонолог – не самая хорошая репутация для того, кого и так здесь не слишком-то ценят.

Северянин заставил Луку отвлечься от созерцания потолка, дернув за рукав.

– Чего? – не слишком довольный обернулся тот, бросив последний взгляд на поразившую его комету.

– Надеюсь, у тебя хватит ума не говорить им про Лаэн? – наклонившись к уху стражника, прошептал Га-нор.

– Ну, ты еще меня поучи, что говорить, а что нет, лопни твоя жаба! – обиделся Лук. – Понимаю. Не тупой.

– Про Лаэн уже знают. – У Гиса оказался отменный слух.

– Ты о чем? – скорчил невинную рожу солдат.

– О том же, что и вы. В ней есть «искра».

– Правда?

– У тебя не слишком хорошо получается корчить из себя дурака, – добродушно усмехнулся в усы заклинатель.

– Это ты им рассказал? – Синие глаза следопыта нехорошо прищурились.

– Не говори ерунды, сын Ирбиса. – Гис шел вперед размеренным шагом. – Я не имею дурной привычки лезть в чужие дела. В особенности в те, которые касаются Дара. Башня знала о женщине Нэсса еще до того, как я оказался в Альсгаре. Так что не стоит тебе смотреть на меня волком.

– У заклинателей что? Глаза на затылке? – удивился Лук.

– А вот нас и встречают, – вместо ответа процедил магистр. По его лицу было видно, что он не слишком рад.

У дверей застыли четверо гвардейцев в парадных серо-красных мундирах, а чуть поодаль, нетерпеливо покачиваясь на носках, стоял мужчина, облаченный в черное. От взгляда Га-нора не укрылось, что на груди у незнакомца серебряными нитями вышита искра с восьмью лучами. Следопыт знал, что если красный круг или пламя указывают на принадлежность к Ходящим, то серебро нашивки говорит о том, что перед ними один из Огоньков.

– Ирла ждет, магистр, – сказал маг.

Заклинатель холодно кивнул в ответ. Он явно не слишком жаловал этого человека. Все так же молча Гис снял с пояса жезл. Протянул «черному». Тот с ироничным поклоном принял его:

– Эти люди знают правила? Они должны оставить оружие гвардейцам.

– Спасибо, что напомнил, Григо. Без твоей заботы мы бы пропали. – Алый не пытался скрыть яд в голосе.

– Всегда к твоим услугам.

Лук не стал тащить топор в Башню, оставив его под кроватью в доме Гиса, и вручил гвардейцу лишь широкий кинжал. Следопыт, в отличие от товарища, с видимой неохотой расстегнул ремень, удерживающий ножны за спиной, и с недовольным видом передал охране меч. Гвардеец, принявший оружие, вытянув его на полпальца, уважительно крякнул. И было от чего: некоторые оружейники Льдистых земель ничем не уступали морасским мастерам. Шкуру орхака сталь, подобная этой, разрубала, словно льняную рубашку.

– Мальчик, ты останься здесь, – велел Ашану «черный».

– Ашан, подожди, пожалуйста. Мы скоро вернемся. – Гис смотрел только на мага, посмеявшегося отдавать приказы его ученику, и теперь в его голосе прозвучало предупреждение: «Делай свое дело, Григо, и не лезь в чужое».

Огонек на это лишь хмыкнул и, не оглядываясь, пошел вперед.

– А они не любят тебя гораздо сильнее, чем я думал, – сказал Га-нор заклинателю.

– А ты знаешь того, кто любит носящих алые мантии? – Усмешка у магистра вышла не слишком приятной.

– Да, я знаю таких людей, – невозмутимо ответил рыжий. – И удивлен, что ты о них не слышал. Клань Льдистых земель уважают тех, кто правит демонами.

– Мне известно это. Прости. – Гис на мгновение прикрыл глаза, вернув своему лицу маску безмятежного спокойствия. – Но север и твои родичи слишком далеко от нас. Когда живешь среди всего этого, – он обвел рукой чертоги, по которым они шли, – то забываешь, что где-то тебя могут встречать не как врага, а как друга.

– Тебе следует побывать в наших краях. Вряд ли ты выдержишь зиму, а вот лето может

приятись тебе по вкусу. Конечно, если не боишься комаров.

Гис на это лишь рассмеялся:

– Нет. Я не боюсь комаров. И был в ваших краях. Правда, очень давно. Лет пятнадцать назад. В гостях у клана Снежных Белок. Но нынче не до путешествий. Дел навалилось выше крыши, да и путь на север Империи теперь закрыт, набаторская армия топчется где-то недалеко от Лестницы Висельника.

– Ну и что? Западный перевал через Клык Грома^[2] будет доступен до середины осени, пока в горах не начнутся снегопады. К тому же Орлиное Гнездо и Окни не взяты, а пока они держатся, к Лестнице набаторцы не пройдут.

– Боюсь, падение Окни – лишь вопрос времени, мой друг, – вздохнул Гис. – Как и Орлиного Гнезда. Если они смогли взять Врата Шести Башен, то и эти крепости не выдержат натиска. Восток, который многие все еще продолжают считать нашим, мы потеряли. От Самшитовых гор и Лесного края до Окни, Гемской дуги и лесов Высокородных земли утрачены. И чтобы их вернуть, придется пролить море крови.

– Мы и так ее пролили, – не согласился Лук, влезая в разговор. – Только без всякого толку. На их стороне некроманты Сдиса и сами Проклятые. Против таких много не навоюешь, лопни твоя жаба. Оставят от тебя мокрое место или, того хуже, – обратят в мертвяка.

– Для того чтобы этого не было, и нужны Ходящие. А они вместо помощи солдатам сидят за надежными стенами и цветочки выращивают. Большая доблесть!

– Прикусил бы ты язык, рыжий, – беззлобно бросил Га-нору прислушивающийся к беседе Григо. – Если бы Башня ничего не делала, темные твари давно бы бегали по пепелищу твоей деревни. Ты не знаешь, на что способны владеющие черным Даром.

– Ты будешь удивлен, Огонек, но я знаю, чего ждать от некромантов. И гораздо лучше, чем ты.

Маг на эти слова лишь выразительно кашлянул, показывая, что не поверил словам Га-нора. Разговор затих, и дальше спутники шли чередой великолепных коридоров, залов и галерей в молчании. Наконец они поднялись по тонкой, тихо звенящей под ногами, серебристой лесенке, и Григо распахнул скрытую в стене невысокую дверь.

В какой-то момент Луку показалось, что он очутился в подвешенной между небесами и землей хрустальной клетке. Вся комната состояла лишь из тонкого каркаса и закрепленных в нем стекол. Каким-то непостижимым образом помещение было вынесено за пределы башни и висело в воздухе на невидимых креплениях.

Вверху плыли облака, внизу блестело озеро, которое с этой высоты в размерах проигрывало даже небольшой луже. Прямо над прозрачным куполом находились ласточкины гнезда, и множество птиц кувыркалось в небе, молниями пролетая мимо мыльного пузыря, куда попали приглашенные Башней гости.

Стеклянный пол выглядел донельзя хрупким. Создавалось впечатление, что в любую уну он пойдет трещинами, точно первый лед, а затем лопнет под ногами, разлетится во все стороны с хрустальным звоном бриллиантовыми брызгами, и придется падать ярдов двести, если не больше.

Луку, как только он поглядел вниз, стало нехорошо. Ничего не скажешь, «приятная» перспектива. Ноги его задрожали, в горле пересохло, на лбу выступила испарина, а голова закружилась. Он зажмурился, но это не спасло, и, чтобы не упасть, солдат, словно утопающий, обеими руками изо всех сил вцепился в Га-нора.

– Не смотри вниз, – посоветовал тот.

– Легко сказать, лопни твоя жаба, – простонал Лук. – Меня сейчас стошнит.

– Не думаю, что Ходящая обрадуется такому проявлению чувств, – пробормотал Гис и встряхнул стражника. – Возьми себя в руки!

Тот открыл один глаз, затем другой:

– Лопни твоя жаба! Я с детства боюсь высоты.

– Эй! Ты же столько лет провел на стенах Врат Шести Башен! – удивился следопыт.

– Сравнил! Там, дай Мелот, чтобы сорок ярдов было, и камень под ногами. А здесь – за несколько сотен. Вон, люди внизу меньше муравьев. И сплошное стекло. Того и гляди, рухнем.

– То, что создал Скульптор, не так-то просто разрушить, – улыбнулся заклинатель. – Тебе совершенно нечего опасаться. Этот пол выдержит даже удар снаряда, выпущенного из катапульты.

Лук вяло кивнул и только теперь заметил, что в дальнем углу комнаты, на сдвинутых подушках оранжевого цвета, поджав под себя ноги, сидит пожилая женщина. Перед ней, прямо в воздухе, висит толстая книга. Ходящая была погружена в чтение и не обратила на вошедших никакого внимания. Лишь после того как к ней подошел Огонек, она оторвалась от страниц и подняла глаза на приглашенных. Радужно улыбнулась, оперлась на руку Григо, с трудом встала на ноги и подошла к гостям.

– Магистр Гис, я рада видеть вас в добром здравии.

– Позвольте мне сказать то же самое, Ирла, – поклонился заклинатель. – Вот люди, о которых я вам рассказывал.

– Здравствуйте. Спасибо, что нашли время ответить на мое приглашение. Беседа не займет много времени.

– Мы готовы быть здесь, сколько потребуется, госпожа, – благоговейно промямлил Лук.

Га-нор имел на этот счет свое мнение, но счел за лучшее промолчать.

– О, не стоит идти на такие жертвы ради старухи, – отмахнулась Ирла. – Кто из вас двоих видел Проклятую?

– Я, – тут же отметил Лук.

– Замечательно. Как я уже говорила, это ненадолго. Проходите, присаживайтесь.

– Ну? – спросил Га-нор у друга, как только они покинули стеклянную комнату. – Теперь ты счастлив?

Лук, крепко сжимающий в кулаке подарок Ходящей – тяжелое золотое кольцо с шестью мелкими изумрудами по ободу, – кивнул и расплылся в улыбке. Он выполнил последнюю волю умирающей на Вратах волшебницы и поведал ее сестрам о Кори. Те, вопреки всем его опасениям, не только внимательно выслушали историю и поверили в нее, но еще и отблагодарили. Колечко стоит уйму денег, однако Лук не продаст его и за все сорены Альсгары. Слишком многое пришлось пережить по дороге, чтобы расстаться с памятным даром.

– Куда мы теперь, Гис?

– Сначала ко мне, а там уж решайте сами. Ирла обещала, что поговорит с Матерью, так что, вполне возможно, с вами еще раз захотят побеседовать. На вашем месте я бы не спешил покидать город.

– Ты не на моем месте, Алий. – Га-нор поморщился, словно от зубной боли. – Не вижу

причин торчать в Альсгаре. Я для Башни бесполезен. На севере и востоке идет война. Вот-вот и сюда докатится. Недостойно война клана Ирбиса избегать сражения. Завтра, крайний срок – послезавтра, я уйду из города. Хватит бегать от боя.

– Твое право. Мешать не буду. А ты, Лук?

– Я? – Пухлый стражник на уну задумался. – Я свое дело сделал, Гис. То, что меня просили, – выполнил. Рассказывать каждый раз одно и то же, точно заморская птица, не хочу. Так что, пожалуй, прогуляюсь с рыжим. Хотя воевать я не люблю, но вдруг удастся перебраться через Катугские горы? Никогда не был на севере... Лопни твоя жаба! Вы только посмотрите на это!!!

В зал вошли гвардейцы, за которыми следовали две женщины в платьях Ходящих и трое тех, кого ни Лук, ни Гис, ни Га-нор совсем не ожидали увидеть.

Один из троицы – молодой, голубоглазый, с породистым, чуточку нагловатым лицом, – шел впереди. На его черной бархатной куртке красовалось пламя, вышитое серебряными нитями. Двух других – мужчину и женщину – вели под конвоем.

Мужчина был среднего роста, жилистый и гибкий, в потрепанной, испачканной одежде. Правая штанина пропиталась засохшей кровью, но на походке мужчины это обстоятельство никак не отражалось. Светловолосый и сероглазый, в окружении хмурых гвардейцев, он казался ловким и опасным мангустом, каким-то образом затесавшимся в стаю угрюмых сторожевых псов. Те не спускали с него настороженных глаз, похоже, в любой момент ожидая неприятностей. Женщина держалась рядом и была так же светловолоса, как спутник. Короткая мальчишеская стрижка, синие глаза, высокий лоб, тонкие губы, щеки запали, из-за чего высокие скулы казались еще выше. Она была одета в белую рубаху с тонкой красной вышивкой и кожаные охотничьи штаны. За каждым ее движением следили Ходящие.

– Лаэн! Нэсс! Шен! – изумленно вскричал Лук.

Светловолосый едва заметно кивнул, показав, что узнал их. Женщина приветливо улыбнулась, хотя было видно, что улыбка далась ей с трудом. Молодой человек пробормотал под нос ругательство.

– Эй! Куда вы их ведете? Что они сделали?!

Двое гвардейцев преградили солдату дорогу и взяли за мечи:

– В сторону! Не разговаривать с ними!

– Это мои друзья, лопни твоя жаба! В чем они виноваты, Шен?! – не унимался тот.

– Не ввязывайся в дела Башни, Лук, – ответил молодой.

– Как ты можешь?! Мы же вместе были в Плеши! Что с тех пор изменилось?

– Много, – безрадостно усмехнулся светловолосый мужчина. – Лучше не вмешивайся.

Это наши проблемы.

– А вот это мы еще посмотрим, – процедил Га-нор, вставая рядом с Луком. – Клянусь Угом, мы вас не оставим!

– В сторону! Дайте дорогу! – вновь рявкнул один из гвардейцев. – У нас приказ Наместника! В сторону, если не хотите попасть за решетку!

– Пропустите их, друзья, – попросил Гис своих спутников. – Сейчас не время и не место затевать свару. Будет только хуже. И им и нам. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Северянин глухо заворчал, разом став похожим на недовольного медведя, но с дороги отошел. Лук, тяжело вздохнув, последовал примеру товарища. Конвой поравнялся с ними, затем прошествовал мимо, но заклинатель и двое приятелей неотрывно смотрели в спины уходящих до тех пор, пока за ними не закрылась дверь.

– Ничего не понимаю! Зачем они понадобились Башне?!

– Нэсс и Лаэн – гийяны, Лук. Неужели ты считаешь, что наемные убийцы невинны, точно овечки? – Глаза у магистра были задумчивы. Казалось, он решает для себя какую-то сложную задачу.

– А мне плевать! – запальчиво возразил Лук, сейчас больше всего похожий на задиристого петуха. – Мы вместе сражались, а это чего-то да стоит! Вот! Шен, выходит, живехонек, а, Гис? Ведь ты нам говорил, что вы с Нэссом его потеряли, когда убегали от мертвяков.

– Говорил. Значит, ему повезло не меньше, чем нам, раз он выбрался из Даббской Плеши. Вы видели на его одежде пламя, или мне почудилось?

– Не слепые, – глухо сказал северянин. – Ходящий.

– Мужчины не могут быть Ходящими, – не согласился Лук. – Такого не бывает.

– Это как сказать. Как сказать... – Гис думал о чем-то своем. – Я, на твоём месте, не всегда доверял бы чужой болтовне.

– А я и не доверяю. Но... может, он просто тряпку с вышивкой у какой-нибудь волшебницы одолжил? – продолжал строить предположения стражник.

– Куртка мужская, – не согласился следопыт. – Ты что-нибудь понимаешь, Алый?

– Нет. Пока – нет.

– И ты не видел его в Башне раньше?

– Я здесь редкий гость. Не видел. Впрочем, это не удивительно. Башня огромна, а маги живут не только в Альсгаре.

– То есть ты хочешь сказать, что он действительно может быть Ходящим?

– Да. Если мальчик обладает Даром Целителя, то да. Он маг.

– Даром кого? Какого такого Целителя? – недоумевая, нахмурился Лук. – Ты про что сейчас говоришь?

– Позже, – отмахнулся заклинатель. – Мне надо подумать.

– Если у малыша Шена «искра», то почему он не помог нам тогда избавиться от покойников? – не унимался солдат.

– Потому что магия Целителей не такая, как у других обладателей Дара. В большинстве своем. Вот что. Идите-ка вы к Ашану. Он проводит вас в мой дом. А я попытаюсь разузнать, что к чему.

Больше не вдаваясь в подробности, Гис резко развернулся и поспешил в сторону двери, за которой скрылись конвоиры и пленные.

Спины гвардейцев маячили перед глазами, и просто чесались руки всадить в них что-нибудь острое. Но, к сожалению, от всех опасных предметов меня освободили еще прошлой ночью, когда мы с Лаэн выбрались из подземного хода.

Старина Молс постарался, ничего не скажешь. Мы столько лет водили Ходящих за нос, и тут эта гадкая продажная сволочь вместе со своими подручными выдала нас магам со всеми потрохами. Мы даже пикнуть не успели, а уж о том, чтобы оказать мало-мальски достойное сопротивление, и вовсе речи не было.

Теперь драться бесполезно. И не потому, что без оружия я много не навоюю. Это не так. Слава Мелоту, я могу постоять за себя и с помощью кулаков. Но против двух идущих за нами следом волшебниц кулак – это не аргумент. Меня скрутят, точно теленка. К тому же при любом моем неосторожном поступке может пострадать жена. А это слишком высокая цена за свободу. Я не готов ее заплатить.

Лаэн шла рядом, держа меня под руку непередаваемо горячими пальцами. Они обжигали кожу даже через рубашку. Ее лицо оставалось невозмутимым, она смотрела только вперед, не обращая никакого внимания на Ходящих, словно сама вела их под конвоем.

Шену то ли было нечем заняться, то ли он решил проследить, чтобы из нас не вытрясли душу раньше времени. Не находишь он рядом, и две дамы, что смотрят на Ласку двумя рассерженными куницами, не были бы с нами столь «милы и обходительны». Небось сразу же потащили бы на дыбу. Интересно, есть ли в Башне дыба? Поблизости ничего похожего не наблюдалось, но я и не ожидал увидеть при входе орудия пыток со скелетами под потолком. Если что-то такое и существовало, то его надежно прятали в подземельях. Впрочем, зачем волшебникам столь примитивные орудия, как пыточные инструменты, когда у них на службе магия и они умеют причинять боль одним лишь взглядом?

Возможно, то, о чем я думаю, – не слишком возвышенно и умно, зато, если какая-нибудь из этих тетушек с прокисшими от бесконечно скучной жизни лицами вздумает лезть в мою голову, она вряд ли найдет что-нибудь ценное для себя.

Я старался запоминать дорогу, но довольно скоро запутался и в итоге бросил это занятие. Количеству залов, коридоров, комнат и галерей мог позавидовать даже императорский дворец в Корунне. Внутри Башня оказалась гораздо больше, чем выглядела снаружи. Та же самая шутка Скульптора, что и в тайном убежище, которое мы с Лаэн нашли в храме Мелота. Так что я не сильно удивился.

Не знаю, куда и к кому нас вели, но от предстоящей встречи я ничего хорошего не ждал. Несмотря на то что прошло немало лет, убийство Ходящей нам не простят, даже если мы сподобимся произнести банальное «извините» и шаркнуть ножкой. К тому же теперь на наши шеи повесят еще и Йоха, как-никак он лучший «друг» Наместника. Вряд ли правитель провинции оставит без внимания гибель того, кто снабжал его бездонные карманы полновесными веселыми соренами.

Нас не отправили в Счастливые сады только потому, что магам нужна Лаэн. У них появилось несколько вопросов к человеку, обладающему «искрой» и не прошедшему школу волшебников. Хотя я не понимаю, зачем им потребовался такой душегуб, как Серый. В отличие от жены, я никакими способностями к Дару никогда не обладал. Но напоминать об этом магам что-то не слишком хотелось.

Началась череда до бесконечности унылых спиральных лестниц, перила которых были украшены совершенно безвкусными завитушками, зверюшками и цветочками. Где-то на середине подъема от скуки я принялся считать ступеньки, но сбился на пятой сотне и больше не продолжал. Оставалось лишь диву даваться, почему хваленый Скульптор не придумал какие-нибудь иные способы подъема. Не завидую магам, скачущим по этим лесенкам вверх-вниз каждый день. Муторное занятие. Так недолго и околеть.

Наконец гвардейцы остановились перед дверью, один из них открыл ее, отошел в сторону и обратился к нам:

– Заходите.

Не оставалось ничего иного, как последовать приказу.

Комната оказалась большой и уютной. Высокое зеркало, заключенное в раму из почерневшего серебра, двуспальная кровать на массивных бронзовых ножках, стол, три стула, шкаф в углу. Два десятка подсвечников; книжный стеллаж, забитый томами; чучело вставшей на дыбы снежной обезьяны. На кровати лежало чистое белье и одежда.

– Это ваша комната. Располагайтесь. – Шен соизволил открыть рот.

– Как мило с вашей стороны позаботиться об удобствах, – нехорошо усмехнулась Лаэн. – Палач придет знакомиться сразу сюда?

– Не мели ерунды, – поморщился тот. – Никто не собирается вас убивать. Во всяком случае, прямо сейчас, – тут же добавил он.

– И на том спасибо, малыш.

– Тут все, что может вам потребоваться. – Целитель не счел нужным реагировать на ее язвительный тон. – Переоденьтесь. Еду и воду вам будут приносить, так что с голоду не умрете. Там – ванная и туалет. На всякий случай предупреждаю – за дверью гвардейцы и Ходящие, а на окне решетка. Так что прошу обойтись без ваших глупых шуточек. Попытайтесь сбежать – о хорошем отношении можете забыть, я больше ничего не смогу для вас сделать. Окажетесь в подземелье, прежде чем жрецы в храмах Мелота успеют прочитать «Славься!». Можете мне поверить, в подвалах не так уютно, как здесь.

– Не надо подвалов. Кошки будут словно мышки. Нас вполне устроит это место, – сказал я, хотя мне больше по нраву находиться как можно дальше от Башни. – Долго мы тут будем мариноваться?

– Не знаю. Это зависит не от меня. С вами поговорят, когда придет время.

– Очень любезно. Нам остается только ожидание.

– Не стоит злиться. – Шен позволил себе легкую улыбку. – Я и так всеми способами стараюсь облегчить ваше положение.

– Ты очень добр, я даже не знаю, что и думать. – Синие глаза Лаэн метали молнии, и она отнюдь не напоминала мышь. – Раньше ты не был столь щедр со своими друзьями. Что сдохло, если ты стал так о нас беспокоиться?

– Вы никогда не были в числе моих друзей, – теперь тон его стал не столь приветлив. – Вам это прекрасно известно. Так что не стройте из себя оскорбленных. У вас это плохо получается. На моем месте...

– Я не на твоём месте! – отрезала Лаэн.

– Тем лучше. Не знаю, что думает Мать, но я считаю, что твой Дар опасен. И не только для окружающих, но и для тебя самой.

– Вот как? – Я нехорошо прищурился. – Помнится, когда в моей деревне нас прижал некромант, ты не гнушался воспользоваться ее услугами.

– В тот момент меня никто не спрашивал. И не я ли помог уничтожить ту, что спеленала Ласку по рукам и ногам?

– Ну уж точно это было сделано не для того, чтобы нам помочь.

– Но и вы спасали лишь свои шкуры, а не наши. Вы ничуть не лучше. Так что обвинять меня в отсутствии совести, по меньшей мере, смешно, Серый, – возразил он.

Я пожал плечами, показывая этим, что оставляю за собой право самостоятельно выбирать, что смешно, а что нет.

Шен, не удостоив нас дальнейшей беседы, вышел, и дверь за ним закрылась. Сухощелкнул замок. Затем раздался приглушенный лязг засова.

Я громко выругался.

– Без толку, – вздохнула Лаэн. – С твоей ногой точно все в порядке?

– Да. Наш славный Целитель счел возможным залечить рану.

– Значит, он все же что-то умеет. – Она уже зашла в ванную. – А то я начала думать, что он может коснуться «искры» лишь после того, как его разозлят или до полусмерти напугают. Слушай! Тут течет самая настоящая горячая вода!

– Да? – меня несколько не воодушевила эта новость. – А чего ты хотела? Чтобы это было вино? Если ты не заметила, мы все-таки попали в жилище магов.

– Не злись. И так тошно.

– Прости. – Я тут же взял себя в руки. Еще не хватало вымещать свое раздражение на ней. – Никогда не влипал в такую передрыгу.

– Как же, как же, – хихикнула она, беря с кровати чистые штаны и рубаху. – Если вспомнить твою буйную молодость, то этот случай вряд ли первый. Не тебя ли едва не отправили на виселицу в Майбурге? А уж про путешествие с Высокородным по Сандону я вообще молчу. Если это не передрыга, то я – Мать Ходящих.

– Это не то, – проворчал я, пробуя пальцем текущую из раскрытой львиной пасти струю. Она действительно была теплой.

– Ну как скажешь. Тебе виднее. Вот, держи. Поменяй одежду. Твоя вся в грязи и крови. И вымойся. Не скажу, что запах уж слишком приятный.

Я хмыкнул:

– Ты права. Вряд ли воню я отравлю какого-нибудь Огонька, не говоря уже об обычном гвардейце. Так что, пожалуй, воспользуюсь твоим советом.

– Сделай милость.

– А ты?

– После тебя, дорогой. Мне надо подумать.

– Ты с этим не переусердствуй. – Я скорчил глупую физиономию.

Она тут же довольно ощутимо ткнула меня твердым кулачком под ребра. Я в ответ добродушно хрюкнул и отправился мыться, заметив, что на ее губах появилась улыбка.

Хорошо. Значит, не зря старался.

Вода меня оживила и освежила голову. Сразу стало легче. Прежде чем натянуть штаны, я еще раз внимательно осмотрел ногу, в которую не далее как прошлой ночью вошла стрела одного ретивого лучника из людей Йоха. Шен и вправду постарался на славу. Вместо кровоточащей раны – тонкий белый шрам.

Хорошо быть Целителем.

Жаль, что Лаэн не умеет врачевать раны. Мое солнце не лечит, а калечит. Конечно, дурацкий повод для гордости, но уж что есть, то есть. Разнести парочку изб, размазать

всмятку какого-нибудь всадника вместе с лошастью или сжечь наемного убийцу – не самые плохие умения при нашей опасной профессии.

– Другой вид, – одобрила Лаэн, когда я заявился в комнату. – Вода все еще есть?

– Да. С каждой минкой я вижу в использовании магии все больше и больше преимуществ.

– Поверь, расплата за все эти удобства не такая уж и маленькая. Иначе Скульптор не сошел бы с ума, – сказала она и отправилась в ванну, а я остался с открытым ртом.

– Эй! – воскликнул я, когда обрел дар речи. – Ты что, хочешь сказать, что самый знаменитый маг прошлого был сумасшедшим?!

– Ну так было не всегда. – За дверью раздался плеск. – Но в принципе на твой вопрос вполне можно ответить «да».

– Бр-р-р!!! – Я пытался прийти в себя. Затем вошел к ней, благо она и не думала запирается. – Послушай. Это действительно откровение. Ты точно знаешь?

– Ну-у, – протянула она. – Точно.

Мое солнце высыпала в ванну целую горсть ярко-зеленых шариков из стеклянной вазы, стоявшей на столике. Приятно запахло морем и шалфеем, вода забурлила, и Лаэн окутала золотистая пена. Она погрузилась в нее с головой, затем вынырнула и, довольно отфыркиваясь, убрала со лба мокрые волосы.

– Нормальный человек, будь он хоть трижды Целителем и Ходящим, никогда бы не додумался до создания такого чуда, как Лепестки Пути. Скульптор и в самом деле был немного не в своем уме. Правда, сие обстоятельство мало кому известно.

– Почему? – ляпнул я, не соизволив подумать.

Она посмотрела на меня, точно на маленького, а затем вновь «ушла на дно».

– Понимаешь, тут какое дело... – Лаэн вынырнула, ее покрытая пеной рука потянулась к очередной колбе с ароматной солью. На этот раз вишневого цвета. – В Башне, как и везде, конечно же хватает дураков. Но на то, чтобы не растрепать всему свету, что обожаемый многими Скульптор был психом, у них ума хватило. Подобная информация вредит репутации. – Она улыбнулась, видя мою ошеломленную рожу. – Вообще-то, об этом не принято болтать. Не все Ходящие это знают. Подозреваю, даже не весь Совет.

– Быть может, ты расскажешь мне, как это стало известно тебе? – как бы невзначай спросил я.

– Слишком долгая история, – поморщилась она. – Ты не мог бы потерять мне спину?

Давно пора привыкнуть к тому, что мое солнце не желает говорить о своем прошлом и всегда старается перевести беседу в иное русло.

– Ты понимаешь, что рано или поздно тебе придется все объяснить? – мягко поинтересовался я, расстегивая свою рубашку.

– Да. – Ее плечи напряглись. – Знаю. Но сейчас я еще не готова.

– Смотри, чтобы не стало слишком поздно.

– Эй! Ты что делаешь?! – Она увидела меня без рубахи. – Я всего лишь просила потерять спину!

– Этим я и собираюсь заняться, – усмехнулся я, берясь за ремennую пряжку.

– Ты не находишь забавным... вместо того, чтобы ожидать палача...

– Не намерен страдать понапрасну, особенно когда ничего нельзя изменить. Или ты против моей компании?

– Я?! – возмутилась она.

– Надеюсь, все Ходящие лопнут от зависти, если узнают.

– О! Мы постараемся это устроить. Ведь правда? – улыбнулась Лаэн и протянула ко мне руки.

Много позже, когда Лаэн сидела на кровати и сушила волосы, я подошел к окну, чтобы оглядеть окрестности.

– Высоко, побери меня Бездна.

– Вполне закономерный итог. – Мое солнце тихонько чихнула. – Что решетка?

– Крепкая. Нечего и думать, чтобы вырвать руками или разогнуть прутья. Здесь требуется сила блазга.

– Даже не будь решетки, уйти отсюда без крыльев не представляется возможным.

– Ты в состоянии их наколдовать?

– Этот вопрос не требует ответа, дорогой. Во-первых, сейчас я не могу ни-че-го. Ходящие блокируют мою «искру», да и силы после встречи с Тиф все еще не восстановились в полной мере. Во-вторых, трансформации подобного рода не под силу даже Проклятым. С перьями рождаются лишь йе-арре, а мы – люди.

– Жаль.

– Конечно, о такой вещи, как связать простыни и спуститься по ним, спрашивать глупо?

– Совершенно верно. Если подойдешь ко мне, то можешь в этом убедиться.

– О нет. В таких вопросах я тебе доверяю полностью. Ярдов двести?

– Все триста. Нас разместили где-то на самом верху. Вид отсюда, кстати говоря, потрясающий.

– Это обнадеживает, но только до тех пор, пока я не начинаю думать, что рано или поздно за нами придут. И тогда...

– Что тогда?

– Меня ждет крайне неприятный разговор.

– Тебя? Не меня? Ходящую, если ты не помнишь, убил я.

Она фыркнула, перестала тереть голову полотенцем, отбросила его в сторону и гибко потянулась:

– Это, конечно, так. Но, поверь, Ходящих в первую очередь интересуют мои умения, а не твой подвиг. У них ко мне будет масса вопросов.

– Каких? – насторожился я.

– Тех же самых, что иногда пытаешься задать мне ты.

– Я не слишком любопытен.

Она грустно улыбнулась:

– Ценю, что за все эти годы ты так и не стал ворошить мое прошлое. За это я тебя и люблю, дорогой.

– Только за это? – делано возмутился я.

– Нет! Конечно, нет. – Теперь ее улыбка была не такой грустной. – Но Ходящие не столь терпеливы, как ты. И они умеют вытаскивать ответы силой.

– Лаэн, – вздохнул я, присев на краешек кровати. – В последнее время мы все чаще возвращаемся к одному и тому же разговору. Прошое, каким бы оно ни было, рано или поздно настигает нас. Тебе кажется, что я умру от твоих страшных тайн?

– Совершенно верно.

– Глупости! От слов не умирают.

– А от тайн очень даже мрут, – не согласилась Ласка. – И ты прекрасно это знаешь. Пойми. Я не говорю тебе не потому, что не доверяю. Нет. Просто это опасное знание. И если Башня решит, что ты услышал недозволенное, тебя уничтожат без каких-либо колебаний.

– Они и так нас убьют. Это вопрос времени, и, наверное, краткого.

– Все возможно. Но, несмотря на это, я не стану рисковать твоей жизнью.

– Тебе не кажется, что я сам в состоянии решать, когда мне следует рисковать?

– Помнишь, что ты сказал в Даббской Плещи? Что пытаешься спасти мне жизнь. И что с тобой я буду в бóльшей опасности, чем без тебя. Сейчас та же самая ситуация. Только в точности наоборот. Я не буду подвергать тебя опасности. Поверь, некоторые вещи лучше не знать как можно дольше.

Я недовольно посопел, затем сдался:

– Хорошо. Поступай, как считаешь нужным. Но учти, они все равно нас прикончат. А я так и умру в неведении. Кстати говоря, Шен еще тогда пытался узнать у тебя, кто твой учитель.

– Он слышал ответ. Я самоучка.

– И, как и я, остался им не слишком удовлетворен. А еще он очень интересовался, какое количество покойников ты в состоянии поднять зараз. В отличие от Целителя, я получил ответ на свой вопрос. Нам потребуется вся изворотливость, чтобы скрыть, что ты владеешь магией, скорее близкой к Сдису, чем к Империи. Не мне тебе рассказывать, с какой теплотой Ходящие относятся к темным.

– Я не темная!

– Ты способна вытащить из земли четверых мертвецов! И взорвать на расстоянии голову какому-нибудь гаду. И овладеть посохом некроманта, подчинив его себе. Как я слышал от Шена, это не так-то просто, и ни одна Ходящая на такое не способна. Поверь, солнышко, им этого будет вполне достаточно, чтобы признать тебя не только некромантом, но и дочерью самой Бездны!

– Ш-ш-ш. – Она приложила палец к моим губам. – Не стоит призывать тьму. Даже сюда. К тому же у стен могут быть уши. Не наговори лишнего, Нэсс.

– Тебе не кажется, что мы и так этого уже наговорили целый воз?

– Ты не сказал ничего, чего они бы не знали. Но давай завершим эту беседу. Ладно?

– Интересно, каким ветром сюда занесло наших знакомцев? – Я перевел разговор в другое русло.

– Ты про Лука и Га-нора? – тут же подхватила Лаэн. – Ничего удивительного. Стражник во время нашего путешествия так и рвался в Башню. Но я не думала, что увижу их еще раз.

– Я тоже. Да и Гиса не ожидал встретить.

– Возможно, именно заклинатель их сюда и протащил.

– Теперь мы с ним на разных берегах реки. Впрочем, как и с Шеном.

– Ну с мальчишкой мы никогда не были на одной стороне. В одной лодке – да. Но это вынужденные обстоятельства, и ничего более. Что до рыжего и его приятеля – они никогда не делали нам зла, и дрались мы вместе. Если бы не эта парочка, я бы не выбралась из Даббской Плещи. Ты же видел, они чуть не набросились на гвардейцев.

– Видел... Хорошо, что Гис их удержал. Похоже, он ничуть не обиделся, что в прошлый раз я смылся, не попросившись.

– На самом деле, будь моя воля, я бы не отходила от заклинателя дальше пяти ярдов.

– Даже так? – Я приподнял бровь. – С каких пор ты успела так привязаться к нашему

лжегонцу?

– С тех самых, как по нашему следу идет одна из Проклятых. Алый – лучшее оружие против того, кто вселился в чужое тело. Ему на роду написано бороться с духами. Пока он будет рядом, у Тиф гораздо меньше возможностей до нас дотянуться.

Я рассмеялся:

– Поверь, солнышко, пока мы сидим в Башне, да еще под присмотром Ходящих, ведьма не подобрется к нам ближе, чем на лигу. Хотя с Проклятыми никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Ты сама говорила, что их опыт не сравним с мастерством нынешних магов. Покуда она жива, мы покоя не узнаем.

– Ты совершенно прав. Я бы многое дала, чтобы понять, как она смогла выжить.

– Ты так не можешь? – осторожно спросил я.

Лаэн усмехнулась, дернула плечом:

– Увы. На такие чудеса способны лишь волшебники прошлого. Не я.

Я вздохнул, упал на кровать, потянулся и зевнул:

– Готов спорить, что сегодня гостей ожидать не стоит. Денька через два нагрянут. Когда мы станем более покладистыми.

– А я уверена, что раньше, чем через неделю, до нас не снизойдут. Это Башня. Здесь любят показывать, что они – хозяева всего сущего и никуда не спешат.

– Ну что ж, – я улыбнулся и потер заросший подбородок, – давай проверим, кто из нас прав.

За нами не пришли ни через два дня, ни через неделю. Я даже подумал бы, что о нас и вовсе забыли, если б не кормежка. Трижды в день повторялся один и тот же ритуал. Дверь отворялась, входила троица плечистых гвардейцев при оружии, за ними Огонек, потом слуги с подносами. Нам оставляли еду, уходили, запирали и забирали грязную посуду лишь в тот момент, когда наступало время очередного приема пищи.

К чести Башни, приходилось признать, что голодом нас морить не собираются. Как и держать на хлебе с водой. Кормили отменно, хотя поначалу я сомневался, что еда не опасна. Но, рассудив, что никто из магов не станет отправлять нас в Бездну, не получив желаемого, я успокоился и больше о яде не думал.

В отличие от меня, Лаэн ела безо всякого аппетита и с каждым днем все больше мрачнела. Было видно – она о чем-то думает, и это «что-то» отнюдь не радужное. Я пытался ее растормошить, но она лишь отвечала улыбкой и качала головой. В какой-то момент мне это надоело, и я едва ли не насильно заставил Ласку съесть всю порцию, убедив, что не вижу никакого счастья, если она упадет в голодный обморок на глазах у всех Ходящих.

Шен не радовал нас визитами, правда, это обстоятельство меня не расстраивало. Пускай большую часть времени мы и страдали от безделья, но развлечение в виде наглой рожи Целителя не слишком прельщало. К исходу десятого дня заключения я решил повесить свою образованность и взялся за находящиеся в стеллаже книги, благо Лаэн научила меня читать еще в самом начале нашего знакомства. К моему глубокому сожалению, половина из того, что было, оказалось на чужеземных языках. Еще десяток – на певучей скороговорке Высокородных. И пяток – исписанных хитрой вязью йе-арре. То, что осталось, в основном предназначалось для заумных всезнаек. Мне, право, было совершенно скучно разбираться в родословной какого-то гроганского герцога или изучать историю создания торгового союза Золотой Марки и Урса.

Наконец, я остановил свой выбор на книге в красном переплете, повествующей об

интригах и войнах. Написал ее явно какой-то сказочник, но было весело. Все вертелось вокруг парня по имени Ворон, который без устали лакал вино, почему-то обозванное «черным», спал с кем ни попадя (включая местную королеву) и начинал каждое утро с того, что убивал на дуэли с десятком отъявленных лгунов и негодяев. Любимыми развлечениями этого странного субъекта было: повоевать, поиграть в азартные игры и перевернуть все с ног на голову. В общем, я не был уверен, что эта история правдива, но с интересом дочитал фолиант, прежде чем к нам нагрянули долгожданные посетители.

Это случилось на двенадцатый день заключения и на восьмой – последнего летнего месяца. Дверь распахнулась, но вместо обеда и слуг с подносами появился Шен.

– Пора, – односложно сказал он.

– Неужели? – Я встал из-за стола. – А мы уж начали опасаться, что о нас забыли.

Почетный эскорт, состоящий из шестерых гвардейцев и двух Ходящих, уже ожидал нас в холле. Маги оказались старыми знакомыми – они же встретили нас в винном подвальчике после того, как мы нанесли визит Йоху. Одна из волшебниц – тощая, словно жердь, страхолюдина – подошла к Лаэн и заглянула ей в глаза. Затем утвердительно кивнула напарнице.

Понятное дело. Проверяла, способна ли Лаэн наколдовать в святая святых какую-нибудь гадость и не ослабли ли магические цепи. Судя по спокойному поведению Ходящих – все было в порядке.

– Мы можем идти? – спросил у женщин Шен.

– Вполне, – ответила тощая и тут же посмотрела на Лаэн. – Даже не пытайся, девочка.

Мы прошли чередой висящих в воздухе спиральных лестниц, где прозрачные колонны из неизвестного мне камня искрились от падающих сквозь окна солнечных лучей и полыхали бледно-розовым оттенком дорогущего урского горного хрусталя. Внутри они оказались полыми, и по ним поднимались и исчезали где-то под потолком бесчисленные воздушные пузырьки.

Лестницы кончились, но хрустальные колонны, словно древесные стволы, теперь вырастали вдоль яшмовых стен, создавая впечатление, что мы находимся в каком-то волшебном воздушном лесу или, напротив, на морском дне. Для полного впечатления не хватало лишь водорослей и рыб. Я даже посмотрел вверх, ожидая увидеть мерцающую водную гладь, но вместо этого взгляд наткнулся на самый обычный расписной потолок.

Вновь лестница. Теперь прямая и широкая. Мы поднялись по ней, прошли по узкой галерее и оказались в зале, пол которого был скрыт под множеством мелких бледно-голубых цветов. Они вырастали прямо из плит, оставляя для прохода лишь узкую дорожку, вымощенную истершимся желтым кирпичом и смотрящуюся в этом месте так же неестественно, как живой речной дракон^[3] в лавке йе-арре.

– Забери меня Бездна. Это же самые настоящие подснежники! – Лаэн первая разглядела, каким цветам позволено расти в зале.

– Подснежники в последний летний месяц? – недоверчиво пробормотал я, но, убедившись, что она права, добавил: – Ничего не скажешь – оригинально.

– Сорита любила эти цветы. Зал назван ее именем, – снизошел Шен до объяснения.

– За ними кто-нибудь ухаживает? – полюбопытствовала мое солнце.

– В этом нет никакой нужды. Со времен Темного мятежа цветы растут сами по себе. Считается, что за ними присматривает сама Башня.

– Ну если учесть, сколько силы должны были впитать в себя эти стены после того, как

здесь в один день погибло несколько сотен магов, – это неудивительно, – тихо прошептала Лаэн.

Гвардейцы остановились, а затем, ничего не говоря и даже не посмотрев на нас, отправились в обратном направлении. Так же поступили и Ходящие.

– Ждите здесь. – Шен указал на деревянную скамейку, находящуюся возле дорожки. – Я за вами приду.

– Не боишься, что мы попытаемся сбежать? – на всякий случай спросил я.

– Куда? – поинтересовался он. – Отсюда лишь два выхода, и оба охраняются. Да и глупо бежать. Чужаки далеко не уйдут. Башня не допустит. Ждите здесь. Я скоро вернусь.

Мы с женой молчали до тех пор, пока он не скрылся из виду, затем она наклонилась ко мне и быстро зашептала на ухо, обжигая горячим дыханием:

– Не думаю, что здесь нас кто-то будет подслушивать, но все же не стоит говорить слишком громко. Не перебивай. Раньше я сказать не могла, боялась, теперь бояться уже поздно. Ты знаешь, кто сейчас является Матерью Ходящих?

Я покачал головой:

– Не знаю. Мне никогда не было никакого дела до этого. Если честно, я даже имени Наместника Альсгары не знаю, чего уж говорить о всяких ведьмах?

– Так я и думала. А я кое-что узнавала. Давно. Еще до того, как мы перебрались в Песью Травку. Ее имя – Цейра Асани. Прежде чем взять узы Башни, она управляла школой Ходящих в Радужной долине. Очень хорошее место и очень хорошая власть.

– Но кресло главы Совета лучше, – понимающе усмехнулся я.

– Именно, – одобительно кивнула она. – Семь лет назад умерла предыдущая Мать, и в Совете развернулась тайная грызня за Синее пламя^[4]. Претендентов оказалось двое, и силы в Совете разделились приблизительно поровну.

– Ты очень хорошо осведомлена, – прищурившись, сказал я. – Кто поделился с тобой такими сведениями?

Она не дрогнула. Выдержала мой взгляд и произнесла:

– Один человек. Кто – теперь уже неважно. Он давно мертв.

Я не стал спрашивать, что послужило причиной его смерти. Вполне возможно, что причина сейчас как раз сидит передо мной. И тут я едва не подпрыгнул оттого, что мне вдруг пришло в голову:

– Постой!

– Тише, – умоляюще попросила она. – Пожалуйста. Тише.

– Семь лет назад мы с тобой... – прошептал я.

– Верно, – согласилась она, пристально посмотрев мне в глаза. – Догадался?

Да. Догадался. Продолжать ей не было нужды. Именно в то время к нам поступил заказ от неизвестного нанимателя.

Кому-то стал очень мешать один человек.

Женщина.

Ходящая.

И мы совершили то, за что теперь придется расплачиваться.

В холодный весенний вечер, когда с неба падали снежные хлопья и дул задира-ветер, мир лишился одного из своих магов. А мы с деньгами отправились в долгие бега, погнавшись за ветром, который привел нас в Башню.

– О!.. – глубокомысленно изрек я и уставился на ближайший подснежник, словно в нем

были заключены все тайны Вселенной.

– Одной из претендующих на кресло Матери – не стало. И Цейра Асани взяла Синее пламя в руки... Она была нашим заказчиком, Нэсс.

Я кивнул. Попробовал на вкус это знание так и эдак. Повертел на языке. Невкусно. Горько. Жжется. А еще – крепко разит падалью. Приехали, заberi нас Бездна!

– Ты знала это еще до того, как мы все провернули? Поэтому и не горела желанием лезть в барсучью нору?

– Нет. Я не знала. Что до норы, то до того времени мое правило было простым – держаться от Ходящих как можно дальше. Ты должен понимать, что у меня были причины не связываться с ними.

– И все же ты пошла на это. Я ведь так и не спросил, почему ты тогда решила мне помочь и осталась? Ведь все, что я сделал, – было глупо. Меня подвела банальная жадность и желание завязать с прошлым.

Ее синие глаза внезапно сверкнули бешенством:

– Не будь дураком, Серый! Ты знаешь ответ на свой вопрос! Мы вместе до конца. И, поberi Бездна твою ухмыляющуюся рожу, я тебя люблю! Или ты предпочел бы услышать что-нибудь другое?!

– Прости, – кротко сказал я. – Это и вправду был глупый вопрос. Так когда ты поняла, что за заказом стоит Цейра Асани?

Лаэн, все еще раздраженная, смерила меня неласковым взглядом и пробурчала:

– Все встало на свои места где-то через год после дела. В Альсе до меня случайно дошли некоторые разрозненные слухи. Но я с самого начала знала, что руку на Ходящую мог осмелиться поднять лишь кто-то очень влиятельный. В тот момент на подобное была способна только Башня. К тому же у обычных пивоваров, пекарей и вельмож в сундуках не лежат стрелы с наконечниками, убивающими саму суть души и Дара. Все до банального просто – нашими руками убрали конкурента. Ходящие тоже люди. Им присуще то же, что и нам. Желание залезть повыше, где солнышко сияет поярче и греет теплее, чем внизу.

– Выходит, кто-то получил в костлявые лапы Синее пламя, а всех собак повесили на нас. Заказчик вышел чистеньким.

– Да. Помнишь Огоньков, которые шли рядом с жертвой? Потом они подтвердили, что использованная против них магия была несколько иной, чем та, которой обучают в Радужной долине. К тому же выпущенная тобой стрела – плод сдисской школы, да еще и выращенный в незапамятном прошлом. Редкая вещица. Очень редкая. Сейчас подобное можно найти только в Кругах Сдиса, а это сразу же отводило все подозрения от главного конкурента погибшей. Цейра позаботилась о том, чтобы ее никто не вычислил.

– Она стала Матерью, но мы ушли из ее рук, и нас начали искать. Так?

– И да и нет, дорогой. Нас искали не только из-за убийства, не только, чтобы узнать, кто заказчик, но и из-за моей «искры». В том деле я раскрыла себя перед Башней.

– Оставлять нас в живых... – протянул я, – на мой взгляд, очень опрометчивый поступок для Матери. Не говоря уже о том, что нас притащили туда, где есть сторонники ее мертвой конкурентки. Нас могут расспросить...

– И что мы им скажем? – поинтересовалась она. – Мы ничего не знаем. Никого не видели. Все наши подозрения – только подозрения. Никаких доказательств. Но даже если бы у нас на руках и были какие-нибудь факты, кто поверит двум гийянам, когда на другой чаше весов слово Матери Ходящих?

Это верно. Даже начни я орать на весь зал, кто выдал нам за голову волшебницы десять тысяч соренов, слушать нас не станут.

– Судя по тому количеству времени, что мы провели в Башне, никто, кроме Матери, не жаждет с нами общаться. Война прилась очень кстати. Все слишком заняты магами Сдиса. Ну а с другой стороны, кому теперь есть дело до умершей семь лет назад неудачницы?

Я поразмыслил над этим и решил, что в ее словах есть доля правды. В течение почти двух недель нашего заключения никто не спешил устраивать допрос.

– Спорю на все наши деньги, что семь лет назад эта ведьма вышла на нас не без помощи Молса.

– Ты прав. Катрин знала о моих способностях. Я не удивлюсь, если она еще тогда продала нас и получила за это приличные деньги. А Цейра Асани воспользовалась такой оказией, когда пришло надлежащее время. Мы оказались идеальным шансом замести следы. Привлечь чужую магию... Шикарный подарок преподнес ей Молс.

– Рано или поздно ведьма нас убьет. Теперь в этом у меня нет никаких сомнений.

– Я предпочитаю поздно. А ты?

– Я тоже. Думаю, длина наших жизней будет зависеть от того, что услышит Мать, – невесело усмехнулся я.

– Очень тебя прошу, что бы там со мной ни сделали, не бросайся на них с кулаками.

– Конечно, – соврал я, глядя ей в глаза, но она слишком давно была рядом со мной, чтобы не понять, что я лгу.

– Предупреждаю серьезно, Нэсс! Ни к чему хорошему это не приведет.

– Не говори со мной как с маленьким ребенком! – возмутился я. – Я не собираюсь стоять и смотреть, как ведьма пьет из тебя кровь.

Она поняла, что я уперся рогом, и замолчала.

Какое-то время мы просто сидели, ничего не говоря друг другу. Я прожигал глазами подснежники, словно они были моими самыми ненавистными врагами. Затем припомнился Молс, и я с огромным удовольствием стал мысленно подбирать Катрин кару, которая бы как можно лучше показала ей, что нельзя предавать старых друзей. Я тешил себя надеждой, что разговор с главой гильдии наемных убийц Альсгары рано или поздно все-таки состоится, и тогда мы решим все возникшие разногласия. И с Молсом и с Пнем.

Мое внимание привлекло изображение на стене. Оно находилось совсем недалеко от того места, где стояла скамейка.

– Ты куда? – удивилась Лаэн, когда я встал.

– Увидел кое-что любопытное. Не волнуйся.

Пройдя с десяток шагов по желтой дорожке, я остановился напротив картины. Конечно же и здесь были изображены подснежники. Среди них застыла вскинувшая руки, облаченные в перчатки, женщина в белом. На ее ладонях плясало синее пламя. Несомненно, художник показал одну из Матерей Ходящих. Вот только которую из многих, что сидели в Башне за последнюю тысячу лет?

Лицо дамочки мне не понравилось сразу. Уж слишком благочестивым и покорным его изобразил художник. Парень явно польстил заказчику и намалевал чуть ли не святую сподвижницу Мелота.

Кроме Матери здесь были изображены еще две женщины и мужчина. Эту троицу маляр одел в черное. Одна из баб, сжавшись от ужаса, лежала у ног Ходящей, готовой вот-вот обрушить заклинание на противницу. У незнакомки оказались длинные, почти до колен,

распущенные волосы цвета воронова крыла, полностью скрывавшие ее лицо. Зато прекрасно было видно личико второй женщины. Желтое. Морщинистое. Искраженное злобой. Почти гротескное. Если Ходячая была слишком светлой, то эта неизвестная казалась слишком уж темной. И в той и в другой я не находил ничего человеческого.

«Злая» стояла за спиной ничего не подозревающей Матери. Та была слишком занята черноволосой, и желтолицая в точности копировала жест светлой волшебницы, но, в отличие от Синего пламени, на ее ладонях был дымчатый череп.

Умная девочка. Решила воспользоваться ситуацией и ударить в спину.

Про лицо мужчины я ничего не мог сказать, его скрывала густая тень. Были видны лишь два горящих алым глаза. Они неотрывно наблюдали за разворачивающимся магическим боем.

– Любопытно стало? – раздался рядом со мной насмешливый голос Шена. – Знаешь, кто это?

– Нет.

– Сорита.

М-да. Мог бы и сам догадаться, кого нарисуют в зале с таким названием.

– А эти? – Я кивнул на двух женщин и мужчину.

– Ретар Ней, Тиа ал'Ланкарра и Митифа Данами. В просторечии Лихорадка, Тиф и Корь.

– Ясно. Это Митифа? – Я указал на желтолицую.

– Нет. Митифа та, что у ног Матери. А это – Убийца Сориты.

Как я и думал, изображенная художником Тиф совсем не походила на ту девчонку, что мы с Лаэн встретили в Песьей Травке. Совершенно ничего общего, кроме двух толстых кос, перекинутых на плечи.

– Как говорят, Корь подкараулила Мать, когда та ухаживала за цветами, – продолжил Шен. – Но сил, чтобы справиться с главой Совета, у Проклятой не хватило. И если бы не подлый удар Тиф в спину главы Башни, все могло бы закончиться по-другому. Кто знает, ушли бы тогда отступники из Альсгары целыми и невредимыми?

– Сорите не повезло.

– Да. Она слишком доверяла любимой ученице. А та ее предала.

– Вся жизнь состоит из предательств, – изрек я «философскую» мысль, тут же вспомнив Молса. – А что делал Ретар?

– Благодаря ему ал'Ланкарра выбрала тьму.

– Наверное, это того стоило, – ухмыльнулся я. – Хотя, признаюсь честно, в данный момент не сочувствую ни одной из сторон. Дрязги магов – это дрязги магов. И совершенно нечего лезть в них по своей воле.

Мальчишка презрительно фыркнул:

– Мне знакомо твое негласное правило – собственная шкура всех милее.

Я вежливо улыбнулся и ничего не сказал в ответ. Щенок не прав. Но знать ему об этом совершенно не обязательно.

– Значит, самую известную из Матерей прихлопнули здесь? – изрек я.

– Да, – ответил он. – Если ты обернешься, то увидишь, где это произошло.

После недолгого раздумья я подобрал соответствующее слово:

– Впечатляет.

Участок противоположной стены был обуглен, и на ней ярко-белым пятном отпечатались

женский силуэт с поднятыми руками – все, что осталось от Сориты после того, как Тиф ее основательно прожарила. Не сомневаюсь, что, попади мы с Лаэн в руки к Проклятой, и нас бы ожидал точно такой же «теплый» прием. Особенно после того, как нам удалось лишить ее тела.

– А что с цветами? – Я кивнул на подснежники, которые в одном месте почему-то были алыми и образовывали круглое пятно.

– Не знаю. Со времен Темного мятежа в этом месте они красные. Некоторые говорят, что они впитали кровь Сориты.

Ничего не скажешь. Очень романтично. Все так любят легенды о мучениках и их крови. Ходящие, как оказалось, – не исключение. Осталось только паломников водить.

Подошла Лаэн:

– С каких это пор вы интересуетесь живописью? Да еще столь корявой?

На рисунок она бросила всего лишь мимолетный взгляд.

– Идемте, – неожиданно сухо бросил Шен. – Вас не собираются ждать вечность.

Он развернулся и поспешил к выходу из утопающего в подснежниках зала.

Пробраться в Высокий город оказалось невозможно. В старую часть Альсгары вели единственные ворота, которые охраняли гораздо бдительнее, чем другие. У врат, помимо закованных в панцирную броню гвардейцев и обычной городской стражи, несли караул Ходящие и Огоньки. Если бы возле створок находился только один маг, можно было рискнуть попробовать отвести ему глаза. Но когда их не меньше шести, а то и все десять – любая попытка обречена на провал.

Эта неприятность заставила Тиа рвать и метать. В сложившихся обстоятельствах такой барьер ей было не взять. Как бы она ни пряталась, кто-нибудь из выкормышей Башни обязательно почувствует отголосок ее «искры», а также плетение, удерживающее в подчинении тело и дух Порка. Тогда все мечты Проклятой о том, чтобы добраться до мальчишки Целителя и той неуловимой парочки, точно останутся неосуществимыми. Итак, придется хорошенько поломать голову, чтобы понять, как можно дотянуться до девки и парня, которые дали себя поймать и, словно тупые мухи, влетели в ловко расставленную паутину Башни.

Положение почти безвыходное, но она – Дочь Ночи – не станет терять голову даже сейчас. Только идиотки, вроде Митифы, начинают паниковать, визжать и тянуть руки к небу, моля Мелота о снисхождении. Тиа была слеплена из несколько иной глины и оттого ненавидела недалекую тихоню Корь всей душой. Если бы только Тальки не прикрывала бывшую воспитанницу, Тиф давно бы поговорила с Митифой по душам. Последние столетия она утешала себя только тем, что ничто не вечно. Рано или поздно Проказе надоест нянчиться с дурехой, и тогда придет время Тиа. Сейчас же у нее главное дело – приволочь Целителя к старой карге и получить нормальное тело. Такое, где она будет полноправной хозяйкой и вновь обретет все грани своего потерянного Дара.

Но, чтобы притащить Целителя, требуется оказаться рядом со светловолосым лучником, уничтожившим ее настоящую оболочку. У Проклятой была необъяснимая уверенность, что именно он обязательно приведет ее к мальчишке. «Метка» никуда не исчезла и все еще висела над стрелком, несмотря на то что тот попал в плен к Ходящим. Оказалось, нынешние маги еще большие неумехи, чем она думала. Пять веков передышки, последовавшие за Войной Некромантов, не пошли им на пользу и ничему не научили Башню. Произошло то, чего так боялись выступившие против Совета мятежники – искусство не получило «вливания свежей крови» в виде темной «искры» и с каждым поколением угасало все больше и больше. Ничего хорошего в этом не было и лишь еще раз доказывало, что мятеж вспыхнул не зря. Но сейчас беспомощность Ходящих играла Тиа на руку. Пока «метка» у человека, Проклятая знает, где он, а значит, рано или поздно – найдет. Теперь же хватит и того, что стрелок, как прежде, в Альсгаре, на Скале.

Исходя из ситуации, Проклятая поступила самым разумным образом – решила ждать столько, сколько потребуется. Следует проявить терпение, и рано или поздно удача улыбнется. Целителя и девчонку-самородка она доставит Тальки. А вот судьба лучника сложится не столь удачно. Он уходил уже дважды, третьего раза Тиф не допустит и поквитается за все «хорошее». Но сначала спросит о том человеке, что встретила тогда с ним у пирсов.

Тиа периодически вспоминала его. Насмешливый, пронизательный взгляд и

излучающий неведомую мощь клубок теней, что жил в груди незнакомца. Неприятный тип. И он может помешать ей.

Хотя...

Если бы тот хотел причинить вред, то давно бы сделал это. Сопротивляться его Дару не смогла бы даже Гинора, которую Тиа считала самой сильной из Восьми (сильнее Тальки!). Против него любой маг – словно полудохлая мышь против саблезубого барса. Впрочем, на схватку между Гинорой и тем неизвестным парнем Тиф посмотрела бы с удовольствием. Возможно, бывшая наставница Ретара смогла бы удивить незнакомца. Холера всегда всех удивляла. Рыжая бестия была умна и изворотлива, словно тысяча кошек, хотя ее всегда считали слабее Тальки, Черканы и Осо^[5]. Кстати, Гинора никогда не возражала против этого. Может, Сорита с Черканой и превосходили ее мощью, а Тальки – целительством, но никто лучше Лисички не умел создавать новые, эффективные и ни на что не похожие плетения силы. В этом она была настоящим виртуозом.

Но и на Бич Войны, в конце концов, нашлась управа. После великой битвы Проклятых и Ходящих, превративших цветущий Брагун-Зан в мертвые каменистые пустоши, на которых полегли тысячи людей обеих армий, Семеро дрогнули и, огрызаясь, начали отступать к Лестнице Висельника, пытаясь прорваться на юг. За ними по пятам гналась армия Империи, и никто из Проклятых не ушел бы, если б не Гинора.

Тиф навсегда запомнила веселую беззаботную улыбку Холеры в тот день, когда та сделала выбор, который не осмелился сделать никто из них. Они трусливо спрятались за ее спиной, а Лисичка, вместе с уцелевшими полками, маршем выступила к Рейнварру, где в то время было множество поселений, и противнику ничего не оставалось, как забыть о Лестнице Висельника, бросившись на восток, спасти мирные города. Холера увела смерть Проклятых за собой. И в итоге то, что осталось от ее армии, загнали в болота Эрлики. Эти гиблые места стали для всех, кто воевал под зелено-красными знаменами^[6], братской могилой.

Рыжая Гинора сгинула в топях без следа.

Так их осталось Шестеро, а Война Некромантов была проиграна, хотя и длилась еще долгих четыре года.

Забавно...

Тиф никогда не желала смерти ни Холере, ни Лихорадке. Первую она уважала и ценила: Гинора была неплохим человеком и никогда не делала ей зла. К тому же именно Лисичка протянула Тиа руку помощи, когда погиб Ретар.

Ретара Тиф любила, как никого в этом мире, и ради него ушла в Бездну, предала заветы Башни, вкусила плоды темной «искры», выйдя с другими отступниками против части Совета, не пожелавшей прозреть и обрекающей Башню на упадок.

Но теперь именно Гинора и Ретар мертвы, а оставшиеся пятеро больше похожи на подколотных змеюк, огненных скорпионов и могильных червей. Каждую уну приходится ждать, что они предадут, укусят или сожрут.

Жаль!

Право, жаль, что самая близкая подруга Сориты мертва. Она-то нашла бы способ пробраться в Высокий город. Рыжая бестия знала все тайные входы и выходы в Альсгаре. А Тиф остается лишь наблюдать за ведущими на Скалу воротами. Это не сложно: в тридцати ярдах от них располагается большой трактир, окнами выходящий как раз туда, куда нужно.

Денег у Проклятой было достаточно, так что она без труда сняла комнату с надлежащим

видом и стала ждать.

Но на исходе второй недели терпение Скачущей на Урагане подошло к концу.

Неизвестность выводила ее из себя, а руки так и чесались свернуть кому-нибудь шею вместе с пустой головой, благо с последним не было никаких проблем – пустых голов в трактире хватало. Все, начиная с мелкого мальчишки-полотера и заканчивая пронырливым трактирщиком, явно желали испытать ее доброту на прочность, которая того и гляди пойдет трещинами и лопнет, словно одно из «любимых» зеркал Аленари.

К тому же Порк вновь решил отвоевать свое тело и, несмотря на суровые наказания, дважды «взбрыкивал», причем в не самые подходящие моменты – когда поблизости оказывались чужие глаза и уши. Вне всякого сомнения, дурак делал это ей назло, и лишь опыт Тиф позволял ей вырывать у духа пастуха, оказавшегося таким сильным, вожжи по управлению плотью. Но, несмотря на то что Тиа каждый раз обретала контроль над оболочкой, слуги все-таки заметили странное поведение постояльца. И если бы не полновесные сорены, перекочевавшие в карман жадного трактирщика, Проклятую, как жалкого котенка, выставили бы на улицу.

С каждым днем ожидания Дочь Ночи все больше ненавидела тех, кто лишил ее тела и превратил в жалкое подобие живого человека. Ее дух требовал мести. Хотелось плюнуть на недвусмысленный приказ Тальки и убить всю троицу. Еще сильнее было желание, забыв об осторожности, пройти через ворота, ведущие в Высокий город.

Если потребуется – с боем.

Она понимала, насколько это глупо, но ничего не могла с собой поделать. Постоянное сидение в четырех стенах приводило Проклятую в состояние бешеного безумия. Еще пару дней – и она вылезет из берлоги, чтобы всеми правдами и неправдами добраться до Целителя и тех, кого он поймал.

Призыв настиг ее как нельзя вовремя. В тот самый момент, когда Тиф собиралась устроить головомойку трактирщику, подавшему к обеду непрожаренную говядину. Она с яростью захлопнула дверь перед мордой пронырливого хорька и подлетела к столу, ощущая, как по позвоночнику разливается болезненное жжение.

Рован, перемели его Бездна! Его Призыв ни с каким другим не спутаешь!

Она не желала вести беседу с братцем Ретара, но знала Чахотку не первый год и понимала, что тот не успокоится до тех пор, пока не получит желаемое. Поэтому решила не упрямиться. В нынешнем состоянии Тиа не могла разорвать плетение вызова и отмахнуться от Рована, точно от назойливой навозной мухи. Пока придется играть по чужим правилам.

Тиф пришлось рисковать, открывая «Серебряное окно» в непосредственной близости от Ходящих. Единственная надежда была на то, что заклинание требовало на удивление мало жара «искры», и с улицы его было тяжело заметить. К тому же удерживать плетение будет тот, кто послал призыв. То есть – не она. А почувствовать находящегося за десятки лиг от Альсгары Чахотку с теми возможностями, которые есть у местных магов, сложно.

Тиа взяла со стола стакан, плеснула на стену вином, и оно повисло в воздухе, превратившись в тонкое, немного подрагивающее по краям зеркало. Через несколько ун его поверхность помутнела, и появилось изображение.

Рован Ней – Владыка Смерча, Сын Вечера, Топор Запада – по прозвищу Чахотка. На этот раз он был облачен в начищенные до блеска, сверкающие на солнце доспехи. В них, точно в зеркале, отражался кусочек неба с облаками и усеянное трупами поле битвы. Тиф разглядела, что за спиной Проклятого, на утесе, возвышается крепость. Две из трех ее башен оказались

разрушены и горели, отравляя безупречную голубизну неба черными столбами густого дыма.

– Делаешь успехи, – сухо сказала Тиа устами Порка, наблюдая за пожаром. – Твоя идея – все сжечь?

– Ну что ты! Я бы никогда на такое не решился. Все-таки работа Скульптора. Памятник старины. Достояние страны. Это, так сказать, каприз войны, и ничего более. Моей вины в этом нет. Здравствуй, Тиа.

– Ты по-прежнему изворотлив. – Она пропустила его приветствие мимо ушей.

– А ты, как я посмотрю, по-прежнему неприветлива с друзьями, – не остался он в долгу и нехорошо ухмыльнулся в светлую бороду. – Но тем не менее позволь сообщить тебе, что Воронье Гнездо пало.

– Представь себе, я не слепая и прекрасно вижу, что происходит. Несмотря на славу этой крепости, я не сомневалась, что ты найдешь ключик к ее воротам. Всегда держишь обещания, да? Достойная победа.

Чахотка отвесил безупречный полупоклон:

– Услышать от тебя комплимент – не меньшая победа, Дочь Ночи. – Он был очень доволен собой.

– Интересно, – продолжила Тиа. – Как ты это провернул? Подсыпал в кашу гарнизона яду или подкупил кого-то из тех бедолаг, что сейчас вешают на стенах? Я не сомневаюсь в твоих полководческих талантах, но даже ты никогда бы не расщелкал такой орешек столь быстро, если бы штурмовал цитадель в лоб. В чем заключалась хитрость, скорпион?

Теперь Рован улыбался не столь приветливо:

– С чего это ты так решила?

– Дай подумать... – Проклятая состроила задумчивую физиономию. – Э-э-э... Ну, например, с того, что Воронье Гнездо создавал Скульптор, а он никогда ничего не строил спустя рукава. А также потому, что наши армии и союзнички-набаторцы не пошли мимо Орлиного Гнезда и Кабана, братьев этой цитадели, а отчего-то решили добраться до Лестницы Висельника через Перешейки Лины, потеряв в боях несколько тысяч солдат и четыре десятка Избранных. Большая плата, не находишь? Ну и, наконец, потому, что только благодаря хитрости Тальки и расторопности Митифы удалось взять Врата Шести Башен. Так что позволь повторить вопрос – в чем хитрость?

– Пусть это останется моей маленькой тайной, – процедил Чахотка, и его пальцы сжали рукоять меча – первый признак начинавшегося гнева. – Я не за этим вызвал тебя.

– Как тебе будет угодно. Тайна так тайна, – пожала плечами Тиа, решившая, что не стоит выводить его из себя. – Только если ты не ждал, что я разделю с тобой радость от победы, то к чему затеял сегодняшний разговор, Рован? Неужели еще что-то заботит твои думы, кроме нашей маленькой победоносной войны? Разве не ради этого ты пришел в Империю?

Он нахмурил светлые брови, и карие глаза почернели. Тиф видела, что собеседник сдерживается с трудом. Больше пяти сотен лет они были врагами, не ладя с тех самых пор, как веселый и улыбчивый Ретар подарил Тиа свою любовь. Рован этого ей не простил, но угроза ссоры с братом заставила его молчать и ненавидеть тихо. Когда Лихорадка погиб, спасая Тиф от смерти, Чахотка счел, что больше не стоит скрывать свою ненависть. Она сжигала его, превращая в выжженную злобную пустышку, но он так и не решился бросить вызов – Тальки и Гинора были против этого поединка. К тому же даже такой урод, как Рован, не мог не понимать, что с Тиф так просто не справиться.

– Сбавь тон, Тиа! – грозно рявкнул Рован. – Иначе мы зайдем слишком далеко, и один из

нас может не вернуться. – А затем продолжил спокойнее: – Нет нужды ссориться. Я просто по-дружески решил предупредить тебя о своем грядущем приходе. Моя армия на марше. Если все будет хорошо, через два дня я буду под стенами Альсгары.

– Жду тебя с нетерпением.

– Ты не будешь рада меня видеть? – насмешливо спросил он.

– А ты помнишь такое время, когда я была рада? – холодно осведомилась она. – Давай оставим игры в кошки-мышки для возни с Митифой. Мы друг друга не любим, это знают все, включая тебя и меня.

– Как скажешь. – Он вытащил из ножен окровавленный кинжал: – Видишь, что на клинке?

– Кровь. За оружием нужно ухаживать.

– Тебя не спросил! Это кровь Ходящей.

– Великое достижение, – фыркнула Тиа. – Ты убивал их и раньше. Что с того?

– Я убью их еще больше, если ты мне поможешь. И очищу Башню. Мы вновь войдем в нее, как в стародавние времена. Плечом к плечу. Ты ведь еще в Альсгаре? Жду, что ты откроешь мне ворота внешней стены.

– Я не вижу, почему мы должны впустую молоть уже перемолотую муку. Ведь этот вопрос мы давно обсудили. Я сделаю все, что смогу.

– Чудесно. – Он сверкнул ослепительной улыбкой и убрал оружие в ножны, перед этим хорошо протерев. – Не смею больше тебя задерживать. Ах да! – Он сделал вид, будто только что вспомнил о чем-то незначительном. – Как насчет другого нашего соглашения?

– Никак.

Его глаза нехорошо прищурились, и Тиф испытала удовольствие оттого, что Чахотка пытается скрыть раздражение.

– Совсем? – все еще сдерживаясь, спросил он.

– Ага.

– Не играй со мной, Тиа! – Он больше не улыбался, на скулах выступили бордовые пятна.

– Наконец-то передо мной настоящий Рован, а не его маска, – понимающе усмехнулась Проклятая. – Такой ты куда привычнее. Право жаль, что поблизости нет какой-нибудь йе-арре и тебе не на ком выместить зло. Ты бы отрубил ей голову и перестал дуться.

Она знала, что не стоит играть с огнем, но сейчас у нее не было выбора. Нельзя показывать тому, кто сильнее тебя, собственную слабость. Следовало вести себя так же, как всегда, иначе Рован заподозрит неладное и сожрет ее вместе с потрохами.

– Не уводи разговор в сторону! – прорычал он. – Мне нужна эта книга!

– О, – понимающе закатила глаза Проклятая, – представь себе, она нужна не только тебе, но и другим. Мне, например. А еще Тальки. И Митифе. Если Корь не полная дура конечно же. – Лицо Тиа говорило о том, что она явно сомневается в наличии ума у Серой мышки. – Думаю, если б о записках Скульптора узнали Аленари и Лей, то и они не отказались бы. Как видишь, претендентов на старые бумажки гораздо больше твоего любимого и обожаемого «Я».

Дочь Ночи видела, как широкие крылья носа собеседника затрепетали от бешенства.

– Мы, кажется, договорились, – наконец процедил он. – Не заставляй меня думать, что ты нарушаешь слово.

– Мне все равно, что ты будешь думать. Так же, как и тебе все равно, что думаю я. В

этом вопросе у нас полное взаимопонимание. Я помню о нашем договоре. Но я ничего не нашла. Альсгара слишком велика. На подобные поиски уйдут месяцы, если не годы. Коли Скульптор что-то спрятал, то сделал это очень хорошо.

– У меня нет месяцев! И ты это прекрасно знаешь! Через два дня я намерен штурмом взять Альсгару!

– Так возьми, – пожала плечами Тиа. – А после твоей грандиозной победы у нас будет много времени для того, чтобы найти то, что нам нужно. Никто не помешает.

На самом деле Тиф вовсе не была уверена в «победе». Бросить Альсгару на колени не так-то просто. Тальки тоже предполагала, что Чахотка сломает о стены города свои красивые зубки. И все же Проказа исподволь заставила его принять нужное ей решение и отправиться на штурм крепкого орешка. Причина сего была видна невооруженным глазом. Рован хороший полководец, отличный воин и... большой сумасшедший. Его большой мозг изъеден могильными червями, пускай и в образном смысле. На основном фронте, кроме пользы, Проклятый, скорее, принесет неприятности. Никто не знает, что и когда он выкинет в следующий момент. Лей вполне способен справиться с ситуацией самостоятельно, не деля власть с братом Ретара. А если что-то пойдет не так, на помощь Чуме всегда придет Оспа. Чахотка – пятое колесо в этой хорошо смазанной телеге.

Но заставить Рована бросить одно из его любимейших дел – воевать – нереально. С этим могла справиться только такая хитрая змея, как Тальки. Она ловко сыграла на тщеславии Чахотки и его жажде власти, предоставив тому возможность восславить себя в веках среди воинов мира Хары – завоевать то, что никогда не было завоевано.

Альсгару.

– Я не могу штурмовать город, не зная, в каком месте спрятаны записи о Лепестках Пути. Это слишком рискованно!

– Рада, что ты это понимаешь. Поэтому, если хочешь объять необъятное, тебе придется забыть о своем любимом огне и подобрать другой ключик к стенам. Я знаю, у тебя получится.

Рован мерзко выругался и, не прощаясь, прервал разговор. Висящее в воздухе вино потеряло магическую опору и рухнуло на пол, растекшись на досках темно-вишневой лужей. Тиа тихо рассмеялась и упала на кровать.

Мерзкий ублюдок! Гадкая ненормальная мразь! Когда-нибудь настанет день, Тиа улыбнется удача, и она с радостью наступит на горло этому могильному червяку, извращенцу, испытывающему возбуждение от присутствия мертвых тел и пыток пленников.

– Когда ты споткнешься, мой друг, – прошептала она губами Порка, – я буду рядом. И наконец-то помогу миру избавиться от тебя.

Какое-то время Тиф представляла, как будет выглядеть Чахотка мертвым. Затем встала, наполнила бокал вином, и тут по ее позвоночнику пробежала теплая волна, мягко обнимая за плечи и прося обратить на себя внимание.

Тальки.

– Сегодня просто день встреч, – пробормотала Проклятая, быстро прикидывая, а надо ли отвечать на призыв.

Придется поговорить. Целительница – единственная надежда. Без ее помощи Тиа никогда не обрести прежний Дар и прежнюю силу. К тому же Проказа обычно не теребит по пустякам. Возможно, у нее есть новые сведения.

На стену оказалась выплеснута очередная порция вина. Перед Тиф вновь повисло

магическое зеркало.

Хотя Тальки путешествовала в богатой карете, на ней было одето простое суконное платье и выдавшая виды теплая вязаная кофта. Ноги Проказы укрывал клетчатый плед, сотканный из шерсти северных овец – старуха всегда любила тепло. Рядом, на бархатных алых подушках, свернувшись клубком, спал пушистый белый кот. Еще один, черный, в золотом ошейнике, дрых у окна.

Бледно-голубые глаза равнодушно скользнули по Тиа.

– Здравствуй, милочка. Как твои дела?

– Рада, что ты вспомнила обо мне. Как видишь, не так хорошо, как мы надеялись. Я все еще без них.

Целительница расстроено цокнула языком:

– Но ты в Альсгаре?

– Да. Мне удалось сюда пробраться. Правда, дорога к Башне закрыта.

Наконец-то она заслужила заинтересованный взгляд старой карги:

– При чем тут Башня, девочка? Какие у нас могут быть дела с этими дурочками?

Тиф пришлось рассказать историю о том, что Целитель оказался Ходящим и как он, вместе с другими волшебницами, взял в оборот лучника и девку-самородка.

– Дела у тебя и вправду далеки от совершенства. Пока они под защитой Башни, ты до них не доберешься. Похоже, у милых кумушек появился интерес к этой парочке. А сие означает, что вернуть ее будет очень и очень непросто.

– Сейчас шанс есть, но через два дня его может не стать. Рован на подступах к городу.

– Проворный мальчуган, – одобрительно кивнула Тальки. – Как я понимаю, ты говорила с ним.

– Да. Только что. Он опять интересовался книгой.

– Ну конечно же интересовался. Как же иначе? Могу предположить, что мальчик был не очень рад, когда узнал, что ты ничего не нашла.

– Не то слово. Но еще недовольнее Чахотка был бы, если бы догадался, что я ничего и не искала.

Проказа разразилась кудахчущим смехом.

– Чему ты радуешься, позволь узнать? – с раздражением поинтересовалась Тиф.

– Все так предсказуемо. Теперь он будет осторожничать и не станет полагаться на огонь и магию. Во всяком случае, так, как рассчитывал раньше. А это означает только одно – наш друг провозится с городом гораздо дольше, чем собирался. Боюсь, он не справится даже до зимы. А это означает, что Лей спокойно завершит кампанию без назойливой помощи вспыльчивого малыша и уйдет на зимовку где-нибудь под Брагун-Заном, если не под Корунном. Боюсь, в последнее время, присутствие Чахотки заставляло Чуму быть... несколько нервным. Отсутствие первого пойдет на пользу не только второму, но и всему нашему общему делу.

Хитрая паучиха! Интересно, как давно она это спланировала и начала дергать за ниточки?!

– Ты все продумала заранее.

– Глупости, милочка. Удачное стечение обстоятельств. И только.

– Рассказывай это Митифе, а не мне. Я начинаю задумываться, Тальки. А существуют ли на самом деле каракули приснопамятного Скульптора?

– Хочешь сказать, я сочинила сказку, чтобы выманить Рована с севера? – понимающе

улыбнулась Проказа. – Нет. К сожалению. Как ты там выразилась? «Каракули приснопамятного Скульптора», похоже, все же спрятаны где-то в Альсгаре. Если только умница Митифа не водит нас за нос. Думаешь, она на такое способна?

– Эта святая простота?! – презрительно фыркнула Тиф. – У курицы и то мозгов больше, чем у нее!

– Как печально такое слышать. Но, пожалуй, я с тобой соглашусь, девочка. Правда, давай не будем перемывать косточки нашим общим друзьям и моим ученикам – это некрасиво, – хихикнула Проклятая. – Я хотела сообщить тебе последние новости.

– Ты так добра, – с иронией в голосе произнесла Тиа.

– С другой стороны, я могу и помолчать, – не меняя тона, проворковала Тальки.

– Нет, я думаю...

– Тогда придержи свой острый язычок, девочка! – Впервые за время разговора в глазах Проказы сверкнула сталь. – Ты должна быть благодарна, что я не вышвырнула кое-кого в выгребную яму, когда он попросил меня о помощи. Запомни раз и навсегда – ты нуждаешься во мне гораздо больше, чем я в тебе. Меня начинает раздражать твоя грубость.

– Прости, – проглотив гордость, повинилась Тиф.

– Ничего, милочка, – тут же оттаяла Проказа. – Пустяки. Я вовсе не обиделась. Смотрю, ты наконец-то полностью взяла под контроль тело этого мальчугана. Хорошо. Очень хорошо. Делаешь успехи. Итак, новости. Хорошие и плохие. Какие предпочитаешь услышать первыми?

– Давай начнем со сладкого.

– Как угодно. После того как Высокородные и часть йе-арре перешли на нашу сторону, Лей миновал Перешейки Лины, обложил Окни и сейчас находится где-то между Слепым Кряжем и Лестницей Висельника. Имперцы вцепились в землю зубами, но считаю, что мы возьмем перевал. Аленари бросила свои основные силы Лею на подмогу. Это хорошее подспорье.

– Если Оспа отдаст войска, осада с Гаш-шаку будет снята?

– Нет. Людей у стен города Кавалара осталось достаточно. Кроме него на востоке есть лишь один очаг сопротивления – Альс, но ему долго не продержаться. Уже скоро мы сможем двинуться на равнины Руде.

– В степях брать нечего. Десяток вшивых деревенок.

– Из них можно нанести удар по Радужной долине. Ты забыла?

– Нет. Конечно, нет. Хотя я считала, что ее время еще не пришло. – Тиа несколько ун молчала, затем поинтересовалась: – Что союзники?

– То же, что и всегда. С нами. Слишком большой кусок земли мы пообещали набаторскому королю. Солдат довольно. Все излишки направлены к Лею. Они помогут в том случае, если север не захочет сломаться сразу.

– Аленари с Леем?

– Нет. Оспа решила прогуляться до Радужной долины. Сочла, что следует утихомирить Ходящих и лишить их какого-то количества зубов.

– Она может найти что-нибудь ценное. Там полно башен работы Скульптора, а он любил прятать секреты. Отпускать ее слишком неосмотрительно...

– Именно поэтому я решила составить ей компанию, – хихикнула старуха.

– Она знает?

– Еще нет. Девочка опережает меня на четыре дня, так что приходится подгонять

лошадей. Слава Бездне, что моя карета удобна. Я слишком стара. Долгая дорога утомляет. Скорее всего, никаких непредвиденных ситуаций не возникнет. Аленари не дура и никогда не была жадной. Не думаю, что она станет возражать из-за моего присутствия. Отчего ты так нахмурилась?

– Хозяева не слишком обрадуются вашему приезду. Там много учеников. Их будут защищать до последнего. Даже рискуя собственной жизнью. Это может стать опасным.

– И это мне говорит та, кто в последний год войны сунулась к пятерым из Совета, не самым последним Ходящим, и стерла их в порошок? С годами ты стала слишком осторожной и разумной, милочка. – Вопреки ожиданию Тиф в голосе Тальки не было насмешки.

– То другое. Они заплатили за смерть Ретара.

– Можешь поверить – я помню это, как никто другой. И все же тебе нечего бояться. Я, хоть и старуха, вполне способна за себя постоять.

– Если с тобой что-нибудь случится...

– То ты навеки останешься в противном теле этого мальчика. Да. Я знаю это. Но со мной ничего не случится. Спасибо за заботу, – усмехнулась Проказа. – Если справишься в Альсгаре, я буду ждать в долине. Очень подходящее и символичное место для того, чтобы вернуть тебя к полноценной жизни.

– После того как сюда нагрянет Рован, тебе придется прождать меня вечность.

– Ты умная девочка и что-нибудь придумаешь. – Тальки послала ей поощрительную улыбку. – Еще из хороших новостей. Я провела парочку опытов и теперь уверена, что справлюсь с твоей проблемой.

– Замечательно!

Это и правда было замечательно. Старая карга никогда не бросала слов на ветер в том, что касалось ее искусства. Раз уверена, значит, действительно, способна помочь.

– А теперь о плохом. Кроме Целителя, который устроил тебе такую встряску, потребуется еще и девочка-самородок.

– Я уже слышала это. И помню. Она нужна тебе, и я ее доставлю. Во всяком случае, постараюсь и...

– Ты, кажется, не понимаешь, – мягко вмешалась Целительница. – Девочка мне интересна, это так, но для тебя она важна не меньше, чем для меня. Без нее ничего не выйдет.

– Но ты говорила...

– Все мы время от времени можем ошибаться, и я – не исключение. Если Целитель должен показать мне то атакующее плетение, что чуть не выжгло твою душу, то самородок послужит вместилищем. Только ее тело выдержит твой дух. Все остальные он попросту разрушит. Если, конечно, у тебя, милочка, не будет желания вновь болтаться за плечом какого-нибудь сумасшедшего или ты найдешь поблизости от себя Ходящую, способную управлять черным Даром точно так же, как и светлым. Не уверена, что условия очень удобные. Тела безумных слишком... смертны. А магов из Башни со способностью обладать обеими сторонами Дара – нет. В отличие от девочки-самородка. Надеюсь, ты не забыла, с какой легкостью она справлялась с хилссом и выдавала плетения Смерти, на которые способен отнюдь не каждый некромант Сдиса. Малышка, как и Целитель, ключик к возвращению твоего величия. Так что придется вывернуться наизнанку, но привести их или навсегда остаться в оболочке, которая так тебе не к лицу.

– Ты уверена насчет девки?

В глубине души Тиа рассчитывала, что сможет убить сучку и свалить все на случайные обстоятельства, что бы ни говорила про это Проказа. Теперь же ей придется сдуть пылинки с синеглазой дряни.

– Я думала, что Дочь Ночи немного понятливее, – огорченно поджала губы Тальки. – Девчонка выжила после того, как Целитель обжег тебя светом и лишил тела. И, что самое главное, судя по всему, у нее осталась «искра», хотя после подобного все, кто находился поблизости и обладал светлым Даром, исключая мальчика, должны были уже попивать сладкое вино в Счастливых садах. Что до наших любимых сдисцев – их возможности слишком заостренились на темных искусствах. Это касается даже тех, кто входит в Восьмой Круг и кого мы так безуспешно пытаемся перековать из черных в серых. Нужны гибкость и пластичность, возможные только у тех, кто имеет обе стороны магии. В девочке запросто уживаются темная и светлая «искры». Надеюсь, мне не надо еще раз разжевывать очевидные вещи? Поверь, я уже очень устала и хочу немного поспать.

– Я поняла. Это все, что ты хотела мне рассказать?

– Ну что ты, милочка? Разве я ограничусь одной плохой новостью?

Тиф сжала зубы и промолчала.

– Я подробно изучила свою библиотеку. Перерыла книги, потратила время. Можешь мне поверить, это было тяжело. Но я нашла упоминание об... э-э-э... экспериментах магов прошлого по переселению души носителя «искры» из одной смертной оболочке в другую. Это происходило двумя путями. В первом случае, крайне редко, человек просто обладал предрасположенностью к таким возможностям. И после смерти тела его Дар поддерживал дух и помогал ему переместиться в другую брентную скорлупку. Это делали очень сильные мастера и большие везунчики. Их можно было пересчитать по пальцам. Но они – не твой случай. Ты хоть и мастер, но не слишком удачливая. Во всяком случае, в этом вопросе, так что перейдем ко второму пути. Он заключается в том, что рядом должен оказаться кто-то из Целителей, который смог бы поддержать твое «я» и вдохнуть его в подготовленное тело, которое обладает некоторыми свойствами. Какими, я описала раньше. Тебе все еще интересно?

– Да.

– Замечательно. Тогда я, с твоего позволения, продолжу. Переносы производились всего лишь несколько раз. Тогда некоторыми в Башне еще владела жажда знаний. Ну так вот. Половина их окончилась неудачей.

– Это действительно не обнадеживает, – нахмурилась Проклятая.

– Более того – все удачные переносы принадлежат Скульптору... Но я уверена, что справлюсь.

– Почему?

– Потому что это я, милочка. Если не сделаю я – то не сделает никто. Так что придется тебе любить меня крепче, чем собственную матушку. Надеюсь, ты примешь это к сведению.

Тиф не оставалось ничего иного, как кивнуть.

– Ну тогда это все, что я хотела сказать, моя дорогая. Я жду тебя. До встречи.

И вновь вино оказалось на полу, лужа увеличилась вдвое, но не успела Тиа прийти в себя, как ее опять настиг Призыв.

– Все сговорились, что ли? – пробормотала Проклятая, резко вскакивая с кровати.

Она знала эти робкие, до невозможности неприятные касания. Они заставляли ее содрогаться от омерзения и в то же время трястись от неконтролируемой ненависти.

Митифа.

Корь.

Серая мышка.

Только ее она не любила больше Рована. Только ее она ненавидела, презирала и... терпела, хотя, на взгляд Тиф, именно эта выскочка, неумеха, тупица, трусиха и предательница заслуживала смерти, как никто другой.

Благодаря Кори жизнь Тиа ал'Ланкарра навсегда изменилась.

Если бы не она – не пришлось бы убивать Сориту.

Если бы не она, они с Ретаром никогда бы не вернулись в Альсгару и он бы не погиб на берегу Орсы.

Жалкая, недалекая, робкая тихоня, постоянно прячущаяся за спину Тальки. Если бы не Проказа, Тиф давно бы раздавила эту вошь. Ей было непонятно, почему Целительница всегда прикрывала Митифу.

– Да пошла ты! – выдохнула Проклятая и с трудом разорвала контакт. Подобное ей удалось только потому, что Корь была самой слабой из Шести. И чтобы отвязаться от нее, хватило даже тех сил, что сейчас были у Тиа.

На какое-то время ее оставили в покое, но затем все повторилось.

Призыв.

Проклятой стала любопытна подобная настойчивость. Обычно Серая мышка не решалась тревожить тех, кто игнорировал ее в первый раз. Сейчас же она пошла против собственных правил. А это могло означать, что случилось нечто действительно срочное.

Подумав, что к вечеру всей бутылке суждено разлиться по полу, Дочь Ночи плеснула третий за сегодняшний день бокал на стену и с хмурой физиономией начала ждать, когда из зеркального марева проступит изображение.

Митифа была старше Тиа на десять лет, но это никак не сказалось на ее внешности. Если бы кто-нибудь раньше увидел Тиф и Корь вместе, то посчитал бы их ровесницами. Выше среднего роста, с великолепной гривой вечно распущенных черных волос, окутывающих ее, точно плащ, она выглядела совсем девчонкой. Худощавая, гибкая, словно гимнастка-канатоходка, еще обучаясь в Радужной долине, Митифа многих вводила в заблуждение о том, сколько ей лет на самом деле.

– Я... – начала было Корь, но, увидев, что разговаривает с мужчиной, удивленно раскрыла большие серые глаза, и ее густые соболиные брови поползли вверх, а маленький рот открылся.

«И этой дуре мы доверили взять Врата Шести Башен? – с каким-то отстраненным удивлением подумала Тиа. – Удивительно, что она с этим справилась».

Тиф понимала, что они поступили верно. Тальки на совете Шести настояла на том, чтобы именно ее бывшая ученица появилась перед воротами цитадели и поддержала бросившиеся на штурм набаторские войска. Ходящие помнили Корь хуже всех Проклятых, слишком мало та проявляла себя в Войну Некромантов. Способ ее плетений Башня почти не знала и преподавала ученикам в долине в самую последнюю очередь, да и то поверхностно. К тому же особенностью Митифы было то, что она без труда умела блокировать попытки ощутить ее «искру», а это давало нужный им всем эффект внезапности.

Тиф сопротивлялась предложению Проказы долгие все, обойдя в этом даже недоверчивого Лея. Она не забыла, как Митифа опростоволосилась с Матерью, и отлично помнила, как трусливая гадина ползала перед Соритой на коленях, вымаливая прощение. Но

Тальки осталась непреклонна, и в итоге тихоня смогла совершить задуманное. Крепость, защищавшая перевал Самшитовых гор, не ожидала нападения, а единственная Ходящая оказалась несмышленной девчонкой, с которой без труда справилась та же самая Серая мышка.

– Это я – Тиа, – сказала Проклятая, видя, что собеседница собирается разорвать плетение, удерживающее серебряное окно.

– Тиа? – Удивления в серых глазках прибавилось. – Тиа?!

– Ты стала плохо слышать? – сгубила Тиф. – Сколько еще повторить, чтобы ты поверила, что это я. Говори, что нужно, а нет – уходи.

– Но... но как такое возможно? Что с тобой случилось?! Почему ты теперь мужчина?!

– Так нужно, – отрезала Тиф, не собираясь вдаваться в подробности. Значит, Тальки сдержала слово и не рассказала, что произошло в Песьей Травке. Тем лучше. Это не даст посеять в голове Кори соблазна избавиться под шумок от не любящей ее Дочери Ночи. Впрочем, вряд ли столь кардинальные мысли смогут прийти в очаровательную, но донельзя недалекую головку.

– Ко... конечно. Раз ты так говоришь, то... да. Тебе же лучше знать, правда? Я тебя не потревожила?

– Потревожила, – холодно отчеканила Тиа.

– Ой! Прости. Я не хотела.

Еще одна раздражающая Тиф черта – эта дура постоянно извинялась. По случаю и без случая. Это было просто невыносимо. Порой хотелось вырвать ее язык, лишь бы не слышать вечного «прости», «не хотела», «сожалею», «каюсь», «не думала». От последнего Дочь Ночи попросту начинало трясти. Ей было вообще непонятно, о чем Корь может думать, кроме своих любимых пушистых заек и сладостей.

– Ближе к делу, – поморщилась Тиа. – Я занята.

– Сожалею, что отвлекаю тебя, но я посчитала, что ты должна знать.

– Знать – что?

– Я говорила с Аленари. Она отправляется в Радужную долину.

– Это мне известно.

– Я знаю, что Тальки рассказала тебе о записках Скульптора. Так вот. Где-то в Радужной долине спрятана их копия. Это было написано в тех отрывках, что я нашла в библиотеке Врат Шести Башен. Скульптор сделал два варианта. Первый лежит в Альсгаре. Второй – в школе Ходящих.

– Эти сведения были у тебя с самого начала?

– Да, конечно. Я сразу же сказала Тальки.

Хм... Вот только та не спешила просвещать других.

– А она – Аленари?

– Да. Я так думаю, – поспешно кивнула Митифа. – Прости, не знаю точно.

Мерзкая старая паучиха!

Теперь Рован знает половину правды и лезет в Альсгару, не мешая Лею вести войну на севере, а Аленари знает другую половину и, оставив свои отборные части на попечение того же Лея, усилив его силы на порядок, стремится в Радужную долину. В итоге никто не дерется за власть. Чахотка и Оспа считают, что как только у них в руках будет знание, они прижмут остальных к ногтю. Лей полагает, что, победив, да еще с такими силами за пазухой, он заставит всех слушаться его. Митифа вообще ничего не думает – у нее для этого нет мозгов.

Тиф выброшена из игры, во всяком случае, до тех пор, пока не обретет соответствующее тело. А Тальки, оставаясь в тени и насмехаясь над ними, дергает за ниточки. Но...

Проказа не любит Оспу. Зачем же тогда она отправляет ее в такое кипящее от силы место, как школа Ходящих? Это не стоит победы в войне и усиления Лея. Что Тальки задумала? Чего она ждет? Или же найти в Радужной долине знание так же непросто, как и в Альсгаре, и старуха даже в голову не берет возможность, что кем-то из них будут обнаружены такие ценности?

Вот задачка. Кто поймет, что рассчитывает получить старая сколопендра?

– Почему ты говоришь это мне?

– Возможно, я ошибаюсь, но, мне кажется, Аленари может грозить опасность. Тальки в последнее время ведет себя очень странно. А если погибнет кто-то из нас, это очень, очень плохо. Ведь так? Да и война может затянуться. Мы ведь этого не хотим, правда?

«Тальки ведет себя странно всю жизнь», – хмыкнула про себя Тиф. Но сейчас действительно творилось что-то непонятное. Игра, затеянная Проказой, смущала.

– Ты не ответила на мой вопрос. Почему говоришь со мной?

– Я знаю, мы никогда не были в ладах, но больше мне не к кому обратиться. Лея отвлекать нельзя, сейчас на него свалился весь груз ответственности за наше будущее. Если он проиграет, надеждам Скульптора не суждено сбыться. Рован меня никогда не выслушает, к тому же он немного... болен и не имеет привычки считаться с другими и верить им. С Аленари я не смогла связаться. Она молчит уже три дня. Рвет плетение, стоит мне сделать попытку послать вызов. Так что остаешься ты. Я слишком далеко. У Врат. А ты где-то на западе. Возможно, ты смогла бы перехватить ее. Предупредить. Или хотя бы быть рядом с ней, чтобы, когда Тальки прибудет, у нее не возникло соблазна...

Митифа не подозревала, что сейчас Тиф – не та, с кем будет считаться старая карга. Если Проказа задумает устроить Оспе неприятности – сделает это вне зависимости от присутствия или отсутствия Тиа.

– А если ты ошибаешься?

– Лучше ошибиться, чем потом жалеть, правда?

Что же, в словах Кори была доля истины. Сейчас смерть любого из Шести не пойдет войне на пользу. Конечно, есть набаторские полководцы, есть сдисские эмиры, есть командиры шей-за'нов, но Проклятых не заменит никто. Без них Ходящие вздохнут спокойно, и победа будет за Империей.

– Я сейчас в другом месте. И даже если захочу помочь – не успею. Так что придется тебе справляться собственными силами.

– Очень жаль. Но я тоже ничего не могу сделать. Буду молиться, чтобы все это мне просто показалось, – огорчилась Митифа.

На этот раз контакт оборвала Тиф. Она знала, что после вьевшихся в печенки «мне просто показалось» последует еще с десятков ничего не значащих и бестолковых фраз. Они вызывали только раздражение, и поэтому не было нужды выслушивать их дольше, чем требуется.

Корь все еще сидела у Врат Шести Башен! И это после того, как прошло целых два месяца с момента вторжения в Империю! Она даже не подумала упрочить свою власть, примкнуть к Аленари или Лею. Взять под свое начало Избранных или еще какую-нибудь силу. Все, что ее интересовало, – это старые, поеденные червями книги. Митифа была готова закопаться в них с головой, лишь бы ее никто не трогал.

И ее не трогали. Давно махнули рукой, поняв, что она не представляет никакой угрозы и им не соперница. Пусть роется в бумагах, лишь бы не лезла в дела.

Даже удивительно, что Корь была ученицей такой опасной и хитрой гадины, как Тальки.

Тиа нахмурилась, подошла к окну, откуда были видны ворота, ведущие в Высокий город.

Что задумала Целительница на этот раз? Какую игру ведет, если Рован услышал одно, а Аленари – другое? Все не так просто, как кажется на первый взгляд, но Тиф никак не могла разобраться, какую выгоду Тальки получит, если Оспа умрет сейчас? В тот момент, когда она нужна им больше всего!

Следовало подумать над этим.

И очень серьезно.

Зал, вопреки моим ожиданиям, оказался не так уж велик. Круглый, с высоким куполообразным потолком и широкими окнами, верхняя половина которых представляла собой витражи с историями из жизни Башни.

Сразу у дверей начинались ступени, ведущие вниз. По обе стороны лестницы стояли скамьи, обтянутые синим бархатом. Сейчас они пустовали, но здесь вполне могла бы разместиться сотня Ходящих. Основная часть зала располагалась несколько ниже, чем место, где мы находились, и была как на ладони.

В центре ее, в широком круге, выложенном черно-белой плиткой, алели семь лепестков из темно-красной керамики. Там, где они заканчивались, из пола вырастали загнутые и направленные в круг золотистые клыки.

– Это Лепестки Пути, – счел нужным объяснить Шен и, заметив, что я никак не реагирую, усмехнулся:

– Вижу, ты не удивлен. Видел подобное раньше?

– Допустим. Это что? Преступление?

– Нет, конечно. Но тех, что не разрушены, осталось не так уж много. По пальцам можно пересчитать. Возможно, ты знаешь те, которые не учтены у нас?

Я не собирался рассказывать ему о тайном убежище Скульптора и проворчал:

– Поброди по руинам брошенных городов и диким местам, найдешь и не такое. Какой вам от них толк? После того как Сорита усыпила порталы, никто не может их разбудить.

– Незачем тебе врать, Шен, – улыбнулась Лаэн. – По пальцам их не пересчитаешь. Лепестков в Империи больше сотни.

– Малость, по сравнению с тем, что было во времена Скульптора, – не согласился тот.

– За тысячу лет разрушается даже камень. Ничто не вечно. К тому же эти прекрасно сохранились. – Ласка больше не улыбалась. – Зачем вы держите их в Башне? Они же давно не действуют.

– Эти Лепестки выращены Скульптором перед самым окончанием строительства Башни. Они – первые из череды порталов. Именно на них во время Темного мятежа наложила заклинание Сорита. Нам по лестнице. К ним.

– А почему ты говоришь «выращены», а не «построены»? – спросил я.

– Как написано в дневниках очевидцев, присутствовавших при работе Скульптора, он не строил их, а именно выращивал, словно живые цветы. Это знание, к сожалению, утрачено.

Да. Было бы неплохо в мгновение ока переместиться из Альсары, к примеру, в Корунн или под Сандон. Р-раз, и ты уже там. Никаких недельных скачек, усталости, ночевки под открытым небом и таверн с клопами.

Не о том я думаю! Ох, не о том!

В зале мы оказались не одни. У окна стояла женщина в синем одеянии Ходящих и мужчина, облаченный в красную мантию заклинателей. В последнем я без труда узнал Гиса.

Ведомые Шеном, мы завершили спуск, обошли Лепестки и, повинувшись его предупреждающему жесту, остановились. Гис не счел нужным не узнавать нас и поприветствовал быстрым кивком. Я встретился с ним глазами и отчего-то сразу понял, что демонолог на нашей стороне. Гис сжал губы, тем самым показывая, чтобы я не болтал ничего лишнего.

Слишком запоздалое предупреждение, на мой взгляд. Мы и так увязли по самые уши. Длинный язык вряд ли сыграет особую роль для того, кто давно уже принял решение о нашей судьбе.

Цейра Асани, Мать Ходящих, глава Башни, Хранительница Синего пламени и прочая, прочая, прочая, к моему безграничному удивлению, оказалась не старой развалиной с бородавкой на носу, а женщиной, вряд ли перешагнувшей порог сорокалетия. На голову ниже меня, голубоглазая, светловолосая (если я могу судить о цвете ее волос по той прядке, что выбилась из-под покрывала) и очень, очень бледная. Лицо словно маска, где белая кожа готова поспорить чистотой и цветом с фарфором, а глаза – с северными ледниками. Блеклые губы с капризно опущенными уголками, острый подбородок и несколько великоватый нос.

Ничего особого, выдающегося, если подумать. Женщина как женщина. Не дурнушка, но и не красавица. И в то же время перед нами была та, кто семь лет назад предложила нам с Лаэн убить мага, заплатила за это десять тысяч соренов и искала все эти годы.

Умная, хитрая, ловкая, очень опасная, схватку с которой мы безнадежно проиграли.

Платье на ней ничем не отличалось от повседневной одежды других Ходящих, а на руках были перчатки из синего шелка.

Я удостоился мимолетного взгляда, зато Лаэн изучили с головы до пят.

– Вы знаете, кто я? – Голос у нее оказался неожиданно приятным. Он совершенно не подходил такой женщине.

– Да. Мы знаем, кто вы, – сказала Ласка за нас обоих.

– Превосходно. Это спасет и мое и ваше время, – удовлетворенно кивнула Мать. – Мы с мастером Гисом только что говорили о вас. Он просит, чтобы я проявила снисходительность, хотя и знает, что вы совершили. Я услышала его доводы. К тому же вы помогли ему спастись из Даббской Плещи, тем самым, хоть и не ведая этого, оказав Башне услугу. Я ценю это, и ваши заслуги учтут, когда Совет будет выносить приговор. Мастер Гис, – обратилась Цейра Асани к заклинателю. – Спасибо, что нашли время для встречи со мной. Не сомневаюсь, ваша история найдет отклик в сердцах Совета. Теперь же прошу оказать мне любезность и предоставить возможность поговорить с убийцами одной из сестер наедине.

– Конечно, Мать. Не смею больше беспокоить вас своим присутствием, – с улыбкой поклонился Гис. Но в тот миг, когда Ходящая отвела от него глаза, кинул нам предупреждающий взгляд и неспешной походкой направился к выходу.

Я не перестаю удивляться некоторым людям. При всем том, что деревня оживших мертвецов связала наши с заклинателем судьбы, не ожидал, что он вступится.

– Ты мне тоже пока больше не нужен, Шен. Благодарю за помощь. Можешь быть свободен.

– Но, госпожа Асани, – возмутился Целитель, разом растеряв все свое хладнокровие и значительность. – Оставшись с ними...

– Перестань, – мягко сказала она. – Я знаю, что ты мне скажешь. В этом нет нужды. Ступай и не беспокойся за меня.

Он все еще колебался, и тогда она добавила в голос стали:

– Ступай, ученик.

Шен не посмел послушаться и, хотя его физиономия выражала все степени недовольства, отправился следом за Гисом.

Я посмотрел на Лаэн и одними губами произнес «ученик». Она в ответ едва заметно подняла брови, показывая, что эта новость для нее так же неожиданна, как и для меня. Кто

из нас мог подумать два месяца назад, что явившийся в Песью Травку с троицей наемных убийц Молса лекарь вначале окажется Целителем, едва не прибывшим саму Тиф, затем Ходящим, а теперь и учеником самой Матери! Шен полон сюрпризов, точно сундук йе-арре.

Цейра Асани дождалась, когда он выйдет за дверь, повернулась к нам спиной, подошла к окну. Мы терпеливо ждали. Хотя волшебница казалась донельзя уязвимой, я не сделал никаких попыток приблизиться к ней. Не сомневаюсь – подобный шаг был бы последним в моей жизни.

Она словно услышала мои мысли, поэтому насмешливо произнесла:

– Надеюсь, ты научила своего мужчину мало-мальским приличиям, Лаэн? Бросаться на Мать с кулаками так... неразумно.

Мне показалось, что она насмехается. Не надо мной. Над Лаской.

– Мы и не думали о таком кощунстве, госпожа Асани, – подобострастно произнесла Лаэн, хотя я мог себе представить, чего ей это стоило.

– Охотно верю, – она вновь насмешничала, – поэтому нет нужды в лишних ушах, даже если это уши любимого ученика. Шен слишком горяч и считает, что сможет справиться с тобой, гийян, если ты все же решишь совершить... кощунство. – Она посмаковала это слово. – С тем, кто прошел Сандон и убивал Высокородных, сладить не так просто. Армия, что бы о ней ни говорили глупцы, хорошо закаляет таких, как ты.

– Это лестная оценка, госпожа, но у Шена есть Дар. И в этом мне с ним никогда не сравниться, – произнес я.

– Дар! – рассмеялась она. – Разве твоя женщина не объяснила тебе, что «искра» Целителя отличается от «искры» Ходящих, впрочем, как и от того, что несут в своих душах колдуны юга? Чаще всего в боях она бесполезна. Мелот создал таких, как Шен, для других дел. Лечить, создавать. Обучать, наконец. Целители никогда не были боевыми магами. Это не заложено в их «искре». Лишь Скульптор отличался от всех других. Да та, кого люди привыкли называть Проказой, смогла обратить свое искусство в оружие.

Да, да. Помним, помним! Хороший лекарь может стать не менее хорошим убийцей – было бы желание. У Проказы, как видно, этого желания было предостаточно.

Что до Шена, то зря Ходящая считает нас дураками. Я прекрасно помню, как парень, пускай и совершенно случайно, встал на пути Проклятой, и что из этого вышло. Копье света едва не отправило одну из Шести в Бездну. Так что не надо блять о беззащитности ученичка. Если он не может использовать боевые заклятия, когда ему захочется, это не значит, что Целитель совершенно ни на что не годен. Как сказала Лаэн – весь вопрос в обучении. Цейра Асани, как видно, не спешит (или не умеет) помочь ему освоить боевую магию.

– Присядьте. Беседа у нас выйдет длинная.

Она указала нам на стулья напротив кресла с высокой, резной спинкой, инкрустированной костью мамонта. Лаэн, как видно, до поры до времени решила играть послушную девочку, так что безропотно уселась на указанное ей место. Я же следовать чужим приказам не спешил и, несмотря на предупреждающие взгляды жены, упрямо остался стоять.

– Тебя моя просьба не касается? – холодно осведомилась волшебница, приподняв светлую бровь.

– Спасибо. Не хочется.

– Сядь! – сказала Мать, точно ударила хлыстом.

В эту же уну на ее руках вспыхнуло синее пламя, оживший стул ударил меня сзади под колени, заставив упасть на него, и что-то невидимое, но очень тяжелое, вдавило в спинку так, что та жалобно затрещала, собираясь в любое мгновение разлететься в щепки вместе с моим позвоночником. Однажды я уже испытывал нечто подобное. Очень давно. Двенадцать лет назад судьба свела меня с одним из магов Высокородных, и он проделал точно такой же фокус. И с тем же самым результатом.

Не скажу, что это произвело на меня приятное впечатление. Скорее наоборот.

Спустя мгновение пламя в руках Ходящей исчезло, не причинив шелковым перчаткам никакого вреда, а я смог нормально дышать. Цейра Асани только что продемонстрировала мне свою силу и показала отношение к малейшему неповиновению.

Очень впечатляюще.

– Почему некоторые мужчины всегда хотят показать свое упрямство? – ни к кому не обращаясь, спросила Мать и расположилась в кресле напротив нас. – Отчего-то я думала, что ты более сговорчив, чем некоторые представители твоего вида. Жаль. Право, жаль. Надеюсь, теперь между нами не будет непонимания?

Ребра противно ныли, Лаэн кидала на меня убийственные взгляды.

Но заberi меня Бездна, должен же я был попробовать!

– Превосходно, – сказала бледная тварь, дождавшись моего кивка. – Ты быстро учишься, гийян, и это не может не радовать.

Она разговаривала со мной так, словно я был собакой. Глупой, грязной, блохастой и злобной. Вновь на перчатках затанцевало синее пламя, я напрягся, ожидая наказания неизвестно за что, но на этот раз заклинание меня не затронуло. Просто на несколько ун стены зала задрожали, словно я смотрел на них в жару.

– Теперь нас никто не услышит и не помешает, – улыбнулась Цейра. – Если честно, я до последнего дня не могла поверить, что меня почтят беседой столь... интересные и неуловимые люди. Вы так долго морочили всем головы, что в какой-то момент я начала думать, что убившие одну из нас действительно давно мертвы. Или находятся так далеко от Империи, что нечего и пытаться послать им приглашение на встречу. Каково же было мое изумление, когда до меня дошли вести, что вы живы и ваше местопребывание не столь далеко. Я даже ни на миг не сомневалась, что это именно те, кого прозвали Серым и Лаской. Такой парочки, как ваша, не найти в целом свете, так что я сразу поняла, о ком поведала мне одна любезная булочница.

Молс! Проклятая тварь! Я вырву твою печень и скормлю ее Пню, заставив запить это кушанье самым кислым из его вин!

Голубые глаза ведьмы какое-то время изучали нас, а затем она без всякого перехода произнесла:

– Вы убили Ходящую, а это серьезное преступление.

– Вы заплатили нам за это хорошие деньги, и мы решили оказать вам услугу. Если б не мы, госпожа, возможно, вы никогда не носили бы на руках этих перчаток, – неожиданно для меня сказала Лаэн.

Если честно, я не ожидал, что мы скажем это Цейре. Теперь мое солнце ступила на очень тонкий лед.

Мать сложила пальцы домиком и улыбнулась, не разжимая губ.

Каждая уна превращалась в вечность. И каждая вечность была для меня самым настоящим испытанием. Наконец, наша собеседница ответила, растягивая слова:

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Если это намек на то, что я причастна к смерти собственной сестры по «искре», то он просто смешон.

– Я рада, что смогла позабавить вас, госпожа.

Вновь молчание. Затем:

– Я слышу порожденный страхом за свою судьбу бред. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь поверит в него?

– Если бы мы с Нэссом желали что-то кому-то рассказать, то давно бы уже это сделали.

– Тогда к чему ты заставляешь меня слушать подобные глупости?

– Мы не маленькие дети, госпожа. Мы – гийяны. И прежде чем браться за дело, узнаем о том, кто его предложил.

Она рассмеялась:

– Если... Подчеркиваю – если бы я была заказчиком, то не кажется ли вам слишком самонадеянным говорить мне такое в лицо? В подобном случае, как умный и осторожный человек, я не выпущу вас живыми из этого зала. Ты должна понимать это, не так ли?

Она смотрела на нас с выжидающей улыбкой, и я отчего-то понял, что мы в одном шаге от падения в пропасть. Поэтому стоически молчал, давая Лаэн возможность продолжать разговор. Она, судя по всему, знает их змеиные повадки гораздо лучше, чем я. Здесь я ей, к сожалению, не помощник. Не мне воевать с Ходящими.

Мое солнце послала ответную улыбку:

– Мне кажется, если бы вы посчитали нас опасными, мы никогда не дожили бы до встречи с вами.

После этих слов Цейра Асани расслабилась, откинувшись на спинку кресла, и стало понятно, что на какое-то время опасность... нет... не отступила... скорее – остановилась, дыша в затылок.

– А ты умная женщина, Лаэн. Беседа с тобой начинает доставлять мне удовольствие.

– Благодарю вас, госпожа.

– Давайте на некоторое время забудем о моей несчастной сестре. Совсем недавно вы пробрались в дом к уважаемому жителю города и без веских причин отняли у него жизнь. Надеюсь, вы не будете отрицать этого? Господин Йох оказывал Башне услуги и был нашим близким другом. Мы скорбим о его потере. Наместник потребовал у Совета выдать вас городским властям для совершения справедливой казни, и я близка к тому, чтобы осуществить его просьбу. Если только у вас повернется язык мне соврать. Начинайте.

– Начинать – что? – тупо буркнул я.

– Рассказывать. Начните с того, что вы знаете о произошедшем в Песьей Травке, а затем в Даббской Плеши.

Надо думать, Шен уже давно посвятил ее во все подробности, но мы выложили все, что знали.

– Как вам повезло. Двое носителей Дара справились с самой Проклятой. Просто повезло, – произнесла Мать, не обращая ни к кому из нас. – А выброс силы после ее смерти может объяснить появление мертвых из могил. Но вы что-то утаили. Я чувствую. – Она пронзила меня взглядом. – Теперь ты, Серый.

– Все с самого начала?

– Нет, – она поморщилась от моей недогадливости. – Лишь то, чего не сказала твоя жена.

Ну да. Она спросила про Песью Травку и Плешь. Про Псарьки разговора не было, вот

мы и промолчали. Теперь же пришлось ее «обрадовать» тем, что Тиф, скорее всего, осталась жива, пускай при этом и потеряла тело.

– Ты не лжешь, – задумчиво сказала Мать после моего рассказа. – Гис рассказал мне о человеке, что напал на тебя в пустой деревне. И даже говорил, что это – дух, ранее принадлежавший магу. Но он не упоминал про Убийцу Сориты. Не надо. Молчи. Он конечно же не мог знать. Хм... Значит, Проклятых все еще шестеро. Не самая радостная весть в такие дни. Смерть любого из них намного бы облегчила положение на фронтах.

Цейра Асани задумалась, и нам оставалось лишь ждать того момента, когда она вновь вспыхнет к нам интересом. Это случилось не так быстро, как я думал.

– Магистр Алых не смог распознать одну из Шести, а убийце это удалось, – понимающе усмехнувшись, сказала она, бросив многозначительный взгляд на Лаэн. – Чего только не бывает в жизни... Дух Дочери Ночи захватил тело несчастного безумца и пошел за вами. Зачем? – резко спросила она.

– Наверно, она хочет отомстить нам за то, что мы сделали.

Ходящая на это предположение лишь раздраженно цокнула языком:

– Не думаю, Серый. Не думаю. Да. Ты убил ее тело. Да. Она уцелела. Но Тиф не обычный человек. Она прожила пять веков и не станет рисковать подобным образом ради простой мести. Проклятая должна понимать, что сейчас она слишком слаба и любая Ходящая станет для нее опасным противником. Возможно, с вашей помощью она хочет вернуть себе утраченное. Ведь она искала моего ученика, не так ли?

– Искала, – подтвердил я.

– Вот видишь. Ей нужен Целитель. И не Проказа, а тот, кто стал причиной ее падения. Шен меня удивил. Пропустить Дар через посох некроманта и получить молот, который едва не размазал тварь по земле... Такое можно сделать лишь по наитию. Или же... когда поблизости есть еще один искусный маг. Твоя заслуга, что он выдал «Иглу Скульптора»? – обратилась она к Лаэн.

– Не понимаю, о чем вы говорите, госпожа. – Мое солнце не отвела взгляд.

Цейра Асани напряглась. Посмотрела ей в глаза.

– Не понимаешь... – стараясь скрыть разочарование в голосе, произнесла Мать через несколько ун тягостного молчания. – К сожалению, Шен тоже... Ты даже не можешь себе представить, как это досадно. Целитель в качестве оружия в этой войне был бы очень кстати. Мой ученик смог бы противостоять Проклятым. Он единственный, кто столкнулся с одной из Шести и вышел не только живым, но и победителем. Ну конечно же с вашей помощью. Я не собираюсь умалять ваших многочисленных заслуг, мои дорогие убийцы, – издевательски улыбнулась она. – Что же. Придется признать, что твоя роль в создании «Иглы Скульптора» была мною несколько преувеличена. Хотя вполне возможно, тот, кто тебя натаскал, мог предположить столь невероятное стечение обстоятельств... Он вполне способен был вбить в твой мозг то, что следует сделать, если рядом появится кто-то из зачинщиков Темного мятежа.

– Простите, госпожа, но здесь вы ошибаетесь. Я не знала, кто такой Шен, до того как он не взялся за хилсс. А это случилось уже после того, как Проклятая связала меня по рукам и ногам.

Цейра Асани искренне расхохоталась:

– Выходит, несмотря на удивительные умения, ты не слишком хорошо знаешь теорию. А зря. Неужели никогда не слышала, что достигшие вершин мастерства учителя умеют

записывать в раздуваемую «искру» своих учеников некую последовательность действий? Крючочков. Введенных арбалетов – если тебе так будет понятнее. И «стреляют» они только в определенных, очень редких случаях. В Войну Некромантов Проказа любила устраивать подобные сюрпризы. Давала некоторым пленным сестрам, после соответствующей... обработки, такой «арбалет» в «искру». И отправляла назад, предварительно заставив забыть все, что произошло. Такие Ходящие не только шпионили за ее врагом, даже не зная об этом, но и убивали своих друзей. Их было сложно вычислить и остановить. Крючок срабатывал, даже если тело оказывалось в плену, без сознания, а «искра» заблокирована. Все зависело от конкретной задачи, которую хотел вложить в голову волшебника мастер. Боюсь, что твоей задачей было – начать действие, если кто-то из Шести попытается тебя убить. Твой Дар все сделал сам. Дал Целителю плетение, которого тот никогда прежде не видел, а хилс в руках Шена просто послужил проводником потока. Иного объяснения я не вижу.

Лаэн слушала это объяснение с неослабевающим вниманием, прикусив губу от волнения. Мне же оставалось удивляться, что Мать, начавшая разговор с убийства Ходящей, «забыла» о наших преступлениях.

– Вот такая вот история. Без тебя, а точнее без того, что в тебе, Шен никогда бы не победил Тиф. И, признаюсь честно, если бы я только могла вытащить из твоей очаровательной головки вложенное в нее плетение – я бы это сделала. Не раздумывая.

– Но вы не можете? – прищурилась мое солнце.

Мать наградила ее изучающим взглядом и разочарованно покачала головой:

– Не знаю. Быть может, у меня что-то и получилось бы, но если не выйдет – ты умрешь, а я останусь ни с чем. Подобные заклинания слишком хрупки, и любое неосторожное касание выжжет твой мозг. Большинство из тех, кого в Войну Некромантов удалось раскрыть, умерли именно от этого. Хотя были и удачи, но слишком мало, чтобы решиться на подобное сейчас. Извлечь из «искры» то, что в нее вложено, может только сам мастер. Так что боюсь – эту тайну мы пока не узнаем. Однако я вернусь к этому, если ты не оставишь мне выбора, будешь излишне упряма и не станешь отвечать на мой следующий вопрос.

– Что за вопрос? – Я смотрел на нее исподлобья.

В ответ она погрозила мне пальцем:

– Не стоит тебе влезать в наш разговор. Помолчи. Лаэн поняла, что от нее хотят. Не так ли?

– Увы, госпожа. Я не могу даже предположить.

– Лжешь, – промурлыкала Цейра Асани, довольно прищурившись. Она сейчас и правда походила на кошку, сцапавшую самую лакомую мышку на свете. – Прекрасно знаешь, о чем я спрошу. По глазам вижу.

Повисло гнетущее молчание, затем, так и не дождавшись ответа, Мать разочарованно вздохнула и продолжила:

– Ты обладаешь Даром. Даже сейчас я вижу, как твоя связанная «искра» источает жар. Ты удивительно быстро восстанавливаешься. Просто сказка! С подобным мне не приходилось встречаться. В этом умении ты заткнешь за пояс любую из Совета. Других бы подобное выжгло, ты же очень легко отделалась. Отличная предрасположенность. Нет-нет, – насмешливо пропела она. – Не пытайся воспользоваться силой. Ты останешься связанной до тех пор, пока я тебя не отпущу. Поэтому изволь сидеть спокойно, иначе мирного разговора у нас не получится. Это понятно, или мне показать, что я не шучу?

Лаэн тут же расслабилась, сложив сцепленные руки на коленях.

– Умница. Все бы были столь разумными. О том, что ты владеешь Даром, я узнала еще до того, как вы отважились на убийство моей сестры. Ты себя не слишком проявляла, осторожничала, и я решила, что в мире появилась очередная самоучка. Знаешь, о таких говорят – «искра» едва теплится, а гонору на целую Башню. Подобных умниц мы в год находим больше двадцати. Чаще всего они не способны пройти даже первую ступень обучения в Радужной долине. Ловить тебя было недосуг, благо я сочла, что ты особой опасности не представляешь и можешь какое-то время погулять по Альсгаре. Моя предшественница была занята собственным здоровьем, и я не стала ее беспокоить твоей персоной. Ты меня забавляла, и где-то с полгода я наблюдала за вашими подвигами. Но чем дольше смотрела, тем больше понимала – что-то не так. – Цейра Асани встала с кресла и, продолжая говорить, медленно пошла по залу. – То ты сталкиваешься с тремя моими сестрами и ловко, словно неразумных девчонок, обводишь их вокруг пальца. Я списала это на случайность и невнимательность. То ты играючи справляешься с людьми преставившегося Йоха, несколько... мм... кровавым способом. Это уже насторожило. Но, возможно, ты была просто испорчена Даром и применила светлую «искру» совсем не так, как должно. Подобные случаи в истории имелись, так что ты была бы не первой. – Мать остановилась и провела рукой в синей перчатке по одному из клыков Лепестков Пути. – Следовало действовать, брать тебя за жабры, если ты понимаешь, о чем я говорю. Но тут скончалась Мать, и стало не до тебя. До той поры, пока ты одним мановением руки не сорвала защиту двух Огоньков, что оберегали убитую вами Ходящую, я не могла и помыслить о твоём потенциале. Ни одна самоучка не может одновременно сломать два щита опытных волшебниц так, словно они сделаны из синской бумаги. Ни один, даже самый мощный самородок не способен создать столь сложное плетение, если ему кто-то его не покажет. Здесь требуется учитель. И, прошу заметить, – хороший учитель. Ты получила одного из лучших, не так ли?

Лаэн оставила этот вопрос без ответа, лишь покосилась в мою сторону и вновь превратилась в отрешенное от всего изваяние.

– Тебя стали искать, но ты вместе с муженьком как сквозь землю провалилась. Вы всегда опережали моих шпионов на шаг. Очень ловко. Но вернемся к твоему учителю. Конечно же, я думала об этом. Радужная долина исключалась сразу. Я отлично знаю всех, кто проходил там обучение, и все они верно служат Империи. Никто из моих сестер в последние две сотни лет не бросал Башню. Ты не похожа ни на Ходящую, ни на Огонька. Не тот стиль работы с потоками. – Она завершила круг и вновь оказалась возле кресла. Но садиться не стала. – Тогда я решила, что кто-то из моих хитрых сестер нашел тебя в каком-нибудь захолустье и решил натаскать цепную собачонку для собственных нужд. Это была хорошая догадка. Иметь в рукаве стилет, подобный тебе, очень неплохо, и многие пошли бы на это. Какое-то время я шла по ложному следу, пытаюсь вычислить ту, кто посмела сделать тебя ученицей в обход Радужной долины. Как ты понимаешь – безуспешно. Ни одна из этих куриц, – последнее слово она произнесла с особым презрением, – даже не подозревала о твоём существовании до тех пор, пока вы не совершили памятное убийство. Пришлось вернуться к самому началу и крепко подумать. Так, стоило мне только отвлечься от личностей и заняться тем, что ты наворотила, выплыли кое-какие интересные детали. У меня получилось извлечь из общего водопада силы остатки следов, что оставил твой Дар. После того, что я увидела, часть сомнений сразу отпала. Ни одна из Ходящих или Огоньков не прикладывали руку к твоему обучению. Так?

И вновь Лаэн оставила ее вопрос без ответа. Цейра Асани улыбнулась, глаза ее холодно блеснули:

– Вижу, что я права. Потому что твоя «искра» оказалась странной. В золотистой прелести есть червоточинка. Темное, очень искусно спрятанное дупло. Искорка оказалась паршивой. Наряду со светлым Даром в тебе был и темный. Никто из Ходящих не может обладать этой частью искусства. Башня отпадает, и на горизонте вырастает что? Правильно. Сахаль-Нефул и Круги колдунов Сдиса.

Услышав это откровение, я остался удивительно спокоен. Втайне от самого себя я всегда подозревал именно то, что Ласке довелось изучать магию под началом одного из некромантов восточной страны. И когда мою догадку озвучили, это не оказалось для меня открытием.

Лаэн в беседу упорно не вступала.

– То, что ты сотворила в трактире с девкой-убийцей, лишь подтвердило мою догадку. Боевое заклятие Белых. Вне всякого сомнения. Да и продемонстрированные тобой в Песей Травке умения, чего уж скрывать, – не входят в достоинства школы Ходящих. Сплошная тьма, делающая честь любому из вырожденцев-некромантов. А уж овладеть *чужим* посохом! Хилсс вещь капризная и привязанная к своему владельцу кое-чем более существенным, чем магия. И все же, по словам Шена, тебе в считанные уны удалось перековать его под себя. Заставить подчиниться. Не каждый из колдунов справится с такой задачей. Это Седьмой и Восьмой Круг, если не ошибаюсь. – Мать села в кресло, сняла с рукава несуществующую пылинку. – А уж если говорить о Башне, никто из нас не осмелится прикоснуться к порождению чужой магии, так же, как никто из некромантов не возьмет в руки Синее пламя. Это равносильно потере Дара, если, конечно, речь не идет о Целителях. Но идея, что тебя дрессировали колдуны, мне не слишком нравилась. Было в ней одно... несоответствие. Как мы, Ходящие, владеем одной стороной Дара, так и некроманты владеют другой. Белое никогда не станет черным, а черное – белым. И не может действовать одновременно, становясь серым. При одном исключении. – Волшебница подняла к небу указательный палец. – Достигшие Восьмого Круга чернокнижники получают возможность обучаться у самих Проклятых. Шестеро владеют двумя сторонами Дара. В них горит и светлая и темная «искра». И некоторые из их темных учеников познают основы того, что преподают в Радужной долине. Становятся немножечко... светлыми, я бы сказала. Получают доступ к простым светлым плетениям. Неплохой вариант для догадки, а?

– Малоубедительный, госпожа. – Голос Лаэн, как и прежде, звучал ровно.

– Вот-вот, – тут же подхватила Цейра. – То же самое подумала и я. Малоубедительно. Шестеро были бы очень недовольны, если бы кто-то из Белых за их спинами обучал искусству какую-то приبلудную девку. Надо быть совсем сумасшедшим, чтобы идти поперек воли могущественных магов и рисковать головой непонятно ради чего. Восьмой Круг всегда на виду, и такое не скроешь. Так что от идеи колдуна-учителя пришлось отказаться. Я вновь оказалась в тупике. А ведь разгадка лежала прямо у меня перед носом.

На бледном лице Матери появился румянец, а голос стал попросту медовым:

– Ну вот, собственно говоря, я и подошла к самому интересному. В одну из наших милых бесед уже знакомая вам булочница обмолвилась о том, что ты якобы можешь общаться мысленно. Не раскрывая рта. В тот момент я не придавала этому значения, посчитав глупой выдумкой, но когда все мои измышления на твой счет были проверены сотню раз и оказалось, что я топчусь на одном и том же месте, я вспомнила тот разговор. Волей-неволей

уцепишься за любую ниточку, – усмехнулась Цейра Асани. – И я нашла то, что искала. Мыслеречь. Подобная способность называлась мыслеречью. О ней никто не слышал со времен окончания Войны Некромантов. Пять сотен лет это знание считалось Башней утраченным и относилось к разряду легенд. Мечтания девочек первой ступени обучения. Пшик. И тут такое... Ты владеешь этим умением?

– Нет.

Мать огорченно цокнула языком:

– Вновь лжешь. Если будешь продолжать в том же духе, придется тебя наказать. – В голосе волшебницы проскользнула угроза. – Итак. Ты владеешь этой способностью. Умеешь передавать слова, не раскрывая рта. Я взяла это утверждение за основу, и дальше стало легче. Первый верный шаг был сделан. Твой учитель смог научить тебя тому, о чем давно забыли в Радужной долине. У него оказались хорошие знания. И умения, раз из обычной природной «искры» он раздул такой талант. Сколько он потратил времени на твое обучение? Десять лет? Двадцать?

– Шесть, – глухим голосом ответила ей Лаэн.

– Шесть?! – эхом откликнулась Мать. На миг она потеряла свое спокойствие. Но лишь на миг. Задумчиво произнесла: – Ты не врешь... Но такое просто невозможно! За столь короткий срок нельзя вырастить полноценного мага.

Я понимал, почему она сомневается. Всем известно, что обучение в Радужной долине начинается с пятилетнего возраста. Когда детям исполняется двенадцать, они восходят на первую ступень мастерства. И заканчивают через восемь лет, на девятой, когда им минует двадцать. А затем каждого прикрепляют к отдельному преподавателю еще на пять лет. Только после этого обучающийся становится полноправным магом.

Здесь же, по словам Лаэн, выходит, что в скорости обучения она заткнула за пояс всех Ходящих.

– Хотя... – протянула Цейра Асани, бросив на мое солнце быстрый взгляд. – Зная, кто был твоим учителем, я могу предположить, что его методика преподавания в корне отличалась от классических канонов, принятых последние пять веков. Тот, кто легко вшивает в голову ученицы срабатывающие в ответ на Дар Проклятых «заклинания-арбалеты», – мастер. И это еще один шаг в пользу моей догадки. Потрясающая скорость обучения, возможная лишь в далеком прошлом. Мыслеречь. Команды, наложенные на подсознание. Искусство владеть обоими сторонами Дара и то, как ты работаешь с плетениями, сейчас такие вязи давно забыты, – все указывает, что тебя обучал кто-то из Шести. Проклятые, Ласка. Вот кто стоял за тобой. Они помнят то, что забыли другие. У них знания. Они способны на то, о чем я рассказывала. И они управляют и светлой и темной «искрой». Невероятно? Я тоже так вначале подумала. Но потом решила – почему бы и нет?

Когда я услышал о Проклятых, то чуть не расхохотался. В жизни не слышал большей глупости.

Но стоило бросить взгляд на Лаэн, смех застрял в горле, а в груди предательски ёкнуло.

Ее лицо оставалось спокойным, она даже умудрилась вежливо улыбаться, но синие глаза горели неприкрытой ненавистью к волшебнице.

Ходящая оказалась права! Невероятно! Непостижимо! Невозможно! Лаэн и Проклятые! Это просто не укладывалось в голове! Такое вообще невозможно!!!

– Тебе нет смысла отрицать очевидное, – мягко сказала Цейра Асани, не обращая внимания на не самый ласковый взгляд моей жены. – Я хочу тебе помочь.

– Простите, госпожа, но отчего-то я сомневаюсь, что все дело в вашем желании оказать помощь, – холодно отчеканила Ласка.

Лицо Матери окаменело, и тон ее изменился. Он перестал быть дружелюбным.

– Кто натаскивал тебя, девчонка?! Кто развил твою силу до такой степени, что еще два-три года, и ты будешь достойна места в моем Совете?! Кто из них не побоялся вложить в твою тупую светловолосую голову столь бесценные, давно утраченные знания? Кто?! Назови имя, чтобы я поняла причину, зачем им понадобилось с тобой возиться?! Это не могли быть ни Чума, ни Чахотка. Они Огоньки, и при всей силе их плетения не могут отличаться столь изящным почерком. Значит, остаются женщины. С тех пор как вас поймали, я каждый вечер хожу в зал Проклятых и стою перед портретами этой четверки, гадая, которая из них взяла под крылышко такого славного цыпленка. Оспа никогда не свяжется с такой, как ты. Со времен Темного мятежа она ненавидит красивых женщин и скорее убила бы тебя, чем взяла в ученицы. Корь никогда не брала учеников и всегда держалась в стороне от остальных. Значит, остаются Проказа и Тиф. Обе способны на такой поступок. Обоим хватит опыта даже таракана превратить в мага. Ведь Тиф приехала в вашу деревню и теперь преследует тебя. Не может ли быть так, что ею движет гнев учителя на предавшую ученицу?! Назови мне имя!

– Вы абсолютно правы, госпожа, – произнесла Лаэн. – Тиа ал'Ланкарра научила меня всему, что я знаю.

Услышав такое откровение, я от удивления раскрыл рот и вытаращился на Ласку так, словно видел ее впервые в жизни.

– Лжешь! – неожиданно тоненько взвизгнула Цейра Асани, и ее бледное лицо пошло малиновыми пятнами. – Я предупреждала! И теперь за твою глупость ответит он!

Руки Матери охватило синее пламя, и в то же мгновение цепкие невидимые пальцы безжалостно сжали мое горло. Я вместе со стулом рухнул на пол, больно ударившись спиной и головой. Попытался бороться и скинуть с себя магического душителя, но стало только хуже.

– Отпусти его, ведьма! – закричала Лаэн. – Он ни в чем не виноват!

– Имя, дура! Скажи, кто тебя учил, и он будет жить!

Я уже хрипел. Казалось, что невидимая пиявка высасывает воздух из моих легких. Перед глазами поплыли разноцветные круги.

– Еще немного, и он ляжет в могилу! Имя!

– Сука!

– Имя!

– Будь ты проклята!

– Имя! Назови его!

– Гинора! Ее звали Гинора! – Звенящий от отчаяния голос Лаэн доносился издали, уже был едва слышен...

И в этот самый момент я умер.

Тиа насторожило то, что рассказала Митифа. Если верить словам Кори – Тальки ведет себя более чем странно.

И все же Тиф не верила, что Проказа собирается устроить Аленари какую-нибудь пакость. Карга осторожна и знает, что Оспа не будет смиренно сидеть, когда ей делают гадости, и ответит. И ответ может быть таким, что Целительнице придется несладко, пускай ее «искра» и ярче. Но зачем говорить Аленари про Радужную долину, а затем отправляться за ней вдогонку? В чем логика?

Правда, все случившееся не слишком заботило Проклятую. В данный момент ее волновала лишь собственная судьба. Возможные неудобства для Аленари, интриги Проказы, а также все знания и тайны Скульптора отходили на второй план.

Но... с другой стороны – слишком опасно забывать и не думать о происходящем где-то на севере. Если верить словам Митифы, Тальки начала какую-то очень сложную и с первого взгляда совершенно непонятную игру. Рована оторвала от Лея и бросила на Альсгару. Аленари вынудила покинуть Гаш-шаку и направила в Радужную долину. Подкинув обоим крючок с очень жирной наживкой.

Весь вопрос сейчас заключался в том, существует ли наживка на самом деле или это – всего лишь ловкий ход?

В какой-то момент Тиф даже начала опасаться, что история о записках Скульптора и тайне Лепестков Пути не более чем миф для простаков. Если бы за этим стояла сама Проказа, Тиа тут же утвердилась бы в своих сомнениях. Но сведения попали к Тальки от Митифы, а значит, возможность происков старой карги в какой-то мере исключается. Дочь Ночи знала Корь уже целую вечность и прекрасно понимала, какая та простофиля. Она ни разу не смогла обмануть кого-либо, не говоря уже о своей бывшей учительнице. Еще в годы Радужной долины за неумение врать Митифе крепко доставалось от всех, кто был чуть более ловок, чем Серая мышка. Так что ложь о дневниках – не в духе черноволосой курицы. Она до нее просто не способна додуматься.

Конечно, можно связаться с Проказой и прямо спросить у той, что происходит. Но вряд ли старая змея ответит правду. К тому же ради Аленари и пустозвонства Митифы ссориться с Целительницей не стоит. Этого Тиф себе позволить не может.

Так что, хорошенько обдумав сложившуюся ситуацию, Тиа решила быть фаталисткой. Пускай все идет своим чередом. Без суеты и спешки. Она все равно не может повлиять ни на Проказу, ни на Оспу. Те слишком далеко.

С этой мыслью Проклятая поставила на окно комнаты магическое око, способное почувствовать лучника, если тот пройдет мимо. Она не испытывала никаких опасений, что Ходящие засекут око. Подобное заклятие давно утрачено нынешними магами, а по выплеску силы ее плетение ничуть не превышает «серебряное окно».

Совершив все приготовления и решив для себя все вопросы, Тиа отправилась спать.

Порк пытался понять, отчего вдруг нежданно и негаданно обрел свободу. Дурачок лежал на кровати в едва освещенной предутренним светом комнате, с замиранием сердца прислушиваясь к себе и ожидая, что дух той, что управляла им, вернется. Вновь заставит видеть вязкие, мутные и такие бесконечные сны. Пастух не знал, как долго хозяйка

заставляла его находиться в забытьи, но, помня крутой нрав госпожи, не спешил что-либо предпринимать.

Минка утекала за минкой, но хозяйка молчала. Парень понял, что та уснула, и уснула крепко. А будить ее совершенно ни к чему. Осторожно встав с кровати и почесав ляжку, он подошел к столу. В животе утробно заурчало, забулькало, жалобно застонало, но заглушить этот звук было нечем. Никакой еды в комнате не было.

Пастух решил выйти и поискать пищу на улице. Госпожа ведь не запрещала ему покидать здание, а это означало, что его не будут ругать и наказывать. Он всего лишь хочет кушать. Сходит. Поищет, что пожевать, и вернется прежде, чем та проснется.

Стараясь не шуметь, он поискал свои грязные портки и рубаху, но в комнате их не было. Тогда Порк взял со стула чью-то чужую, впервые им увиденную одежду. Штаны, рубаха, куртка. Они были новыми, чистыми и оказались впору. Почти дойдя до двери, он увидел небольшое зеркало на стене.

В изумлении остановился и какое-то время рассматривал отражение незнакомого мужчины. Лицо было не его. Тонкие губы, прищуренные глаза, острый нос, широкие плечи, чистая кожа. Если бы из уголка губ не потекла струйка слюны, дурачок никогда бы не признал себя и еще долго ломал голову – кого же он видит? Уразумев, кто перед ним стоит, испуганно захныкал, но тут же прикусил язык, вспомнив, что шуметь ни в коем случае нельзя. Иначе сразу же последует наказание.

Он тихо выбрался из комнаты, прикрыв за собой дверь. На цыпочках начал спускаться по скрипящей лестнице и только тут понял, что у него нет денег. По прошлому опыту пастух знал, что никто не захочет поделиться с ним едой за просто так.

Пришлось возвращаться.

Сорены обнаружили в лежавшей у изголовья сумке. Их было столько, что Порк от восторга высунул язык и запустил в монеты руки, представляя, сколько вкусностей и игрушек он бы смог купить. По всему выходило, что очень, очень много. Но что скажет госпожа, если заметит пропажу денег?

Пастух обмусолил эту тревожную мысль с разных сторон и утешил себя тем, что вряд ли хозяйка умеет считать до такого числа – уж слишком много соренов. На отсутствие одной-двух монет она конечно же не обратит внимания. Поэтому он поспешно сунул пять штук себе в карман штанов. Затем подумал и схватил сумку – незачем оставлять ее без присмотра. Злых и жадных людей много. Обязательно украдут, пока он ходит, и госпожа рассердится.

Ноша оказалось нелегкой, и ляжка тут же врезалась в плечо.

В трактирном зале было пусто, если, конечно, не считать дремавшего за столом слугу. Порк прошмыгнул на улицу. Там оказалось по-утреннему прохладно, хотя, судя по небу, день обещал быть жарким. Солнце едва-едва выбралось из постели, факелы на стенах до сих пор горели, и их свет смешивался с ускользящим рассветом.

Людей на улицах оказалось не много. Больше всего народу собралось возле нешироких, но высоких ворот, прорубленных в скале, которая заканчивалась оборонительными укреплениями. Выступая из стены, над городскими кварталами угрожающе нависли сторожевые башни и башенки с многочисленными бойницами – ведущие в Высокий город ворота были защищены надежно.

Кроме мастеровых, нескольких подвод с продуктами, двух купцов и десятка скучающих горожан, никто попасть наверх не желал.

На одной из башен Скалы прогудел рог, и узкие створки врат начали раскрываться.

Ожидающие оживились. Растерявшийся дурачок продолжал глазеть, как открывают запертые на ночь ворота, как под лязганье цепей поднимается тяжелая кованая решетка. Он не знал, надо ли ему идти туда или отправиться искать еду вниз по улице. Это место ему не слишком нравилось. Он начал озираться по сторонам, не зная, как поступить, и тут внутренний голос шепнул ему на ухо: «К воротам».

– Да, – решительно потряс головой Порк. – Мне к воротам.

Он встал в быстро рассасывающуюся очередь и пошел вместе со всеми. Оказалось, что вход охраняли солдаты. Стражники обязательно проверяли телеги, а тех, кто проходил мимо, внимательно рассматривали. Подозрительные подвергались более пристрастной проверке. Рядом с солдатами стояли Ходящие.

Как дурачок не заинтересовался магами, так и маги не заинтересовались им. Порк без всяких сложностей попал в прорубленный в скале туннель. Тот освещался не факелами, а висящими в воздухе волшебными шарами. Они поразили пастуха до глубины души, и он тут же захотел себе такие же.

Стены были гладкими, с множеством бойниц и потайных комнат. Туннель закручивался в спираль, постоянно шел в гору и ярдов через сто пятьдесят распался на два узких коридора. По одному осуществлялся подъем на Скалу, а по другому спуск.

Порк прошел мимо трех поднятых решеток, одних распахнутых створок и пяти сторожевых постов. Впереди забрезжил дневной свет, показались верхние врата. Здесь тоже стояла стража и Ходящие, но, как и внизу, на него никто не обратил внимания.

Пройдя немного вперед, дурачок оказался на перекрестке, выбрал левую улицу, отчего-то решив, что именно здесь быстрее всего найдет еду, и быстрым шагом поспешил вперед. Вскоре оборонительные укрепления кончились, начались жилые кварталы зажиточных горожан, небольшие скверики и парки. Но Порк никак не мог найти лавку, торгующую снедью.

В тот момент, когда он, наконец, ощутил витавший в воздухе запах свежей сдобы, чьи-то бесплотные руки обхватили его сзади за шею и довольный голос хозяйки промурлыкал на ухо:

– Хороший мальчик. А теперь – спи.

Тиа едва не кричала от счастья.

Получилось! Получилось, забери вас всех Бездна!!!

Она смогла сотворить, казалось бы, невозможное – проскользнуть в Высокий город под самым носом у Ходящих! Стоило лишь хорошенько пошевелить мозгами, и у нее все вышло! До такого даже Тальки бы не додумалась.

Эту идею Тиф нежно пестовала в течение целой недели. Вынашивала, возилась, трепетала и сдувала пылинки, опасаясь, что в любой момент та обратится в кучку пепла разочарования. Но на этот раз удача оказалась на ее стороне. Дело выгорело!

Хотя это оказалось совсем не просто. Она находилась в постоянном напряжении, оттого что Башня в любую уну может заметить вспышку ее «искры». Вот в таком состоянии ей приходилось осторожно, нить за нитью, создавать плетение, перековывающее сознание ее подопечного.

В отличие от Рована, в перековке Тиа была не так искусна и элегантна. Но и запросы у нее были гораздо меньше, чем у Чахотки. Сознание дурака оказалось не тверже мокрой глины. Если знать, как надавить – можно вылепить все, что угодно. Беда была лишь в том,

что материал оказался текучим, и о долгой стабильности не могло быть и речи. Однако после нескольких неудачных попыток ей удалось справиться и с этой бедой.

Тому, что вышло, могли позавидовать многие. Плетение оказалось изящным и невесомым, словно морасская пряжа. То, чего Чахотка достиг бы с помощью топора, она, никогда не делавшая этого прежде, совершила благодаря игле, усердию и уму.

Дочь Ночи знала, что с тех пор, как погибло ее тело – Дар не всегда с ней. В те моменты, когда она проваливалась в слишком уж глубокий сон, «искра» переставала удерживать узы, управлявшие сознанием Порка. И крестьянин обретал собственную волю.

Поначалу это обстоятельство доставляло ей массу неудобств. Не раз и не два она просыпалась оттого, что деревенщина начинал вопить от ужаса, звать на помощь и лить слезы в три ручья. Методом проб и ошибок она научилась удерживать связи даже в глубоком сне и тем самым контролировать Порка.

Теперь же ей следовало отпустить вожжи и крепко-накрепко уснуть. Тогда она исчезнет, растворится в сознании пастуха, станет на время его неотъемлемой частью и скроет «искру» от ищеек Башни.

Тиф считала, что Порк не умнее хомяка. А как можно заставить хомяка делать то, что тебе нужно? Конечно же при помощи еды. Она подавила его волю, убила любое желание сопротивляться, кричать, звать на помощь, пытаться причинить себе вред. Взяла чистый лист его «я» и нарисовала то, что следует делать дурачку. А затем спрятала этот лист так глубоко, что пастух никогда бы не догадался, будто идея отправиться на поиск еды – принадлежит не ему.

На всякий случай, чтобы ее дрессированный хомячок сделал все правильно и у него не возникло сомнений, она голодала двое суток.

И все прошло идеально.

Порк проснулся, направился к воротам и безо всяких проблем миновал их. Ходящие и бровью не повели!

Теперь самым важным для Тиа было найти убежище как можно ближе к Башне и в то же время не попасться на глаза магам, способным ощутить «искру».

Она быстрым шагом направилась туда, где над крышами домов возвышался колоссальный, увенчанный семью остриями шпиль Башни. В отличие от новых частей Альсгары, Высокий город за пятьсот лет отсутствия Тиф совершенно не изменился. Направление и пересечение узких улочек осталось прежним, и она могла идти по ним с закрытыми глазами.

В те прекрасные времена, когда Ретар еще был с ней, они часто гуляли здесь и в парке, который находился в южной части города. Когда улица начала расширяться и впереди показалась площадь, Проклятая свернула направо, в пустой переулок. Он привел ее к скверу, огороженному низкой кованой оградой. Напротив возвышался угрюмый, посеревший от времени дом. Его практически не было видно за растущими в саду гигантскими гроганскими дубами. Пять веков назад они были точно такими же, как и сейчас, – неопрятными, неприветливыми и угрожающими.

Дом окружала давным-давно не латанная каменная стена. Окна отсутствовали, а кровля северного крыла обвалилась еще три века назад, несмотря на то что этот небольшой дворец когда-то возвели лучшие из учеников Скульптора. Хотя к их чести следует отметить, что за девятьсот лет запустения частично обвалившаяся крыша, разбитые стекла и прогнивший пол – не так уж и плохо. То, что строили лет двести назад, не могло похвастать даже этим. От

многих построек вовсе не осталось памяти, а этот угрюмый медведь до сих пор смотрит слепыми глазницами оконных проемов на отступивший под его суровым и недобрый взглядом город.

Вся Альсгара считала, что в доме находятся врата в Бездну. Причиной этого было то, что лет через сто после смерти Скульптора здесь попытались подчинить себе темную «искру». Ничего хорошего из этого не вышло. Выживших не осталось, и Башня поспешила объявить место проклятым. Дом, в назидание остальным вольнодумцам, сохранили. Ходящие получили отличное пугало для молодых желторотых волшебников. Тиа тоже была из них. Она вдосталь наслушалась жутких историй про это место и, попав в Альсгару, боялась его, как гов боится запаха цветов гирикса.

Это продолжалось до тех пор, пока она не познакомилась с Ретаром. Тот изменил всю ее жизнь, открыв потрясающе простую истину: очень часто люди сами выковывают цепи собственного страха. Иногда они даже не желают знать правду, не проверяют, так ли страшно то, чем их пытаются напугать.

В один из дождливых летних дней искренне веселящийся Ретар втащил упиравшуюся девчонку Тиа под сень гроганских дубов. И, к ее удивлению, с ними ничего не случилось.

Он взял ее за руку и провел по всем комнатам, давая возможность убедиться, что никого, кроме них, здесь нет. В большом, хорошо освещенном колонном зале, где мраморные плиты обжигали холодом даже через подошву туфель, они впервые поцеловались.

А еще через четыре месяца Ретар стал учить молодую Ходящую прикасаться к темной «искре». Повелевать плетениями, которые и не снились большинству магов. Он многое дал ей в те далекие годы, и какая-то частичка той, прежней жизни навеки осталась среди серых, всеми позабытых и отвергнутых стен.

Сегодня Тиа вернулась к истоку, с которого когда-то начиналось ее могущество и ее первая, и последняя, любовь в этом мире. Она стояла и смотрела на дом, боясь разбудить призраков прошлого. Боялась услышать тихий, искренний и такой любимый смех Ретара.

Дочери Ночи пришлось сделать над собой усилие, чтобы прогнать страх. Она потянула калитку на себя, и та с ужасающим скрежетом открылась. Тиа оказалась в саду, начала тряхать испачканные рыжей ржавчиной руки и... застыла.

Совсем недавно в дом заходили. Без труда угадывалась протоптанная тропинка. Это было не слишком приятное открытие, но назад она не повернула. Красться не имело смысла – если кто-то находился внутри, он должен был услышать визг ржавой калитки.

Проклятая коснулась той частички «искры», что была ей доступна, и двинулась дальше, внимательно вглядываясь в просветы между деревьями. У одного из дубовых корней, толстого и маслянистого от влажной травы, виднелся отпечаток сапога. Тиф бросила на него мимолетный взгляд, оказалась недалеко от окна и тут же почувствовала запах миндаля.

Она усмехнулась и направилась ко входу.

Замки и магические печати с металлической двери сорвал еще Ретар, и теперь она обреченно и жалко висела на проржавевших, едва держащихся петлях. Остановившись у дверного проема, Проклятая громко сказала:

– Я знаю, что вы здесь. Я знаю, что вы меня слышите. И я очень надеюсь, что прежде, чем кто-то из вас решит сотворить глупость, меня выслушают.

Она выждала с десятков ун, а затем, держа наготове Дар, вошла внутрь.

Ее ждали. Двое целились из луков, паря в ярде над полом, а третий упал сверху и оказался за спиной. Тонкая и обманчиво слабая рука закрыла ей рот, и в ухо тихо

прошелестело:

– Закричишь – умрешь. Понимаешь меня?

Она могла убить их, но не стала этого делать. Лишь едва заметно кивнула, отвечая на заданный вопрос.

– Иди вперед, – прошептали сзади, и Проклятая под настороженными взглядами прошла в соседний зал.

Трое шей-за'н бесшумно двигались следом.

Засевшие в Черном доме оказались нийсу – Кровавыми губителями. Лучшими воинами племени Сжегших душу. Лучшими стрелками. Самыми опасными из всех.

– Мы слушаем, – сказал тот, кто раньше шептал на ухо.

– Я буду говорить с тем, кто приказывает вам. Позовите его.

– Кроме нас, никого здесь нет. Говори или умрешь.

– Такие, как вы, не оставляют следов на земле. Не стоит лгать.

– Я могу убить этого человека? – спросил на языке шей-за'нов один из стрелков.

– Я отправлю тебя в Бездну, прежде чем ты отпустишь тетиву, сын песков, – сказала Тиф на боевом наречии нийсу и увидела, как в их глазах появляется удивление, а затем и неуверенность.

– Откуда ты знаешь речь моей семьи? – отрывисто бросил командир тройки.

– Кажется, кто-то не услышал моих слов, шей-за'н! – продолжила Тиа на чужом языке. – Я буду говорить с тем, кто отдает приказы твоим воинам. Отведи меня к нему, пока я еще добра.

– Хорошо, человек. Но если ты задумал с нами играть, я умерщвлю тебя.

Не оглядываясь, он полетел к ведущей на второй этаж лестнице, и Тиф последовала за ним. Один из Сжегших вернулся на пост у двери. Другой остался приглядывать за Проклятой.

Ее привели в бальный зал, где три десятка шей-за'нов-нийсу обустроили себе жилище. Когда они увидели вошедших, раздался едва слышный уху шепоток. Затем в нос Тиа ударил запах крови и смерти.

Еще двадцать шагов, резкий поворот направо, и Дочь Ночи очутилась в полукруглой, большой, очень плохо освещенной комнате. За столом сидели мужчина и женщина. Тиа сразу поняла, кто перед ней, хотя на них не было белых мантий. Зато они обладали хилссами. Один посох имел четыре позвонка, другой – целых восемь.

У дальней стены неподвижно стояли шестеро муртов, а в центре комнаты, на вбитом в потолок крюке висел мужчина. Он был мертв, его кожа оказалась содрана, а голени обглоданы до костей. На полу, под телом, натекло целое озеро крови.

Воинам пустыни захотелось полакомиться человечинной, и для них добыли мясо, совместив полезное с полезным. И мурты сыты, и кожа, требовавшаяся для усиления некоторых плетений, нашлась.

– Кто ты и как нас нашел? – обратился к Тиа мужчина, не отрывая сосредоточенного взгляда от книги.

– Я вас не искала, – сказала она. – Вы нашлись сами.

– Ты или нагл, или глуп. Ни тот, ни другой вариант мне не нравится. Если и дальше будешь вести себя так, то он, – сухой палец с длинным, покрытым черным лаком ногтем указал на мертвеца, – уступит тебе свое место.

– Сожалею, но шансов оказаться под потолком у тебя гораздо больше, чем у меня.

Некромант оторвался от чтения и посмотрел на нее:

– И все же, прежде чем ты умрешь, я хотел бы узнать твое имя.

Тиф вздохнула.

Тупой самовлюбленный осел. Он даже не удосужился поинтересоваться, есть ли у нее Дар. Хотя его можно понять. Это все равно что проверять, есть ли в груженной навозом телеге изумруды гроганского герцога.

– Тиа ал'Ланкарра. Пламя Заката. Клинок Юга. Дочь Ночи. Скачущая на урагане. Убийца Сориты. Этих имен тебе достаточно, Избранный?

Тот разразился сухим лающим смехом:

– Ты не только нагл и глуп, но еще и безумен, раз решил, что я поверю в такую чушь! Я знаю Дочь Ночи. Она женщина, а не мужчина!

– Ты слеп, если обращаешь внимание только на оболочку. Окажи мне покорность, колдун. Немедленно!

– Эй! – окликнул некромант мортвов, вновь уткнувшись носом в книгу. – Подвесьте это мясо к потолку.

Тиф знала, что слишком рискует, используя свои возможности столь близко от Башни, но сейчас у нее не было другого выбора. Она надеялась лишь на то, что Ходящие примут этот всплеск за магию одного из своих и не станут разбираться, какого цвета случившееся волшебство. Пламя Заката высвободила «искру», легким росчерком мысли воссоздала в воздухе плетение, и то перенесло ее дух в тело освежеванного мертвеца. Пробудившийся Порк с тоненьким воплем прижался к стене. Девчонка-некромант, к удивлению Проклятой, почувствовала Дар и предостерегающе вскрикнула, предупреждая напарника о непонятном для нее проявлении силы. Но Тиф уже купалась в рухнувшем на нее ревущем потоке.

Висящий под потолком мертвец изогнулся, веревки лопнули, и он тяжело рухнул на пол, едва удержавшись на обглоданных ногах. Со страху ошалевший шей-за'н всадил в грудь покойника тяжелую стрелу, но Тиа на это было плевать. Мертвое мясо есть мертвое мясо. Она здесь всего лишь гость, и обычная сталь повредить ей не может.

Дочь Ночи не дала лучнику выстрелить повторно. И его, и другого Сжегшего душу, а также ринувшихся на нее мортвов обездвижили вырвавшиеся из стен серые путы. Некроманты вскочили на ноги, но сейчас она была сильнее их обоих и усыпила хилссы, отрезав магов от темной «искры».

Девочка перепугалась и теперь держала бесполезный посох обеими руками, выставив его перед собой, словно щит. Верховный вел себя гораздо более спокойно.

– Как я уже говорила, Фарид, – ты слеп, – произнесла Тиф мертвыми губами. – До сих пор удивляюсь, как я позволила тебе закончить обучение. Ты не видишь простых истин, а это прямая дорога к гибели.

Если у Белого оставались сомнения, то после ее слов они полностью исчезли. Спустя уну чародей уже преклонил колени и устался в пол, положив левую руку на посох, а правую прижав к сердцу.

Оказание покорности. Ритуальный поклон Избранного перед одним из повелителей.

Еще через мгновение черноглазая колдунья последовала примеру старшего товарища.

– Госпожа! Прошу простить нас за такое проявление неуважения. Мы виноваты, но, поверьте, если бы только знали, кто почтил нас своим посещением, встретили бы вас со всем подобающим вашему положению вниманием. Никто не предупредил о вашем приходе. – Его голос, в отличие от слов, не был подобострастным. Фарид всегда был гордецом. Впрочем,

она никогда ничего против этого не имела. Побитая и вечно унижающаяся собака – это не только скучно, но и противно.

Окровавленным пальцем она подняла его подбородок, заставив смотреть в белесые мертвые глаза:

– В чем тебе не откажешь, так это в умении складно врать. Тебя и не должны были предупреждать, ученик. Встань. У нас очень много дел.

Га-нор сидел в беседке, скрытой в тени высоких кустов гирикса. Это растение считалось у жителей Сина священным. Запах больших алых цветов прекрасно отпугивал говов и прочие демонические сущности. Неудивительно, что в доме заклинателя гирикса так много.

Ловко орудуя большой иглой, северянин наносил ровные стежки на порвавшейся рубаше, насвистывая услышанный от Лука приставучий мотивчик фривольной песенки. Мысленно поминая шляющегося по портовым кабакам товарища крепким словцом, рыжеволосый воин отложил иголку в сторону. Вновь от нечего делать стал насвистывать. Сам себя одернул, досадуя, заворчал и вышел из беседки.

По выложенной пористым ракушечником дорожке Га-нор направился в самое сердце небольшого, но уютного сада. Здесь, среди все тех же цветов гирикса, построили небольшой фонтан. Журчание воды сливалось с умиротворенным гулом пчел, прилетевших полакомиться цветочным нектаром.

Следопыт умылся. Поднял голову, отфыркиваясь, и увидел Лука, неспешно идущего к нему.

– Где тебя Уг носит?

– Лопни твоя жаба! – возмутился солдат. – Ты что, моя мамочка, чтобы я перед тобой отчитывался? Думаешь, у меня не может быть дел?

– Судя по твоей кислой физиономии, ты потерял кучу денег. Опять играл?

– Ошибаешься. Я тут пошнырял кое-где. Поболтал со стражниками.

– То есть решил испытать удачу и надуть их в кости?

– Не без этого, – не стал отрицать Лук. – Ну поговорили о том о сем. В общем, вояки знают куда больше, чем болтают сейчас на площадях. Конечно, к завтрашнему дню эти новости станут доступны даже самым захудалым собакам... После того как нас предали йе-арре и Вискородные, на фронтах творится такое, что я бы там не хотел оказаться за все сорены Империи. Набаторцы прошли Перешейки Лины, обложили Окни.

– Это было известно и две недели назад, – произнес северянин.

– Лопни твоя жаба, если бы так! Вискородные ударили из Сандона и Улорона. Кабан стерт с лица земли.

Га-нор пробормотал проклятие. Одна из отстроенных Скульптором великих крепостей прошлого уничтожена? Не пала, как Врата Шести Башен, а разнесена по кирпичику. Такое могли сотворить лишь Вискородные, многие столетия ненавидящие все, что принадлежит Империи.

– Окни сдался. Их Наместник принес ключи мира и дал присягу набаторскому королю. Жителей, говорят, пощадили. Но всему гарнизону пришлось расстаться с оружием. Несколько сотен отказались. Часть смогла прорваться через кольцо на север. К отступающей армии.

– Пусть Уг заморозит кости того предателя, что открыл ворота! – выругался северянин. – Останься Окни цел, и наши успели бы укрепиться у Орлиного Гнезда и Лестницы Висельника.

– До Лестницы врагу чуть меньше двух недель, лопни твоя жаба. Правда, у Гнезда они могут застрять надолго, но прошел слух, что кто-то из набаторских военачальников снял

половину армии с осады Гаш-шаку и отправил на восток, чтобы ударить по крепости с запада. Если она падет, то откроется прямой путь на перевал через Катугские горы.

– Лестницу можно взять только большой кровью.

– Какая разница? – пожал плечами Лук. – На стороне Набатора и Сдиса Проклятые и некроманты. Ты же видишь, что Ходящих они делают под орех.

– Ты совсем недавно трепетал от величия Башни.

– При чем тут величие? – раздраженно спросил солдат. – Будь наши маги посильнее, мы бы не потеряли юг. Гаш-шаку еще держится. Этот город, как и Альсгару, взять сложно. Но Альс пал. Предан огню и мечу за неповиновение. Всех жителей перебили, лопни твоя жаба. Говорят, от города осталось только пепелище. Пока свободен лишь запад, что у Катугских гор, да земли вдоль побережья и равнины Руде. Ну и весь север. Надеюсь, что там этих вырожденцев ждет теплый прием.

– Что с того? Если окружающие императора военачальники умны – они сдадут оставшуюся часть юга без боя и встретят врага на Лестнице. Альсгару, в любом случае, оставили на съедение воронам.

– Ну не скажи. Вороны ею подавятся.

– Ты забываешь о Проклятых. Магия расколется любую стену. Даже самую крепкую.

– Если только эту стену не построил другой маг. Но ты прав. Рано или поздно до нас докатится. К тому же еще один слух состоит в том, что якобы Золотая Марка открыла Горло для набаторского флота. Если еще и с моря обложат...

– ...то будет совсем худо, – сказал подошедший Гис.

– Ну что?! Ты был там?! Видел их?! – Лук разом забыл о войне и набросился на заклинателя с расспросами. Друзья решили остаться в городе только ради того, чтобы попытаться вытащить Серого и Лаэн.

– Да. Мать согласилась поговорить со мной.

– Ну не тяни, лопни твоя жаба! Что она сказала?

– Говорил в основном я, – невесело усмехнулся в усы заклинатель. – Она обещала, что рубить сплеча Ходящие не будут. Что до Нэсса и Лаэн, то они живы и здоровы.

– А что было потом?

– Меня и Шена вежливо выставили за дверь. Что дальше – не знаю. Единственное, что пообещала мне Мать, – когда Совет примет решение, она сообщит нам его волю. Это все, что я смог сделать, друзья. Не думаю, что у них есть шанс.

После этих слов повисло тяжелое молчание.

Цейра Асани не любила комнату Раздумий и уже давно там не была. Она слишком напоминала ей подвешенную в воздухе клетку для крикливых южных птиц. Но еще больше Мать не любила Ирлу, торчавшую там изо дня в день. С ней они не ладили еще со времен Радужной долины, а уж после того, как Цейра начала бороться за Синее пламя, недоброжелательница открыто поддержала Салию. Ту самую, что так удачно подвернулась под стрелу гийянов.

Конечно, можно было никуда не ходить. Потешить свое самолюбие и приказать Ирле подняться в зал Совета. Но тогда о встрече узнает вся Башня. И соответствующие выводы будут сделаны. А это совершенно ни к чему. С секретарем Совета следовало поговорить без свидетелей и сохранить разговор в тайне.

Григо уже ждал у дверей.

Неизвестно как, но Огонек прознал о приходе Матери, хотя та ни с кем об этом не говорила. Особенность мерзавца вечно путаться под ногами порядком раздражала Ходящую. Она не жаловала его точно так же, как и Ирлу, которой помощник служил верой и правдой уже больше пятнадцати лет.

– Благословите, Мать, – сказал маг, и волшебница протянула для поцелуя правую руку.

Поджав губы, она смотрела, как Огонек исполняет ритуал. По очередной глупой легенде считалось, что тот, кто задумал зло, прикоснувшись губами к перчатке хозяйки Башни, умрет. Возможно, раньше так и было, но не сейчас. Этот секрет, как и многие другие, утерян во мгле веков. Иногда Цейра Асани начинала думать, сколько знаний ушло от них за время Великого упадка и Войны Некромантов. Хотелось выть от отчаяния и желания убить тех, кто не удосужился сохранить то, что должен был сберечь для потомков. За тысячу лет Ходящие из могучей силы превратились в сборище слепых мышей, бережно хранящих два десятка испорченных зерен и считающих, что амбары ломаются от отборного ячменя. Но никто отчего-то не понимал, что зернохранилища давным-давно развалились.

Каждое следующее поколение по магическому потенциалу получалось слабее предыдущего. То, что раньше считали едва тлеющей «искрой», теперь называют чуть ли не пожаром. Она жалела, что не родилась шесть-восемь веков назад, когда миром и людьми правила настоящая магия.

– Я пришла повидаться с Ирлой.

– Понимаю. – Мужчина наклонил косматую голову. – Но она не ждала вас и не готова к визиту. Встретить Мать в неподобающем виде – значит нанести оскорбление и...

– Я не из обидчивых, – сохраняя любезную улыбку, прервала красноречие Григо Цейра. – Дело срочное и не терпит отлагательства. Веди.

Огонек не смел противиться прямому приказу. Стараясь скрыть недовольство, поклонился и подчеркнуто вежливо распахнул перед ней дверь.

Солнечные зайчики играли в догонялки по стенам, многочисленным стеклам и тонкому золотистому каркасу, что удерживал сложную конструкцию в воздухе. Ничего не изменилось с тех пор, как она приходила сюда в последний раз. Разве что стопка книг на полу выросла вчетверо.

Ирла делала вид, будто пишет что-то, но, как только Цейра вошла, начала подниматься:

– Благословите, Мать.

– Сиди, сестра. Сиди. Я слышала, в последнее время у тебя болит спина. – Госпожа Асани не поленилась подойти и протянуть руку для поцелуя.

Как и ожидалось, Синее пламя проигнорировало интриганку. А жаль. Вот бы кого давно надо было отправить в Бездну.

– Годы берут свое. Я уже не та девочка, что раньше.

– Сквозняки есть даже в Башне. Хочешь, я пришлю к тебе Шена?

– Благодарю, но не стоит ему себя утруждать. Мне уже значительно лучше.

Ирла не доверяла Целителю, опасаясь, что тот, по указке Матери, может подправить ее здоровье не так хорошо, как обещает.

Дура!

Она даже не подозревает, что мальчишка просто не умеет проворачивать столь полезные дела. При бешеном потенциале своей «искры» он никак не может подобрать к ней ключ, и редкие всплески его Дара – скорее случайность, чем закономерность.

Звезда Хары! Ну почему никто из тупоумных предков не соизволил оставить книг по

обучению Целителя? Насколько бы это упростило дело! Она не может научить ученика тому, чего не знает сама!

– Оставь нас, – приказала Цейра Григо.

Наглец на этот раз и не подумал послушаться и вопросительно посмотрел на покровительницу. Та едва заметно кивнула.

– Конечно. Если что – я буду за дверью, – тут же отозвался Огонек.

– Разговор настолько важный, чтобы отсылать моего помощника? – Ирла недовольно пошевелилась, но ее зеленые глаза остались бесстрастны.

Вместо ответа Мать создала плетение, защищающее комнату от чужих ушей.

– Даже важнее, чем ты думаешь, сестра.

– Я вся – внимание.

– Мне нужна твоя помощь и поддержка.

Вот теперь она действительно смогла огорошить Ходящую. Такого Ирла не ожидала.

– В каком вопросе? – осторожно поинтересовалась она.

– Речь идет об убийце Салии.

– А-а. В этом ты можешь полностью на меня рассчитывать. Совет вынесет обвинительный приговор.

– Именно об этом я и пришла поговорить. Этим людям сохранят жизнь.

– Кто это решил?

– Я.

Брови секретаря удивленно поползли вверх, она развела руками:

– Мать – глава Башни. Она хранит нас и ведет. Но решения по таким вопросам принимает Совет. Я не думаю, что убийц Салии пощадят.

Именно на что-то вроде такого ответа Цейра и рассчитывала. И поэтому после невыносимо долгой паузы сказала:

– Ни для кого не секрет, что половина Совета заглядывает тебе в рот и делает то, что ты им... посоветуешь. А оставшаяся половина половины, та самая, что не со мной, а где-то посерединке, приглядывается к тем, кто прислушивается к тому, что ты скажешь. Давай оставим лицемерие на другой раз. Дело слишком серьезное.

Ирла потеряла подбородок и внимательно посмотрела на Мать. Понимающе улыбнулась:

– У тебя на них свои планы.

– Да.

Пауза. Еще один внимательный взгляд. Затем осторожное:

– Девочка с «искрой» столь ценна?

– Нет, – не моргнув глазом, солгала Цейра Асани.

Вновь удивленное движение бровями. Ирла попробовала зайти с другой стороны:

– Ты узнала, кто ее обучал?

– Да. Один из сдисских колдунов. Прошелся по верхушкам. Ничего важного и сложного. Можешь в любой момент убедиться сама.

– Хм. Тогда я тебя не понимаю. Мужчина ценен?

– Нет. Он всего лишь ее довесок. Обычный душегуб.

Ирла сокрушенно покачала головой и произнесла, как будто для себя:

– Девчонка не представляет ценности. Парень – вообще пустое место. Не понимаю. Зачем они тебе? Какой с них толк? Ты забыла, что эти люди убили Салию? Башня должна прилюдно наказать убийц, чтобы подобных случаев больше никогда не повторялось.

«Ну отчего же не повторялось? – с досадой подумала Мать. – Я была бы не против, чтобы кто-нибудь прикончил такую, как ты».

– Со смерти всеми нами обожаемой Салии прошло больше семи лет. Прости за откровенность, но от нее давно остались одни кости. Если мы сейчас начнем защищать мертвых, то потеряем живых гораздо больше, чем от всех убийц Империи. Совету следует заняться войной и готовиться к отбытию в Корунн, а не разбираться с этими гийянами. Во всяком случае, теперь. Юг проигран. Сейчас наша помощь нужна на севере. А эти люди могут оказаться полезны Башне.

– Зачем они нам?

– Девчонка умеет читать старые тексты. Очень старые. Еще эпохи Раскола^[7]. Если ты помнишь – таких бумаг полно в Радужной долине. И никто из нас не может их нормально перевести. Девочка займется этим и поможет нам.

– Странно слышать от тебя подобную откровенность. Буду честна. Я не понимаю твоих мотивов, но ты не делаешь ничего для того, чтобы внести ясность. Мне не по душе такая сделка. Но... допустим... Повторяю – допустим, Совет решит данный вопрос положительно и...

Ирла, как умный человек, предоставила возможность Цейре Асани сделать свое предложение. Если цена окажется соответствующей, то...

Мать знала, что следует предложить:

– Несколько дней назад мне пришло письмо из Радужной долины. От Галир. Она жалуется на здоровье и говорит о том, что больше не может исполнять свои обязанности так, как прежде. Просит найти себе замену. Я сразу же подумала, что на посту главы школы Ходящих ты бы могла быть полезна Башне.

Она прекрасно помнила, как Ирла дважды пыталась получить эту должность, и дважды прошлая Мать выбирала другие кандидатуры. В последний раз на это место назначили Цейру. А когда та пришла к власти, то посадила на трон Радужной долины Галир, оставив Ирлу с носом. Но теперь все изменилось. Придется идти на уступки. Просто удача, что здоровье Старшей наставницы подкосилось именно сейчас. Есть чем заткнуть рот секретарю Совета. Уж от такого куса пирога она точно не откажется. Слишком долго стремилась его сожрать.

– Я польщена, что Мать оценила меня столь высоко, – стараясь скрыть изумление, чинно произнесла Ирла. Она и не надеялась, что ей предложат такое. – Но твое... видение возникшей ситуации столь... неожиданно. Я должна подумать, пойдет ли это на пользу Башне.

– Конечно. – Цейру лицемерие собеседницы забавляло. – Только не слишком долго. Совет собирается вечером. Дай мне знать о своем решении, как только... надумаешь.

– Я не буду тянуть с ответом.

По голосу Ирлы Мать поняла, что та у нее в кармане.

Ничего не болело. Ни шея, ни голова. Судя по ощущениям – руки и ноги тоже были целы. Перед глазами висел уже знакомый расписной потолок.

– Я так и подозревал, что Бездна будет очень похожа на Башню.

– Тогда считай меня говом, – раздался негромкий голос Лаэн, и ее горячая ладонь легла на мой лоб. Я зажмурился от удовольствия и возразил:

– Скорее уж кенью^[8].

– Для тебя я готова стать кем угодно, дорогой, – совершенно серьезным тоном сказала жена.

– Пожалуй, не стоит, – осторожно ответил я. – Ты меня вполне устраиваешь.

Она тихо рассмеялась:

– Как ты себя чувствуешь?

– Вполне неплохо для мертвеца. Думал, будет хуже.

– Это Шен постарался. Тебе крепко досталось.

– Не сомневаюсь, – пробормотал я, вспомнив перекошенное и красное от ярости лицо Цейры Асани. – Хватка у суки крепкая. Целитель решил оттачивать на мне искусство?

– Да. У него получилось далеко не с первого раза. Я уже начала бояться... – Ее голос дрогнул, и она замолчала.

– Сколько я провалялся?

– Чуть меньше суток. Сейчас позднее утро. Попробуешь встать?

Я осторожно сел. Вроде все в порядке. Хоть сейчас в бой.

– Прежде чем я вас... оставил, мне послышалось, что ты сказала то, что от тебя хотела услышать Мать. Имя.

– Да, – помолчав, неохотно согласилась она. – Прости.

– За что ты просишь прощения? – сухо поинтересовался я.

– За то, что боялась сказать об этом так долго. Гинора, которую все называют Холерой, была той, кто научил меня всему, что я знаю.

Прозвучавшее имя никак не тронуло меня. Со всем, что свалилось на нас в последние два месяца, я уже ничему не мог удивляться. Гинора, Тиф, Мать, Целители, Скульптор, Лепестки Пути... Лаэн.

Мое молчание она расценила несколько по-иному:

– Я не хотела тебя потерять.

– Это глупо, Ласка, – вздохнул я. – Глупо считать, что я откажусь от тебя из-за того, что твоим учителем была Проклятая. Мне плевать на это. Сейчас все, что было когда-то, не так уж и важно. Ты ни в чем передо мной не виновата. Или считаешь, мне следует шарахаться от тебя, как от зачумленной? Не находишь, что слишком поздно для таких поступков? Если и надо было это делать, то сразу, в тот момент, когда я понял, что твой Дар отнюдь не светел. Но и тогда меня это не слишком заботило и пугало: я уже знал тебя слишком хорошо и любил слишком сильно для того, чтобы бояться. А сейчас и вовсе разучился это делать. Эй! Почему ты плачешь?

– Прости, – сказала она, отворачиваясь. – Это из-за глупости. Сейчас пройдет. Вот сейчас...

Я обнял ее и почувствовал, что она едва заметно дрожит.

Мы долго сидели так. Молча. Ничего не говоря друг другу. Я слушал, как бьется ее сердце.

– Можно я спрошу?

– Что?

– Сколько тебе лет? – осторожно поинтересовался я. – Холера погибла в болотах Эрлики пять веков назад.

– Я младше тебя на год, – улыбнулась она.

– Тогда не понимаю... Как ты могла стать ее ученицей, если она умерла до твоего рождения?

– Это долгая история.

– Мы никуда не торопимся.

– Хорошо. Но следует рассказывать все с самого начала... Что ты знаешь о Проклятых?

– Ну... то, что всем известно. Раньше они были Ходящими. Встали на темный путь, предали заветы Башни. Хотели захватить власть. Устроили Темный мятеж. У них ничего не вышло, и год спустя началась Война Некромантов, в которой погибли Холера и Лихорадка. Отступники проиграли и ушли на юг. В Сдис и за Великую пустыню. Там и сидели тихо, пока не решили вернуться.

– Понятно, – кивнула она, затем на мгновение задумалась и, вздохнув, произнесла: – Все не так. Точнее, не совсем так, как об этом сейчас говорят. Думаю, ты лучше поймешь, если увидишь кое-что. Идем. – Она вскочила с кровати и начала обуваться.

– Что увижу? Куда идем? Кто нас отсюда выпустит?

– Мы сами выйдем, – улыбнулась она. – Цейра Асани была столь любезна, что предоставила нам некоторые... привилегии. Мы можем беспрепятственно покидать комнату и ходить по этажу.

– На нее что, внезапно свалилось желание совершить добрый поступок? – удивленно крикнул я.

– Отнюдь. Я вырвала у нее ряд уступок. – Она повернула ручку и безо всякого труда распахнула дверь.

К моему удивлению, Лаэн оказалась права – нас никто и не думал караулить. Охрана отсутствовала.

– Чем пришлось за это расплачиваться?

– Обещаниями, – туманно ответила Ласка, озираясь по сторонам. – Так... Нам, кажется, туда.

– Откуда ты знаешь, куда идти?

Она огорченно сморщилась и покачала головой:

– Увы, я не так хорошо знаю Башню, как бы хотелось. Мне рассказали только об основных залах и коридорах главных этажей.

– Рассказала Гинора?

– Да. Она. Не отставай.

Мы шли по широкому облицованному малахитом коридору. На полу медной змейкой вился сложный, втравленный в светлый камень узор. Слева и справа от нас тянулись бесконечные дубовые двери с ручками из отполированной до зеркального блеска бронзы.

– Что мешает нам смыться? – задал я мучивший меня уже несколько минок вопрос. – Ты ведь в состоянии найти лестницу, которая приведет нас к выходу из Башни, так?

– Конечно. Мы ее уже миновали. Но Ходящие – не простофили, мы не сможем уйти

отсюда с целыми шкурами. Как только попытаемся сбежать, Цейра сразу узнает о нарушении соглашения. Выйдем за порог, и нас поджарят, словно глупых курят. Пришли.

Мое солнце повернула ручку, толкнула тяжеленную высокую дверь, и мы оказались в темном зале. Шагах в тридцати от нас, над полом, висел небольшой, похожий на свечу, дрожащий огонек.

– Прикрой дверь, – попросила Лаэн, направляясь к свече. Протянула к ней руку, и та тут же расцвела у нее на ладони теплым цветком. В зале заметно посветлело.

– Нэсс, иди сюда. Не бойся.

– Бояться, что ведьмы оторвут нам голову, потому что мы пришли сюда без спроса? За кого ты меня принимаешь?! – пошутил я, приближаясь к ней, и увидел, что свет исходит перчатка, невесть каким образом оказавшаяся на левой руке Ласки. Эта вещь была сделана из серебристого, похожего на кружево или паутину молодого шпагука материала.

– Не оторвут. Нам позволено. К тому же сюда редко кто приходит, и вряд ли мы кого-нибудь встретим. Это зал Матерей. Обычно маги собираются здесь, только когда Башня выбирает новую главу Ходящих. Так что не волнуйся.

Она заметила, что я с опасливым интересом рассматриваю надетую на ее руку волшебную вещь, и объяснила:

– Перчатка «искры». Как говорят легенды, ее создали вместе с Башней, чтобы она освещала путь верящим и знающим, показывая лица тех, кто завоевал к себе уважение и память на века. Ее свет разгоняет мрак. Перчатка чувствует Дар и начинает сиять только на руке у того, кто обладает силой. К сожалению, моя «искра» связана и горит не так сильно, как должна, но нам хватит и этого...

В длину зал оказался не велик – не больше тридцати шагов. Напротив дверей начиналась узкая галерея с выступающими из стен квадратными колоннами. Между ними висели портреты в тяжелых золотых рамах – на всех были изображены женщины. Старые и молодые, красивые и уродливые, южанки и северянки, толстые и худые, светловолосые и темные. Их было столько, что вскоре лица смешались у меня в одно блеклое пятно.

– Матери Ходящих за всю историю существования Башни, – пояснила Лаэн. – Портреты рисовались, когда они умирали.

– О, – сказал я, вновь обратив внимание на картины. – Оказывается, их было до одури много.

– Тысяча лет – долгий срок. – Мое солнце подняла руку повыше, освещая правую стену. – Вот. Посмотри.

Изображенная художником женщина оказалась немолодой, с крайне неприятным, на мой взгляд, лицом. Тонкие, презрительно поджатые губы, один угол рта чуть выше другого, прямой нос с острыми крыльями, большой квадратный подбородок и низкий лоб. Судя по роже – перед нами был отнюдь не добрый человек. Влюбленный во власть.

– Кто она?

– Сорита.

– Ха! Она не имеет ничего общего с той благочестивой молодой чистюлей, что намалевана в зале с подснежниками. После того как я увидел, что Тиф превратили в желтомордую уродину, то ожидал чего-то подобного. Она и вправду так плоха?

– Не могу сказать. Не знаю. Реальные хроники того времени днем с огнем не сыщешь. То, что еще сохранилось, Башня держит за семью замками. А глашатаи Ходящих расточают о Сорите сплошной сахар.

– Но разве Гинора тебе о ней ничего не говорила? – Я недоверчиво посмотрел на жену.

– Лишь однажды. Идем. Там я расскажу тебе все, что знаю.

Я бросил последний взгляд на погибшую от рук Тиф Ходящую и отправился следом за Лаэн.

– Ты можешь сказать, куда мы идем?

– В комнату Проклятых.

– Куда?! – ошалело переспросил я.

– В комнату Проклятых, – терпеливо повторила мое солнце. – Хочу, чтобы ты увидел их портреты. Реальные, а не то, что малюют на ярмарках.

– Настоящие портреты? – пробормотал я. – Хм... Здесь? Они уцелели? Это не слишком похоже на Башню.

– О да! – Она тихо рассмеялась. – Но нашелся среди них разумный человек, который посчитал, что врага все же следует знать в лицо. И не забывать того, что произошло. Однако, судя по всему, эту комнату посещают еще реже, чем зал Матерей.

– Ее ведь создали уже после Войны Некромантов? – насторожился я. – Портретную галерею Проклятых?

– Да... Наверное.

– Тогда как Гинора могла тебе о ней рассказать, если умерла раньше и не могла этого видеть?

– Погоди. Все скоро поймешь. Что до того, как она узнала об этом месте... Я полагаю, у нее имелись свои способы доставать интересующую информацию. Она всегда была в курсе того, что происходит в мире.

Промелькнули последние портреты, и мы уперлись в невысокую, ничем не примечательную дверь. Из замочной скважины торчал изящный ключик. Ласка повернула его, и мы попали в маленькую уютную келью. Здесь, в отличие от зала, оказалось светло. Ласка сняла с руки перчатку, аккуратно положила ее на лакированный ореховый столик, стоящий возле самой двери.

Запыленные портьеры, не слишком чистые окна, красные драпировки на стенах и восемь картин одинакового размера в простых деревянных рамах.

– Подожди посмотреть, – попросила у меня Лаэн. – Вначале я расскажу, что произошло на самом деле.

Она на мгновение задумалась, похоже, не зная, с чего начать.

– Как я уже говорила – ты не совсем прав. Захват власти был лишь следствием. Необходимым шагом. Но никак не главной причиной. Темный мятеж вспыхнул не из-за дележа Синего пламени. Не это раскололо Башню на два враждебных лагеря.

– Не власть? – удивился я. – Я начинаю бояться, что ты сможешь убедить меня, что маги не такие, как все.

– Среди тех, кто носит в себе Дар, встречаются разные люди. Есть такие, как Цейра Асани, а есть такие, как... Гинора, например. Споры о том, можно ли черпать силу из недр Бездны, велись среди магов задолго до рождения Скульптора. Это происходило еще на заре времен, когда Хара была очень молодым миром. Существовали как противники использования темной «искры», так и ее сторонники. Как ты понимаешь, дело спорами не заканчивалось. Маги прошлого разожгли так называемые Войны Силы, перед которыми Война Некромантов – детский лепет. На несколько веков в мире закрутилось такое, что и вспоминать страшно. Кровь стынет в жилах, когда читаешь копии хроник того времени.

Половина Хары оказалась выжжена, а другая больше напоминала Бездну. На Западный материк до сих пор никто не решается высадиться, такое там творится. Но войны так и закончились ничем. Те, кто был за свет, остался на севере континента, те, кто предпочитал тьму, ушли на юг. Впоследствии одни сформировали Башню Империи, а другие – Круги Сдиса. Они создали свои школы и свои способы обучения молодых и способных. В конце концов, пришло время, когда принципы магии первых стали полярно отличаться от магии вторых. Изначальное, первичное волшебство оказалось забыто. Раскол, начавшийся два тысячелетия до этого, полностью завершился за четыреста лет до рождения Скульптора. Чародеи разных школ разучились пользоваться магией соперников. Тот, кто повелевал тьмой, больше не мог касаться света, а тот, кто проходил обучение в Радужной долине, не мог понять принципов владения тьмой. Если маг начинал изучать одну школу, то уже не мог взяться за другую. Слишком они отличались друг от друга – «искра» не чувствовала нового Дара. И много лет это было незыблемой основой. Камнем, на котором строилась история. Стеной, через которую были не способны перебраться соперничающие друг с другом школы. Впрочем, они не слишком стремились ее преодолеть, занятые развитием лишь своего искусства и считающие грязным чужое. Тебе интересно?

– Очень, – ни капли не погрешив против истины, ответил я.

Она кивнула, села на пол, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Ласка смотрела на меня, но я видел, что ее взгляд блуждает где-то далеко, и терпеливо ждал, когда ее история продолжится.

– Но всему приходит конец, – вздохнула она. – В том числе и стенам. Рано или поздно рождается человек, способный перелезть через них. Сделать подкоп. Сломать, наконец. Такой человек родился. Он стал магом, и его приняла Башня. Мужчина обладал Даром Целительства. У него имелся огромный потенциал, ни на что не похожая магия, призвание, гениальность и... спящее безумие. Для магии Ходящих, которых в те времена называли совсем не так, как теперь, он сделал больше, чем те, кто жил до него, и уж точно чем те, кто родился после. Впоследствии его стали называть Скульптором... Но вернемся к вражде школ. Как говорят, еще в момент обучения искусству у Скульптора зародились сомнения в том, что светлая «искра» поможет ему овладеть всеми гранями Дара. И Башня и Круг пользовались только одной рукой. Про вторую они внушили себе, что ее просто нет. Целитель пошел наперекор правилам. Ты должен понять, что он несколько не желал примирять извечных соперников или добиваться власти. Им, скорее всего, двигало простое любопытство. Он решил добиться невозможного. И его гений, его Дар, его «искра» и безумие помогли достичь желаемого. Великий Целитель сделал то, что не удалось никому – овладел темной «искрой» уже после того, как научился управлять светом.

– Не может быть! – воскликнул я. – Ты хочешь сказать, что почитаемый Ходящими маг был точно такой же, как сдисцы?! Темный?!

– Нет. Все совсем не так. Он совместил в себе оба Дара и тем самым получил гораздо больше возможностей. Правда, никто не подозревал о том, что глава Башни уже не так светел, как считается.

– Постой! Как глава Башни?

– Чему ты удивляешься? По-твоему, Матери сидели на престоле с начала времен? Это не так. Подобный порядок возник лишь после смерти Скульптора.

– Парень совместил в себе обе «искры». Выходит, что он был не светлый и не темный. Серый?

– Если тебе так легче понять, то да. Хотя на самом деле все несколько сложнее. Во всяком случае, когда приходится смотреть на такие «искры» магическим зрением.

– Если он первый, кто обладал обеими частями Дара, то, значит, были и его последователи. Кто?

– Проклятые. А еще колдуны Восьмого Круга. Устроившие Темный мятеж учат их лишь небольшой малости. Светлая «искра» высших Белых не ярче затухающего уголька.

– А ты? Ты такая же, как Проклятые и Скульптор?

– Отчасти, – не стала отрицать она. – Гинора обучала меня сразу двум сторонам Дара, но мой опыт не сравнится с тем, что имеется у них... Давай вернемся к Скульптору.

– Когда в Башне узнали, что он не так светел, как все думали?

– Не сразу. Он надежно прятал темную сторону, и прошло не одно десятилетие, прежде чем правда выплыла наружу. Целитель к этому времени успел встать во главе Башни и создать Лепестки Пути. Ходящим он открыл тайну в последний год своей жизни.

– Зря.

– Это точно. Гинора читала летописи, спрятанные в тайной библиотеке Башни и разрешенные для чтения только верхушке Совета. Из них стало более-менее понятно, что произошло на самом деле. Правда была сказана на одном из Советов. Скульптор пытался рассказать магам о пользе обеих «искр». Он хотел, чтобы в Радужной долине новичков учили и темному мастерству.

– Представляю, что ему сказали в ответ!

– Он надеялся подкупить их бессмертием. Думал, что это их успокоит. Тот, кто несет в себе обе «искры», при правильном их использовании обречен на долгую, очень долгую жизнь. Почти бессмертие. Вот почему Проклятые не умирают и их так тяжело убить.

– А ты...

Она вздохнула и помедлила с ответом. Затем осторожно сказала:

– Нет. В отличие от них, я не смогла завершить обучение. Лет до шестидесяти буду такой же, как сейчас, а потом начну стареть. И очень быстро.

Шестьдесят лет молодости! В который раз за день у меня выбивают почву из-под ног. А я думал, что меня уже ничем нельзя удивить.

Прочистив горло, я спросил:

– И что Совет?

Она посмотрела с подозрением, но, поняв, что я пока не собираюсь возвращаться к теме долгожительства, продолжила:

– Большинство волшебников так и не поддержали главу, даже несмотря на соблазн долгой жизни. Века ненависти и вражды с темными сделали свое дело. Маги боялись нового, не верили, что оно может принести благо. А еще многие из них опасались потерять места в Совете, уступить их сильнейшим и более способным. Тем, кто сможет одновременно раздуть обе «искры». Маги выразили сомнение в разуме Скульптора. И почти тут же попытались сместить его. Но Целитель, как оказалось, был готов к подобному повороту событий. Попытавшиеся оказать ему сопротивление были уничтожены им и его немногочисленными сторонниками прямо в зале Совета, где мы с тобой совсем недавно находились. Оставшихся распустили. Однако Скульптор допустил ошибку, посчитав, что победил, и оставил в живых многих из тех, кто высказался против. Это его и погубило. Случился мятеж.

После этих слов я от удивления открыл рот.

– Да. Ты не ослышался, – усмехнулась Лаэн. – До Темного мятежа были и другие. Просто Башня не считает нужным рассказывать о них посторонним. Не думаю, что сейчас это кому-нибудь известно. В последние века в некоторые отделы библиотеки имеет право входить только смотритель. Для всех остальных Ходящих дорога туда закрыта. После Темного мятежа маги не наступают на одни и те же грабли дважды. Стали осторожнее. Но давай о мятеже. Скульптора убили во сне.

– Так просто? Не думал, что столь сильного мага можно легко убить. А как же бессмертие?

– Никак. Когда тебе в сердце всаживают артефакт, оставшийся еще со времен Войн Силы, бессмертие бессильно. Помнишь стрелу, с помощью которой ты отправил в Бездну Ходящую? Тогда применили нечто вроде такого оружия. Оно убивает не только тело, но и дух. Гасит «искру» в одно мгновение. После него не оправиться даже Скульптору. Когда погиб Целитель – пришел черед его сторонников. Мятеж, в отличие от Темного, получился крайне удачным. Выступившие против главы Башни уравились за половину ночи. Сохранили незыблемость основ и подхода к магическому обучению, но потеряли множество тайн, канувших в Бездну вместе с великим магом. В том числе оказался утрачен и секрет создания Лепестков Пути. Если Скульптор и успел передать его кому-то из своих учеников, то это оказалось бесполезным поступком. Всем его ученикам не удалось пережить ту ночь.

– Это правдивая история?

Лаэн посмотрела на меня неожиданно строго, а затем неохотно сказала:

– Не знаю. Так мне рассказывали. Не веришь?

– И да. И нет. Не люблю Башню, но чтобы такое...

– Ходящие тоже умеют ненавидеть, бояться и лгать. А в тот раз Башня солгала. Никто за ее пределами не знал, как и почему умер Скульптор. А впоследствии волшебники постарались стереть даже память о том, что случилось. Как видишь – они преуспели.

– А из Скульптора сделали эдакую святую непогрешимость и символ Башни.

– А чего ты хотел? – хмыкнула Лаэн. – Они же умные люди. Упускать такую возможность устроить все наилучшим образом... Сам видишь, что из этого получилось. Девочкам и мальчикам, у которых находят «искру», вбивают в головы легенды о нем. И те мечтают, что вырастут такими, как Скульптор, и будут защищать Башню и Империю. Всем требуется вера в то, что они все делают правильно и идут по верному пути. А Целитель – это маяк, на который ориентируются Ходящие. Ты прав – он стал символом, хотя при жизни был совсем не таким, как о нем рассказывают сейчас.

– А при чем тут Проклятые? – Я тоже, как и она, сел на пол, по-восточному поджав ноги.

– Я как раз подошла к этой части рассказа. После гибели Скульптора все затихло. Конечно, несколько раз среди Ходящих появлялись желающие попробовать запретный плод, но у них ничего не получалось. Те, кому удавалось выжить после таких экспериментов, обычно попадали в лапы Башни, и их убивали свои. А те, кто умирал в ходе ритуала, предавались проклятию. Недалеко отсюда есть дом, прозванный Черным. Там одна из Ходящих пыталась пробить себе выход в Бездну. С тех пор туда никто не рискует заходить.

Я кивнул. О Черном доме не слышал только глухой.

– Началось то, что называют Великим упадком. Каждое новое поколение магов рождалось слабее предыдущего. О том, чтобы, как предки, создавать горы и осушать моря, даже речи не шло. Волшебники начали забывать и терять заклинания. И в этот самый момент

в Совете появилась группа людей, полагающая, что можно вернуть утраченное знание, силу и влияние, которое Башня потеряла за прошедшие со времен смерти Целителя века. Они считали, что для этого нужен приток новой крови. Новая магия. Новая сила. Эти волшебники понимали, что если ничего не изменить, то магия утратит последнее, что у нее есть. Двадцать-тридцать поколений, и Башня деградирует полностью. Ходящие забудут все, что раньше считалось обыденным, а теперь – чуть ли не сказкой. Эти маги считали, что все получится, потому что угроза потери искусства – для каждого, естественно, должна быть страшнее всего остального. Поэтому они решили повторить путь Скульптора и обрести точно такое же могущество, как он. А затем полностью изменить школу в Радужной долине. Обучать новичков обеим сторонам Дара. Хотели превратить Белое не в Черное, а в Серое. Только так, по их мнению, можно было остановить затянувшийся упадок.

– Как они хотели этого добиться? Мятежом?

– Нет. Вначале ни о каком мятеже не было и речи. Они искренне верили, что правы и что, как только научатся, объяснят и покажут открывающиеся перспективы, вся Башня согласится с их доводами.

– Наивные, – усмехнулся я.

– Да нет. Они все правильно просчитали. В то время положение уже было отчаянным, и многие бы их поддержали. Но реформаторы не учли того, что Матерью неожиданно для всех станет Сорита. Она славилась властолюбием и ненавистью к сдисским некромантам. Мать очень быстро перетасила на свою сторону многих из тех, на кого рассчитывали заговорщики, и начала укреплять Башню всеми возможными способами. Отступники замешкались и упустили время. Потом поняли, что теперь против них выступит уже не часть ослепших дураков, а все. Им пришлось затаиться и ждать благоприятного случая. Когда недовольство властью Сориты всколыхнет Башню. Такой случай им представился только через десять лет.

– Подожди! – перебил я ее. – Ты не сказала, как Проклятые получили силу Бездны.

– Ну тогда они еще не были Проклятыми. Чтобы рассказать тебе об этом, мне придется вернуться назад. В тех самых апартаментах, что раньше принадлежали Скульптору, жила одна из Ходящих, которая входила в Совет и была наделена очень большой властью. Ее звали Черкана. Не знаю как – скорее всего, по воле случая – она применила Дар на одну из стен. Там оказалось изображение арки. Точно такое же, как на шпилях старых храмов Мелота – личная печать Скульптора, открывающая устроенный им тайник.

Я понимал, о чем она говорит. Мы бывали в таких местах.

– Что она обрела? – затаив дыхание, спросил я.

– О! Всего ничего. Пару грязных, исписанных корявым неразборчивым почерком стен в маленькой полутемной кладовой. Буквы выступали на них, если использовать рядом Дар. После Темного мятежа Ходящие нашли эту каморку и выжгли плетение, чтобы больше ни у кого не возникало соблазна. Так вот. На стенах Целитель приводил свои опыты по освоению темной «искры». Черкана сразу же смекнула, какое богатство попало в ее руки. Она была достаточно тщеславна, чтобы попытаться овладеть Даром, не доступным больше никому из Башни. Но ничего не получилось. Она не могла контролировать темную «искру», потому что, чтобы ухватить ее, требовался совсем другой подход. Поэтому ей понадобилась помощь того, кто мог бы понять особенности некоторых плетений Скульптора. А кто лучше всего поймет Целителя, как не другой Целитель?

– Проказа!

– Совершенно верно, дорогой. Только тогда ее звали Тальки. Она была близкой подругой

Черканы, и та нашла в себе смелость довериться. Вдвоем они смогли распутать плетения, зашифрованные Скульптором. И начали осваивать новую для себя магию вместе. И, разумеется, втайне от других. В те времена никто даже и не думал проверять «искру» друг друга, и скрыть секрет не составляло особого труда. Черканы и Тальки крупно повезло. Целительница была не только сильна, но и умна. Обучение шло полным ходом. Им потребовалось чуть больше двадцати лет, чтобы стать настоящими мастерами в этом искусстве. Постепенно две сообщницы начали переманивать на свою сторону других Ходящих. Они присматривались, оценивали, прощупывали и лишь спустя долгие месяцы, а то и годы после начала наблюдения предлагали кандидату силу. И, заметь, – ни разу не ошиблись в своем выборе. Все, кто получил подобное предложение, согласились обучаться запрещенной магии. Конечно, у каждого из них были свои особые причины присоединиться к преступившим. Но большинство видело, какие возможности открывает перед Башней темная «искра», сплетенная в единую нить со светлой. О! Это был огромный шаг вперед. Новая магия. Дверь в новую эпоху.

– В Бездну, – не удержался я.

– Не говори ерунды! – резко бросила Лаэн. – Я, по-твоему, выходец из Бездны?

Я тут же прикусил язык.

– Когда Сорита пришла к власти, часть Совета уже владела запрещенным искусством. Среди этих людей было и четверо очень влиятельных Ходящих – Черкана, Тальки, Осо и Гинора. По силе они могли поспорить с Матерью. Кроме них в Совете было еще пятеро отступивших. А сколько простых Ходящих и Огоньков – я даже не знаю. Гинора не сочла нужным мне это рассказывать, но, как я поняла, умевших владеть тьмой и тех, кто не одобрял политику Башни, видя, что она вырождается, оказалось много. Очень много. Чуть меньше половины волшебников. Так что мятеж все-таки состоялся.

– И это произошло через десять лет после того, как на престол взошла новая Мать.

– Да. Сорита была... не слишком любезна со многими. И сделала достаточно такого, чего не стоило делать. Неразумные политические шаги... – Лаэн потерла мочку уха. – Но она сколотила вокруг себя крепкий кулак. В основном опиралась на тех, кто обучал новичков в Радужной долине. Тогда этим занимались только лучшие из лучших – способные противостоять любому, носящему в себе темную «искру». Серьезная сила. Да и в Башне, чего кривить душой, имелись те, кто не дал бы так просто потрясти сформировавшиеся за две тысячи лет устои. В тот день многие из Ходящих и Огоньков, что поддерживали Сориту, с помощью Лепестков Пути отправились в Радужную долину. На ежегодное посвящение выпускников в полноправные маги. Мятежников в Башне оказалось больше, чем сторонников Матери. И случилось то, что уже давно стало историей. О том наре говорят разные вещи... Кто-то уверен, что резня и убийства начались сразу же. Кто-то утверждает, что поначалу заговорщики не собирались применять силу и просто хотели поговорить. Убедить. Но Мать не стала их слушать. Так что, кто бы ни начал первым – случилась страшная бойня. Магические схватки разгорелись по всему Высокому городу, да и в некоторых других частях Альсары тоже. Небольшая часть магов находилась в Корунне, но в столице о мятеже узнали лишь через несколько дней. Так что все решалось здесь. В этой Башне. Магов, вставших на сторону отступников, оказалось гораздо больше, чем многие думали. Говорят, Башня визжала от проходящей через нее мощи, а камень местами плавился и тек, словно вода. С обеих сторон погибли многие. Сорита, Черкана, Осо, Шана. Совета больше не существовало. Из верхушки уцелели лишь Гинора, Тальки и Лейна – Ходящая,

поддерживающая Мать. Впоследствии она заняла ее место. К позднему вечеру этого длинного, кровопролитного дня мятежники начали одерживать победу. Она уже была у них в руках, но к сторонникам Сориты пришло подкрепление. Боевые маги. Никто не мог даже предположить, что они придут столь быстро, да еще и без помощи Лепестков Пути.

– Не понимаю, – нахмурился я. – Как всего за половину дня они смогли преодолеть расстояние от Радужной долины?

– Никак. Они путешествовали и возвращались из Золотой Марки. Кто-то наудачу вызвал их по «Серебряному окну». Всего лишь одно из совпадений, сказавшихся на истории... Мятеж провалился.

– Ты знаешь, – осторожно сказал я, взвешивая каждое слово. – Что-то не сходится.

– Не понимаю...

– О Сорите и Лепестках Пути. Ведь она их усыпила, когда начался мятеж. Это все знают. Так?

– Конечно.

– И меня эта легенда несколько не смущала до тех пор, пока ты не рассказала про случившееся совсем не так, как глашатаи Башни. Либо Сорита была самой настоящей сумасшедшей, либо вся ее роль в разрушении порталов – большая ложь.

– И снова я тебя не понимаю, Нэсс.

– А ты задумайся. Сторонники Матери с утраца отправляются в Радужную долину. На церемонию. Там же, в долине, находятся самые сильные маги-воспитатели. Они тоже поддерживают Сориту. Таким образом, ее основные силы оказываются далеко от Башни. Будь они в Альсгаре – мятежников перебили бы за несколько наров. И вместо того чтобы послать с помощью Лепестков за подмогой и «держат» порталы, чтобы через них как можно быстрее прибыли союзники, Мать усыпляет творение Скульптора. Лишает себя всякой поддержки. Не кажется ли тебе это странным?

Мое солнце выглядела ошеломленной:

– Ну знаешь ли... Я, наверное, ослепла, раз никогда ничего подобного не замечала. Действительно... странный шаг.

– Сорита, судя по всему, душой не была, иначе не владела бы десять лет Синим пламенем. Она ни за что не стала бы уничтожать порталы. Это все равно как запереть себя в горячей комнате. Здесь явно какой-то провал.

Ласка долго-долго молчала, а затем неохотно сказала:

– Считается, что их усыпила Сорита. Об этом говорит Башня. Об этом мне рассказала Гинора – значит, Проклятые считают точно так же. Если бы Лепестки заблокировали мятежники, то почему не разбудили их после? Знаешь... Давай не будем гадать. Мы все равно вряд ли что-нибудь поймем. Если какая-то тайна была, теперь нам ее не узнать. Лучше я дорасскажу о мятеже.

– Конечно.

– К заходу солнца, после такого огромного числа поединков, у заговорщиков не было сил сражаться с новыми бойцами. Это был страшный разгром. А ночь оказалась еще ужаснее, чем день. Сияние Башни было видно даже по ту сторону Устричного моря, и к утру из мятежников уцелело лишь восемь человек. Они смогли покинуть Альсгару. Их не стали преследовать, потому что оставшиеся не были уверены, что уцелеют, если бросятся в погоню. Те, кого позже стали называть Проклятыми, доказали, что будут сражаться до последнего, а магов, пришедших на помощь Башне, выжило не так уж много.

– Не знаю насчет благих намерений, но впоследствии Проклятые убили тысячи людей и погрузили страну в пучину страшной войны.

– Их загнали в угол. Только не думай, что я кого-то оправдываю, – поспешно добавила она. – Это не так. Многого я просто не знаю. Но думаю, у каждой из сторон были свои причины и оправдания для поступков. Ходящие убивали не меньше Проклятых. И мы теперь никогда не узнаем всю правду.

– Зато узнаем, что благими намерениями выложена дорога в Бездну. Ты до сих пор не рассказала мне про Гинору. Как?

– Очень просто. Она не умерла.

– Что?!

– Не смотри на меня так, словно я сошла с ума. Я не вру.

– Но всем известно, что она погибла в Войну Некромантов!

– Люди верят в то, во что хотят поверить, дорогой. Возможно, это звучит невероятно, но она не хотела войны. Даже предлагала товарищам уйти далеко на юг и организовать свою школу. Отличную и от имперской и от сдисской. Но остальные хотели вернуть Башню, завершить то, что было задумано. Холере не оставалось ничего другого, как к ним присоединиться.

– Поэтому она начала убивать, – хмыкнул я. – Насколько я помню, ее еще называли Бичом Войны, и вместе с Чумой она едва не дошла до Корунна, а половина севера оказалась выжжена.

– Я не собираюсь никого обелять, Нэсс. Что было, то было. Возможно, мне наврали. Говорю только то, что знаю. Когда под Брагун-Заном армия Проклятых потерпела поражение и начала отступать к Лестнице Висельника, Гинора поняла, что ей представился последний шанс выйти из игры. Она отвлекла часть имперских войск и увела за собой на восток, тем самым облегчив участь своих компаньонов. Им удалось достичь перевала и перебраться через горы на юг. Ее расчет оправдался. Многие из имперских военных жаждали уничтожить Бич Войны. Да и Ходящие тоже в стороне не оставались. Армию Холеры преследовали по пятам и загнали к болотам Эрлики. Возле них Гинора дала последний бой. Говорят, небо рыдало огнем, а земля пропиталась кровью на несколько ярдов в глубину. Трупов было не счесть, и те, кто погибал, вставали на сторону Чумы, чтобы сражаться против своих товарищей.

– Я слышал это, – кивнул я. – Но все-таки Холера проиграла.

– Да. Для того чтобы никто не понял, что она задумала, ей пришлось стоять насмерть и лишь в самый последний момент отступить с бегущими войсками прямо в болота. Никто из тех, кто сражался за нее, не выжил. Тот, кто не попал в трясину, угодил в плен и был казнен победителями. А она сыграла в смерть.

– И ей поверили? Не стали искать?! Странная беспечность для Ходящих.

– Отчего же? Искали. Но в самое сердце болот даже они заходить не рискнули. К тому же Гинора облапошила всех. Помнишь Даббскую Плешь?

Еще бы я забыл! Горящие дома, крики запершихся горожан и толпы несущихся по улицам покойников. Мы вырвались из городка каким-то чудом.

– Конечно.

– Мертвецы. Много мертвецов. – Лаэн сделала большие глаза. – Мы ведь совсем чуть-чуть подпортили шкуру Тиф и выбросили ее из мира живых. Помнишь, что в Плещи сказал Гис? О старых легендах, относящихся к Войне Некромантов? Когда носитель сильного Дара

умирает насильственной смертью, то после его ухода часть магии не исчезает, а растворяется в мире. Она вызывает дождь. После Темного мятежа Альсгара местами была залита по крыши.

– Помню-помню, – прервал я ее. – Это работает для тех, кто носит в себе светлую «искру». У тех, кто якшается с тьмой, все несколько по-иному. Во время гибели Лихорадки и Холеры в землях Империи оказалось полно вылезших из земли мертвяков.

– Верно. Выплеск дыхания Бездны после гибели сильного волшебника очень силен. Нежить так и валит. Именно поэтому никто не смеет убивать магов в Сдисе. Себе дороже. Ходящие конечно же знали о свойстве темного Дара – призывать покойников. Гинора тоже. Поэтому она инсценировала свою смерть. Устроила выплеск, отдав почти все, что у нее на тот момент было. Наставница пыталась мне объяснить, как она такое проделала, но это оказалось выше моего понимания. Слишком сложное плетение, замешанное на собственной «искре». Вряд ли кто-то из магов смог бы это повторить.

– Даже Проказа?

– Даже она. Гинора умела импровизировать. Все ее плетения не похожи на классические формы, принятые в то и в это время. Можешь поверить – мне в обучении пришлось нелегко.

Я ответил на ее усмешку и спросил:

– Таким образом ей удалось надуть и Ходящих и Шестерых. Они почувствовали ее силу, увидели покойников и списали со счета?

– Да.

– И все пятьсот лет Проклятая пряталась в болотах?

– Нет. Хотя она и провела там какое-то время. Выброс забрал у нее силы, и восстанавливать их пришлось больше сорока лет. Без Дара выходить из топей было опасно. Если бы кто-то ее узнал, она не смогла бы защититься.

– Что потом?

Лаэн пожала плечами:

– Начала жить, как обычный человек. Вокруг болот после войны и по сей день страшная глушь. Небольшие деревушки в десятках лиг друг от друга. Никаких городов, никаких оживленных трактов. Она протянула лет восемьдесят, дожидаясь, чтобы умерли те, кто мог ее помнить, а затем отправилась в дорогу. Хотела скрыться в Грогане, а может, где и поужнее. Но ничего не вышло. С половины пути пришлось вернуться.

– Почему?

– То плетение. Выброс силы, который всех запутал, сработал не так, как она хотела. Чем дальше Гинора удалялась от болот, где сотворила это заклинание, тем слабее горела ее «искра».

– Она оказалась прикована к одному месту! А что было бы, если бы «искра» погасла совсем?

– Проклятые живут благодаря Дару. Как только он исчезнет – они умирают. Поэтому ей не оставалось ничего иного, как поселиться недалеко от болот Эрлики. В лесах Рейнерварра.

Глухое местечко. И темное. Непролазные дебри, опасные существа и прочие радости жизни. Там спокойно можно спрятать целый город, и никто его днем с огнем не найдет. Это, пожалуй, одно из немногих мест в Империи, куда стараются не лезть без видимой причины. И совсем близко к топям, так что Гинора могла там прятаться до скончания веков.

Но это еще не все. С каждым годом она теряла силу. Проклятая смогла обмануть всех,

притворившись мертвой, но последствия обмана оказались куда более суровыми, чем она могла предположить. С каждым прожитым десятком лет ей становилось все тяжелее и тяжелее касаться потока Дара. Рано или поздно «искра» должна была погаснуть.

– Не повезло, – сказал я, впрочем не испытывая какого-либо сочувствия. Змея так нахитрила, что укусила собственный хвост. – Во всяком случае, она прожила достаточно, чтобы ты смогла с ней встретиться. Как это произошло?

Лаэн встала с пола, отряхнула синюю юбку и, не глядя на меня, ответила:

– Случайно. Я жила в одной деревушке. Не так далеко от Рейнерварра, как бы хотелось, но зато с крестьян не брали налог по закону необжитых земель. Не скажу, что там было плохо, но и приятного мало. Мать никогда не отпускала нас с сестрами далеко. Лес был рядом, и в нем водились не самые добрые существа.

Я слушал, не перебивая. Лаэн впервые на моей памяти нарушала наш негласный договор и рассказывала о своей прошлой жизни и семье. Я не знал, что у нее есть сестры.

– Моя «искра», даже по меркам Ходящих, вспыхнула довольно рано. Мне не исполнилось и года. Конечно же никто из нас не знал об этом ничего и не понимал, что это такое. Она просто была, и все. Самое ужасное – я не могла ее контролировать. Слава Мелоту, Дар проявлялся редко, и когда никого, кроме родичей, не было рядом. Но мне исполнилось тринадцать, и это стало напоминать вулкан. Однажды все увидели, *что* я могу делать.

– Они позвали Ходящую?

– Ходящую? – Лаэн горько усмехнулась. – Если бы это было так, возможно, вся моя жизнь пошла по другому пути и я никогда не встретила с тобой. Нет. Почти сотня лиг по пустым и небезопасным краям. Какой дурак отправится в столь долгое путешествие, чтобы найти и привести в деревню мага? Бросить дом, семью и неспаханное поле? Пока новость дойдет до Ходящих, пройдет не один месяц. А затем понадобится время, чтобы они появились в нашей глуши. Так что никто палец о палец не ударил.

– Насколько я знаю, закон Империи ясно гласит – при обнаружении ребенка с волшебным даром следует тут же сообщить любым властям. Они осмелились утаить такое, несмотря на обещание суровых кар?

– Ты, кажется, забываешь, что речь идет о Диком крае. О каких суровых карах можно говорить, когда солдат видят в лучшем случае раз в пять лет? Там каждый сам себе власть и сам себе правосудие. Это давно стало привычным и воспринимается как должное. К тому же можешь поверить мне на слово, никому из жителей не только не пришло в голову, что надо позвать кого-то из Башни, но они попросту не поняли, что у меня проявляется Дар. Гораздо проще было назвать перепуганную девчонку выкидышем из Бездны, обвинить во всех смертных грехах и оставить на съедение диким зверям!

Последние слова она выкрикнула.

– Проклятье! – с чувством сказал я, жалея, что затеял этот разговор, и, подойдя к ней, обнял. – Прости. Не стоило мне...

– Я должна рассказать. Хоть кому-то, – прошептала она, вцепившись мне в плечи так, что это причиняло боль. – Слишком долго держала в себе. Ты выслушаешь?

– Конечно. Они отказались от тебя?

– Родители? – поняла она. – Нет, что ты. Когда толпа раззадорила себя настолько, что набралась храбрости прийти, отец не дал меня в обиду. Они убили его. Со страху, я думаю. А затем всех других. Мать и старшую сестру. И братишку. До сих пор думаю – его-то за что? Он ведь только родился. Я с младшей сестренкой пыталась убежать, но нас без труда догнали.

Что могли сделать две девчонки против здоровых озверевших мужиков? Литу убили сразу. А меня побоялись. – Ее голос ожесточился. – Старухи запугали, что проклятье Бездны тогда падет на всю деревню.

– И что они сделали? – спросил я и затаил дыхание, испугавшись ответа.

– Всего лишь избили, – ровным голосом ответила она. – Сломали ребра и обе руки. Скоты, которых мой отец считал друзьями. Я едва помню, как они оттащили меня к лесу, а когда подвесили к дереву – потеряла сознание от боли. Очнулась, когда их и след простыл. Тут же вновь впала в забытие. Потом помню глубокую ночь. Было больно и ужасно страшно. Очень хотелось пить. И я вновь потеряла сознание. Такой меня и нашла почувствовавшая «искру» Гинора. Она не только спасла меня, но вышла и начала учить Дару. Конечно, не сразу, но однажды такой день настал. Она разожгла меня и попыталась дать все, что смогла. Следующие годы я изучала магию в самом сердце Рейнварра. В какой-то момент Гинора рассказала мне, кто она, но мне уже было все равно. Она была моей единственной семьей и наставницей. Я не боялась.

– Не думал, что в одной из Восьми вдруг проснется доброта к сироте.

– Не поднимай ее уж слишком высоко. Она не скрывала того, что взяла меня к себе только из-за моей «искры». Жить ей оставалось не так много, и Лиса не желала, чтобы весь ее опыт и знания исчезли вместе с ней. Я стала тем сосудом и той надеждой, которые давали Холере хоть какую-то цель. Возможность оставить бесценный Дар для других. Даже спустя века она грезилась о том, что однажды кто-нибудь из моих учеников создаст серую школу, где обе стороны Дара будут сплетены воедино. Но за всю свою жизнь я так и не смогла найти человека со свободной «искрой».

– Ты закончила обучение?

– Нет. – Ласка выскользнула из моих объятий и подошла к дальнему от нас портрету. Я остался на месте. – Мне дали все, что успели. И могу сказать, что за шесть лет, проведенных вместе с Проклятой, я получила гораздо больше, чем Ходящие в Радужной долине за пятнадцать.

– Почему ты не завершила начатое?

– Моя учительница умерла, когда мне исполнилось девятнадцать. Ее «искра» погасла.

– Мне жаль. – Я не знал, почему это сказал, но мне действительно было жалко, что так получилось.

– Пустое, – тихо проговорила она, продолжая смотреть на картину. – И я и она знали, что рано или поздно это случится. Когда Гиноры не стало, я оказалась предоставлена сама себе. Находиться там – не могла. Остальное ты знаешь. Большой мир, город, ты... Наверное, надо было раньше рассказать. Еще в Песьей Травке, но... нам было так хорошо вместе. Я ужасно боялась, что после этого разговора ты...

– Перестань, – мягко сказал я. – Мы уже обсудили это. Я не собираюсь шарахаться от тебя.

– Иди сюда, – попросила она. – Я познакомлю тебя со всей Восьмеркой. Полотна писали еще до Темного мятежа. Расскажу, что говорила мне Гинора.

Я подошел к первому портрету. С него смотрела молодая женщина. Немного раскосые карие глаза, в которых отражалось пламя свечи, идеально прямой нос, полноватые губы, золотистая кожа и две черные тяжелые косы, уложенные вокруг головы в сложную прическу. Однажды я уже встречался с этой дамой. И даже едва не отправил ее в Бездну.

– Тиа ал'Ланкарра. Тиф, – негромко сказала Лаэн. – Ученица, а затем и убийца Сориты.

Изначально она не была среди заговорщиков, но владеть темной «искрой» ее научил Ретар. Говорят, они были любовниками. Когда начался мятеж, она была вместе с Матерью в зале с подснежниками. От Лихорадки Дочь Ночи знала, что должно произойти, но так и не предупредила Ходящую. Колебалась. А когда пришли Митифа и Ретар, ей пришлось выбирать. Сорита без труда скрутила Корь, но когда в бой вступил Альбинос, Тиа перестала колебаться и ударила главе Башни в спину. Возможно, если бы Митифа тогда справилась с Матерью, мир никогда бы не узнал госпожу ал'Ланкарру так, как знает ее теперь.

– Подлая девочка, – хмыкнул я, впрочем не испытывая от ее поступка никакого негодования. На ее месте я бы поступил точно таким же образом. Судя по всему, Сорита была дрянью и получила то, что заслужила – удар в спину.

– Тиф талантлива, опасна, злопамятна, порой жестока, но с ней можно договориться. Остальные ее не слишком-то жалуют и, думаю, давно бы избавились, если бы не боялись не справиться. Южанка из той породы волчиц, что могут убить, даже будучи смертельно ранеными. Я не знаю, почему она взяла такое прозвище – Тиф. Возможно, посчитала, что оно похоже на ее имя. Для нас Убийца Сориты – самый опасный враг. Если не считать Цейры Асани.

На следующем портрете миловидная девушка, по внешнему виду ровесница Тиф, смущенно улыбалась художнику. Великолепная грива черных волос и глаза запуганной всеми волками мира овечки. На бледных щеках горел яркий румянец смущения.

– Кто эта тихоня? – не удержался я.

– Эта, с твоего позволения, «тихоня» не кто иная, как Митифа Данами. Она же Корь. Именно благодаря ей в Империю нагрянули нынешние гости. До Темного мятежа – ученица Проказы делала только то, что скажет ей Тальки. Она всегда предпочитала держаться в тени покровительницы и не высовываться в первые ряды. По потенциалу – самая слабая из Проклятых. Во время Войны Некромантов лишь один раз проявила себя в полной мере – отлично порезвилась с воспитанниками первой ступени в Радужной долине. Убила всех детей. Явно с испуга. Поэтому и получила имя – Корь.

Теперь девица не казалась мне такой уж милой.

– Но в боях Митифа участия практически не принимала. Больше помогала Тальки. Поддерживала ее и служила ширмой для всяких делишек. С другими Проклятыми старается не связываться. Понимает, что силенками не вышла. Тиф ее люто ненавидит и не трогает лишь потому, что тогда придется иметь дело с Тальки.

– Что за кошка между ними пробежала?

– Насколько я знаю, Митифа во время Войны Некромантов попала впросак у Альсары, когда войска Проклятых пытались штурмовать город. Тиф и Лихорадка были ближе всех, попытались исправить положение, и в итоге Ходящим удалось отправить Ретара в Бездну. Дочь Ночи считает, что если бы не Корь, ее любовник никогда бы не погиб.

Я подошел к третьей по счету картине.

– Северянин?! Один из Проклятых был северянином??!

– Удивительно, правда? Обычно носители «искры» рождаются в кланах крайне редко. Перед тобой Лей-рон. Но его всегда звали Леем. Он же – Чума. Огонек погибшей во время Темного мятежа Черканы.

Это был уже пожилой, но все еще крепкий мужчина. Тяжелая нижняя челюсть, пышные рыжие усы, коротко стриженные волосы с едва заметной сединой на висках. Глубоко посаженные льдисто-голубые глаза под густыми кустистыми бровями. Крючковатый,

похожий на клюв грифа, нос сломан, а губы сжаты в одну прямую суровую линию.

– До мятежа его называли не иначе как Несущим свет. В Башне не было лучшего воспитателя для молодых Огоньков. Лей многих выпестовал и столь же многих учеников отправил в Бездну, когда они выступили против него. Во время битвы за Башню его сбросили вниз прямо из зала Совета. Так сказать, он упал с небес на грешную землю.

– Да ну? Как же он выжил?

– Чудо. – Лаэн развела руками. – Лишь сломал ногу и с тех пор достаточно заметно хромот. Все умение Тальки не помогло срастить кость правильно. Хотя, я думаю, она просто не захотела этого делать по каким-то своим причинам. В Войну Некромантов он сражался вместе с Гинорой. Они стояли друг друга. Если ее вторым прозвищем было Бич Войны, то он, словно оправдывая собственную хромоту^[9], и вправду стал Чумой для всей имперской армии. Рыжий безжалостен, расчетлив и очень опасен. Сейчас именно он основная угроза для нашей армии.

– А как Лей в бою?

– Ты о мече? Чего не знаю, того не знаю. Но не думаю, что с хромой ногой он много навоюет. Да к тому же зачем тому, кто владеет магией, железо? Чума – превосходный полководец. Тут он ничем не уступает Чахотке. – Она кивнула на следующую картину.

Породистая бледная рожа, светлые волосы, аккуратная бородка и усы. Весь вид мужчины выражал море презрения к окружающим. Надменные губы просто кричали, что этот человек любит только себя. А еще было в его глазах что-то извращенное. У меня создалось впечатление, что я стою перед разверзнувшейся могилой, в которой лежит не слишком свежий мертвец.

– Рован Ней. Чахотка. Брат-близнец Ретара. Младший в этой очаровательной семейке. И он и его братец – ученики Гиноры. Рован превосходный боец. Просто помешан на всяком оружии. Гордится тем, что всегда держит слово. Пожалуй, это единственная из его добродетелей. Легко впадает в ярость. Он – бешеный, у него не все в порядке с головой. Обожает пытать, унижать и перековывать сознание. В последнем – настоящий виртуоз. Ломает любую волю, словно та сухой прутик. Еще любит окружать себя мертвыми телами, насаживать головы на пики, вспарывать животы, сажать на кол, купать в кипящем масле, отрезать пальцы и предаваться прочим «радостям» мирской жизни.

– Неприятный тип.

– Не то слово. Настоящий скорпион. Гинора говорила, что к концу Войны он полностью вышел из-под контроля. Тиф его опасается.

– Она ему чем-то не угодила?

– Понимаешь, в чем дело. Как говорят, Чахотка любил своего братца отнюдь не братской любовью. Только Бездна теперь знает, догадывался ли об этом Ретар. У последнего с головой было намного лучше, и он положил глаз на Тиа. Чахотка возненавидел ее тут же. Но, не желая ссориться с Альбиносом, молчал и скрипел зубами в уголке. А вот когда брат погиб под Альсгарой, тихая ненависть Рована перешла в открытую. Если Тиа считает, что в гибели Ретара виновата Митифа, то этот живодер обвинил во всем Убийцу Сориты. В какой-то мере он прав. Ретар умер оттого, что защищал ал'Ланкарру. С тех пор они на ножах.

– Почему же он не пришепнул ее?

– Спроси чего полегче! – фыркнула мое солнце. – А вот, кстати говоря, и Ретар, прозванный Лихорадкой. Единственная любовь Тиф.

Внешне этот Огонек был очень похож на младшего брата. Единственное исключение –

белые волосы и ярко-красная радужка глаз. А еще в нем не было ни капли спеси или презрения. Наоборот, парень так и сиял ослепительной улыбкой. От него не исходило враждебности, которую я ощутил, взглянув в лицо Чахотки.

– Гинора часто дразнила меня, что он был куда более старательным и талантливым учеником, чем я, – тихо сказала жена. – Он всегда поддерживал ее. Для Проклятых его смерть оказалась первой большой потерей. Именно поддержки Ретара не хватило для того, чтобы победить при Брагун-Зане.

– Как романтично, – пробормотал я. – Ведь это он всех вывел из города, когда мятеж рухнул?

– Нет. Дурацкая легенда. На самом деле вывел Лей на едва сросшейся ноге. Ретар в то время тащил на руках тяжело раненную Оспу. Вот она.

Посмотрев на картину, я восхищенно присвистнул:

– Однако!

Сказать, что эта серебровласая женщина красива, значило ничего не сказать. Потрясающее лицо. Так, должно быть, выглядели жены первых императоров. Древняя кровь. Любой мужчина за такую мог и убить, и достать луну с небес.

– Подбери слюни, дорогой, – участливо посоветовала мне Лаэн. – Эта красотка давно уже не так хороша.

– У нее на шее кольцо с соколом^[10].

– Верно заметил. Перед тобой одна из двоюродных племянниц тогдашнего императора. Девочка из очень благородной семьи. Естественно, после мятежа это постарались скрыть. Ни к чему людям знать, что одна из родственниц правителя – Проклятая. Подобные откровения не слишком хорошо сказываются на власти. Аленари рей Валлион по праву гордилась красотой. Но ей несколько не повезло во время мятежа. Кто-то из Ходящих умудрился страшно изуродовать ее прекрасное личико. Гинора говорила, что зрелище было слишком неаппетитным. Тальки ничего не смогла сделать. Страшные шрамы остались. Теперь Аленари носит на лице серебряную маску, ненавидит красивых женщин и разбивает подвернувшиеся на ее пути зеркала. Проклятая не так жестока, как Рован, но лучше с ней не сталкиваться. Жалость и Оспа – два несовместимых понятия. В боях и сражениях она смыслит куда больше, чем обычные женщины, и вполне может держаться на уровне Лея и Рована. Одним словом – Высокородная. Может играть на лютне, вышивать на пальцах и в то же время спланировать штурм замка.

Осталось два портрета.

Первой женщине было не больше тридцати пяти. Короткая прическа цвета меда огненных пчел – медно-рыжие, непослушные волосы. Длинная челка падала на зеленые, насмешливые, безудержно веселые глаза. Задорный веснушчатый носик. Ямочки на щеках. Она приветливо улыбалась мне с картины и, казалось, вот-вот засмеется.

– Жаль, что я никогда не видела ее такой веселой, беззаботной и... молодой, – с неожиданной нежностью прошептала Лаэн. – Это Гинора, Нэсс. Моя учительница.

Я во все глаза уставился на Холеру. Она совсем не походила на то чудовище, которое описывала народная молва.

– Она больше всех желала создать новую школу магии и переступить через вековую вражду между темными и светлыми. Жаль, что у нее так и не получилось.

– Она ведь была на короткой ноге с Соритой?

– Да. Гинора Рэйли была близкой подругой Матери, хотя я до сих пор не могу

осмыслить, как можно было общаться с такой дрянью. Она до самого последнего момента пыталась убедить главу Башни в правильности объединения обеих половинок Дара, но все оказалось тщетно.

– И вспыхнул мятеж.

– Да. Его посчитали единственной возможностью добиться своего.

– На последней картине – Проказа?

– Совершенно верно.

Тальки оказалось далеко за шестьдесят. Седые, собранные в пучок волосы, выцветшие голубые глазки. Полное добродушное лицо изъедено морщинами. Кожа на тяжелом подбородке отвисла, а бескровные губы приветливо улыбались. Ну прямо добрая, безобидная старушка.

– Тальки Атруни. Целительница. Самая влиятельная из Шести. Вторая по силе в Совете. Одна из опытейших волшебниц в истории Башни. Обязательно стала бы Матерью, если бы не Сорита. Считается, что каждый из бывших заговорщиков сам по себе, но Проказа после того, как Гинора ушла, является негласным лидером. К ее мнению всегда прислушиваются, и именно за ней окончательное слово в решающих вопросах. Она – кукловод. Пусть тебя не смущает ее внешность. Безжалостна и коварна, как клубок гадюк, и увертлива, как стая кошек. Тальки всегда идет до конца и способна без всякого зазрения совести уничтожить тысячи невинных, если этого требует ее цель.

Вот это точно. В Империи до сих пор с содроганием вспоминают те моры, которые она насылала в Войну Некромантов. Благодаря ей большая половина юго-запада обезлюдела, а часть императорской семьи в течение нескольких дней умерла от проказы.

– Еще та компания, – произнес я, пройдясь вдоль всех портретов и вновь остановившись возле Гиноры. – Спасибо, что рассказала мне о них. Действительно, спасибо. Я словно прозрел.

– Со мной было то же самое. – Мое солнце крепко взяла меня за руку. – Правду очень легко скрыть, и все можно извратить так, как тебе удобно. При всем, что совершили эти люди, они не заслуживают того, чтобы их помнили только как жестоких убийц. Во многих вопросах Ходящие не лучше их. А может быть, и хуже.

– Зачем же Проклятые вернулись теперь? После стольких лет?

– Сделать то, что у них не получилось в ту войну. Уничтожить Башню и Ходящих. Создать новую магию. Вернуться в свою страну, наконец. А ждали они так долго только затем, чтобы исключить любую возможность проигрыша. Проклятые отлично усвоили прошлый урок. Брагун-Зан дался им тяжело. Тогда наши маги воевали с отступниками чуть ли не на равных. Теперь, спустя столько лет, Башня умудрилась многое забыть и еще больше – потерять. Это приведет ее к гибели. Ей почти нечего противопоставить Шестерым.

– Неужели Проклятые станут убивать тысячи только ради того, чтобы изменить основы магии?

Лаэн посмотрела на меня как-то странно и фыркнула:

– Конечно! Магия для них – ценнее всего на свете. Они понимают, что если ничего не сделать сейчас, то еще немного, и будет поздно что-либо менять. «Искры» новичков год от года слабее. Когда-нибудь они и вовсе погаснут. Станут хлипче, чем пламя свечи на ветру. И тогда волшебство навсегда уйдет из мира. Его уже будет не вернуть. Некого станет учить. Так что, с их точки зрения, они совершают благое дело, даже если ради этого придется упечь под землю тысячу-другую душ.

Теперь настала моя очередь фыркать. Больные. Далась им эта магия! Миллионы живут без нее и совершенно не страдают. Правда, спорить с Лаской по этому поводу я не собирался. Лично она без магии прожить не могла, и я это прекрасно видел. Прикосновение к «искре» сродни приему семян клилла – единожды попробовав, уже не можешь остановиться.

– Нас не будут искать? – спросил я, бросая взгляд в окно. Судя по всему, мы провели здесь куда больше нара. – Пора возвращаться.

– Ты прав. – Она бросила последний взгляд на портрет Холеры и, отпустив мою руку, направилась к столику, где лежала перчатка. – Но прежде я хочу, чтобы ты еще кое-что узнал. Когда Гинора умерла и я осталась предоставлена самой себе, то навестила родную деревню... Я ничего не забыла и не простила... Они получили сполна, хотя многие так и не поняли, за что им приходится расплачиваться. Моя новая жизнь и мой новый мир начались со смерти. С тех пор, где бы я ни была, Пожирательница Жизни всегда следует за мной. Сейчас я опережаю ее лишь на шаг.

– Она не догонит тебя. Я не позволю.

– Боюсь, это не в твоей и не в моей власти, Нэсс. И сегодня все решится без нас... Здесь холодно. Давай уйдем.

Я шел за ней по темному, увешанному портретами коридору и думал, что, несмотря ни на что, люблю ее гораздо больше, чем собственную жизнь. И сделаю все для того, чтобы с ней никогда ничего плохого не случилось.

Даже если для этого мне придется отдать душу Бездне.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Хвостатая вестница – название кометы у северян.

Клык Грома – одна из десяти южных крепостей, созданных Скульптором. Врата Шести Башен (самая мощная цитадель) охраняли единственный перевал Самшитовых гор. Воронье Гнездо – подступы к Альсгаре с востока. Кабан – находится между восточным краем болот Шетта и Сандоном. Орлиное Гнездо – между Катугскими горами и Слепым кряжем. Клык Грома – недалеко от Устричного моря, на западном перевале Катугских гор. Последняя крепость, самая маленькая, нависает над Лестницей Висельника и носит одинаковое с ней название. Остальные четыре бастиона были уничтожены во времена Войны Некромантов.

Речной дракон – в Империи так называется крокодил.

Синее пламя – символ власти Матери Ходящих.

Черкана, Осо – зачинщицы Темного мятежа, которые погибли во время битвы в Башне.

Зеленый и красный – цвета Проклятых.

Эпоха Раскола – период, когда магия была разделена на светлую и темную.

Кенью – демоническая сущность, способная обретать форму прекрасной женщины и преследовать мужчину, даря ему любовь и пожирая его жизненные силы.

По народным поверьям, Чума – хромая или одноногая женщина.

Сокол – знак императорской фамилии.

Городской глас – он же городской совет, он же союз честных граждан. Избираемые из числа зажиточных и уважаемых горожан люди, правящие городом, решающие спорные вопросы, вершащие суд над гражданскими преступниками и подчиняющиеся непосредственно Наместнику провинции.

Дорога Наместника – одна из центральных улиц Альсгары. Начинается у Скалы, проходит через весь город и заканчивается в порту Гавани.

Ловец (*устар.*) – так маги прошлого называли носителя Дара, которому приходилось все время ловить собственную «искру», для того чтобы сотворить волшебство. Дар «ловцов» стихийен, непрочен и чаще всего проявляется независимо от желания своего носителя.

Саум – растущий в Великой пустыне колючий кустарник, корни которого используют как наркотическое вещество. Вызывает кошмарные галлюцинации.

Бич Бездны – одно из названий шой-хаша.

Игра в свинок детей – аналог земной лапты.

Пыльца счастья – сильный наркотик, получаемый из щупальцев морской обезьяны, обитающей в южных морях Хары.

Волшебный глаз – одно из названий смотрительного стекла.

«Блазги и кочки» – логическая игра, в которой используется доска-поле и круглые фишки трех цветов.

«**Морской еж**» – тяжелый кистень (рукоять, короткая цепь и большой шипастый шар).

Шагулы – название «рыб».

«Козья нога» – приспособление для натягивания тетивы на некоторых арбалетах.

Изначальные шаги – исторические трактаты, повествующие об истории магии и самых значительных событиях в жизни Ходящих на протяжении нескольких тысячелетий.

Кавалар – имя, данное Скульптору при рождении.

Цветурских слив – имеется в виду темно-синий, почти черный.

Петля – одна из составных частей арбалета.

Так называют гюганское серебро – металл, внешне похожий на белый фарфор.

см. Глоссарий – Блазги.

Лунные долины – название прибрежной области Набатора.